

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 2

Москва
2019

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — Молдован А. М., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Алексеев А. А. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Андерсен Х. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос Анжелес, США

Апресян Ю. Д. — академик РАН, профессор, Институт проблем передачи информации РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Богуславский А. — D.Sc., профессор, Варшавский университет, академик Польской академии наук, Польша

Богуславский И. М. — д. ф. н., профессор, Мадридский технический университет, Испания; Институт проблем передачи информации РАН

Вайс Д. — Ph.D, профессор, Цюрихский университет, Швейцария

фон Вальденфельс Р. — Dr. phil., профессор, Йенский университет им. Фридриха Шиллера, Германия

Варбот Ж. Ж. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Вежбицкая А. — Ph.D., профессор, Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия

Гиппиус А. А. — член-корреспондент РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Ди Сальво М.— Ph.D., профессор, Миланский университет, Италия

Добровольский Д. О. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Журавлёв А. Ф. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Иткин И. Б. — к. ф. н., Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Кайперт Х. — Dr., профессор, Боннский университет, член-корреспондент Геттингенской академии наук, член-корреспондент Баварской академии наук, Германия

Касаткин Л. Л. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Кленин Э. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос-Анджелес, США

Крысин Л. П. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Мелиг Х.-Р. — Ph.D., профессор, Кильский университет, Германия

Мельчук И. А. — Ph.D., профессор, Монреальский университет, Канада

Мечковская Н. Б. — д. ф. н., профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Падучева Е. В.— д. ф. н., профессор, Всероссийский институт научной и технической информации РАН

Плунгян В. А. — академик РАН, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;

Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Рождественская Т. В. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Сичинава Д. В. — к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Стойнова Н. М. — к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Тимберлейк А.— Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Беркли; Колумбийский университет, Нью Йорк, США

Толстая С. М. — академик РАН, профессор, Институт славяноведения РАН

Томмола Х. — D.Sc., профессор, Университет Тампере, Финляндия

Флайер М.— Ph.D., профессор, Гарвардский университет, Кембридж, США

Шайкевич А. Я. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Шмелев А. Д. — д. ф. н., профессор, Московский государственный педагогический университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Ответственный секретарь — Пичхадзе А. А., д. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
VINOGRADOV RUSSIAN LANGUAGE INSTITUTE

RUSSIAN LANGUAGE AND LINGUISTIC THEORY

№ 2

Moscow
2019

EDITORIAL BOARD

Chief Editor — Alexander M. Moldovan, D.Sc. (Russian Language), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia.

Anatoly A. Alexeev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;

Henning Andersen, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;

Yury D. Apresyan, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Institute for Information Transmission Problems of the RAS; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;

Andrzej Bogusławski, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Full Member of the Polish Academy of Sciences, Warsaw University, Poland;

Igor M. Boguslavsky, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Technical University of Madrid, Spain; Institute for Information Transmission Problems of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitry O. Dobrovolsky, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Michael S. Flier, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Harvard University, Cambridge, USA;

Alexey A. Gippius, D.Sc. (Russian Language), National Research University Higher School of Economics, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;

Ilya B. Itkin, Ph.D. (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Institute of Oriental Studies of the RAS; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;

Leonid L. Kasatkin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Helmut Keipert, Dr. (Slavonic Studies), Professor em., University of Bonn, Corresponding Member of the Göttingen Academy of Sciences, Corresponding Member of the Bavarian Academy of Sciences, Germany;

Emily Klenin, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;

Leonid P. Krysin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Nina B. Mechkovskaya, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus;

Hans Robert Mehlig, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Kiel University, Kiel, Germany;

Igor Mel'čuk, Ph.D. (General Linguistics), Professor em., University of Montreal, Canada;

Elena V. Paducheva, D.Sc. (General Linguistics), Professor, All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the RAS, Moscow, Russia;

Vladimir A. Plungian, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS; Lomonosov Moscow State University, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;

Tatyana V. Rozhdestvenskaya, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;

Maria Di Salvo, Ph.D. (Slavonic Studies), Professor em., University of Milan, Italy;

Anatoly Ya. Shaykevich, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Alexey D. Shmelev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Moscow State Pedagogical University; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitri V. Sitchinava, Ph.D. (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Natalia M. Stoyanova, Ph. D. (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia

Alan Timberlake, Ph.D. (Linguistics), Professor em., University of California, Berkeley; Columbia University, New York, USA;

Svetlana M. Tolstaya, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;

Hannu Tammela, D.Sc. (Russian Language and Literature), Professor em., University of Tampere, Finland;

Zhanna Zh. Varbot, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Ruprecht von Waldenfels, Dr. phil. (Slavic Linguistics), Professor, Friedrich Schiller University, Jena, Germany;

Daniel Weiss, Ph.D. (Slavic Languages), Professor, University of Zurich, Switzerland;

Anna Wierzbicka, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Australian National University, Canberra, Australia;

Anatoly F. Zhuravlev, D.Sc. (Slavic Languages), Institute of Slavic Studies of the RAS; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia.

Executive secretary — Anna A. Pichkhadze, D.Sc. (Russian Language), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

- С. В. Князев, А. В. Красько.*
Коартикуляция по голосу в сочетаниях
«велярный + звонкий губно-зубной спирант» внутри и на стыках
фонетических слов в современном русском языке 9
- Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова.*
К типологии орфографических правил: история формирования
и статус правила о написании слов на *-инск(ий)/-енск(ий)* 25
- Г. Е. Крейдлин, Л. А. Хесед.*
Невербальный аспект коммуникативного поведения человека
и его отражение в семантике русских поведенческих прилагательных 42
- М. И. Сидорова.*
Звезда и легенда как слова общего рода:
корпусный анализ вариативного согласования 57
- А. В. Попова.*
Конструкция типа *вода пшти* в рязанских памятниках
деловой письменности XV–XVII вв. 79
- Н. В. Николенкова.*
Справа киевского издания в Москве в середине XVII в.
как иллюстрация этапа формирования
московской орфографической нормы 102
- С. М. Кусмауль.*
Формирование принципов церковнославянской орфографии в XVII в. 121
- В. М. Круглов.*
Из истории относительного подчинения в русском языке:
повтор существительного при местоимении *который*
в текстах петровского времени 149
- К. В. Вершинин.*
Что такое *въ... червчи* в выходной записи Псковского Апостола 1307 г.? 174

Информационно-хроникальные материалы

- Хроника Международной научной конференции
«Актуальные проблемы русской диалектологии»
(*И. А. Букринская, О. Е. Кармакова, А. В. Малышева, О. Г. Ровнова*) 181

Рецензии

В. В. Лопатин, И. С. Улуканов. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка (<i>С. И. Иорданиди</i>).....	190
В. В. Лопатин, И. С. Улуканов. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка (<i>И. Б. Иткин</i>)	198
Е. А. Лютикова. Структура именной группы в безартиклевом языке (<i>А. А. Герасимова</i>)	212

Новые книги

С. М. Толстая. Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике (<i>А. Ф. Журавлев</i>)....	218
Адреса университетов и институтов	221
Правила подачи статей	222

CONTENTS

Articles

- Sergey V. Knyazev, Anastasia V. Krasjko.*
Voice coarticulation in nonhomorganic [velar # (/v/ + sonorant)]
clusters in external sandhi and within phonological words
in modern standard Russian 9
- Elena V. Beshenkova, Olga E. Ivanova.*
The typology of spelling rules and the status of the rule
on the words in *-insk(ij)/-ensk(ij)/-jansk(ij)* 25
- Grigory E. Kreydlin, Lidia A. Khosed.*
Nonverbal components in the semantics of Russian behavioral adjectives 42
- Maria I. Sidorova.*
Zvezda ‘star’ and *legenda* ‘legend’ as common gender nouns:
corpus analysis of variability in agreement 57
- Anna V. Popova.*
Construction of the type *voda piti* (inf. + nom.)
in the 15th–17th century Ryazan business writing 79
- Natalia V. Nikolenkova.*
Kiev editions in Moscow in the mid-17th century
and the development of Moscow orthographic norm 102
- Svetlana M. Kusmaul.*
Formation of the principles of Church Slavonic spelling
in the 17th century 121
- Vasily M. Kruglov.*
Observations from the history of relative constructions in Russian:
syntactic construction with a repeated substantive after the pronoun *kotoryi*
in texts of the Petrine period 149
- Konstantin V. Vershinin.*
Въ... ѡсѣрѣчи in the colophon of the Pskov apostle of 1307:
what does it mean? 174

Reports

- The 6th International Conference “Actual Problems of Russian Dialectology”
(*Irina A. Bukrinskaya, Olga E. Karmakova,*
Anna V. Malysheva, Olga G. Rovnova) 181

Reviews

V. V. Lopatin, I. S. Ulukhanov. The Dictionary of Derivational Affixes in Modern Russian (<i>Sofia I. Jordanidi</i>)	190
V. V. Lopatin, I. S. Ulukhanov. The Dictionary of Derivational Affixes in Modern Russian (<i>Ilya B. Itkin</i>)	198
E. A. Lyutikova. Noun Phrase Structure in an Articleless Language (<i>Anastasia A. Gerasimova</i>)	212

New books

Svetlana M. Tolstaya. The World of Man in the Mirror of Language (<i>Anatoly F. Zhuravlev (Maria S. Mushinskaya)</i>)	218
Adresses of universities and institutes.....	221
Notes for contributors	223

С. В. КНЯЗЕВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» /
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
svknia@gmail.com

А. В. КРАСЬКО

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
anvkrasko@mail.ru

КОАРТИКУЛЯЦИЯ ПО ГОЛОСУ В СОЧЕТАНИЯХ «ВЕЛЯРНЫЙ + ЗВОНКИЙ ГУБНО-ЗУБНОЙ СПИРАНТ» ВНУТРИ И НА СТЫКАХ ФОНЕТИЧЕСКИХ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В работе излагаются результаты экспериментально-фонетического исследования коартикуляции по голосу в сочетаниях «велярный + звонкий губно-зубной спирант» внутри и на стыках фонетических слов в современном русском языке. Результаты исследования свидетельствуют о том, что в данных кластерах согласный [в] может оглушаться. Характер этого оглушения не зависит от способа образования предшествующего согласного, но обуславливается способом образования последующего сонорного. В позиции внутри фонетического слова по сравнению с положением на стыках фонетических слов оглушение выражено в значительно меньшей степени.

Ключевые слова: фонетика, коартикуляция по голосу, губно-зубной спирант.

В современном русском литературном языке «в зависимости от характера последующего звука <в> функционирует либо как сонант (<в> + гласный, <в> + сонорный), либо как звонкий шумный (<в> + звонкий шумный)» [Пауфошима 1969: 150]. Этот сегмент в фонологическом описании может интерпретироваться как «нулевой», или «прозрачный», так как произношение глухого или звонкого согласного перед [в]/[в'] зависит от того, какой сегмент следует за [в]/[в']: если это гласный либо сонорный, то глухие и звонкие согласные различаются ([т]ворец — [д]ворец, о[т] Власа — на[д] Власом), если же это шумный (звонкий) согласный, глухие и звонкие нейтрализуются (о[д] вдовы — на[д] вдовой) [Jacobson 1956].

Ранее было показано, что на стыках слов после гоморганных согласных, реализующих фонемы <п>, <п'>, <ф>, а также <б> и <в> (например, в сочетаниях *часов вечера*, *клуб водников* и т. п.), начальный <в>/<в'> следу-

ющего слова может оглушаться, при этом наличие/отсутствие оглушения зависит от:

- способа образования конечного согласного предшествующего слова: оно значительно более вероятно в положении после фрикативного согласного, чем в положении после смычного;
- правого контекста: в позиции перед (сонорным) согласным оно значительно более вероятно, чем в положении перед гласным [Князев 2006: 105; Воронцова 2007: 4; Knyazev et al. 2007].

Предыдущие исследования показали, что отсутствие коартикуляции согласных на месте сочетания <в#в> на стыках фонетических слов может служить достаточно надежным показателем наличия просодической границы между этими словами, а наличие взаимодействия согласных по голосу в этом положении — показателем отсутствия просодического шва [Князев 2016].

Основные задачи данного исследования заключались в том, чтобы:

- 1) **выявить наличие или отсутствие оглушения [в] после глухого согласного другого места образования (не гоморганного) перед сонорным** (то есть в позиции, максимально способствующей оглушению) на стыках фонетических слов;
- 2) проанализировать **влияние** на наличие или отсутствие оглушения [в] после глухого согласного **способа образования последующего сонорного** (смычные <л>, <н> vs. щелевой <ј>);
- 3) проследить, существует ли подобное явление **внутри фонетических слов** (сочетания «велярный + звонкий губно-зубной спирант» представлены в современном русском языке как внутри, так и на стыках фонетических слов, в то время как после гоморганных согласных, реализующих фонемы <п>, <п'>, <ф>, звонкий губно-зубной согласный встречается только в позиции внешнего сандхи).

Материалом исследования реализации <в> на стыке слов после глухих велярных согласных служили 14 предложений с сочетаниями «глухой заднеязычный + звонкий губно-зубной + сонорный» («<х>/<к> + <в> + <л>/<н>/<ј>»), из них 8 сочетаний после щелевого <х> и 6 — после взрывного. Количество слогов и место ударения не учитывалось.

Материалом исследования реализации <в> внутри фонетического слова служили 12 предложений с сочетаниями «глухой взрывной заднеязычный + звонкий губно-зубной + сонорный» («<к> + <в> + <л>/<н>/<ј>»), 4 из которых находились в положении после гласного, 4 — после сонорного согласного и 4 — после шумного согласного. Место ударения — на первом слове тестового слова.

В предшествующих работах на эту тему влияние места реализации фразового акцента и его типа на ту или иную реализацию <в> не было выявлено, поэтому в настоящем исследовании данный фактор не контролировался.

Тестовые словосочетания (с примерами на стыках слов и внутри слова) были помещены в связные тексты, эти сочетания приведены ниже:

<i>как влага</i>	<i>придираются к въедливости</i>
<i>как флакон</i>	<i>ненависть к Власову</i>
<i>в глазах влажных</i>	<i>но к власти</i>
<i>на стенках флакона</i>	<i>приезжает к внуку</i>
<i>цветок вьюнка</i>	<i>нежности к Владу</i>
<i>сборник Власова</i>	<i>поднёс к вьющимся</i>
<i>смех вьюги</i>	<i>приставать к Власову</i>
<i>избыток внимания</i>	<i>неравнодушен к флоксам</i>
<i>двух внуков</i>	<i>подбежал к внуку</i>
<i>на конях вламываются</i>	<i>подошёл к вьючному</i>
<i>в глазах влажных</i>	<i>подошёл к Власову</i>
<i>любви к внуку</i>	<i>испытывал к Владу.</i>

Первый текст был прочитан 9-ю, второй — 12-ю информантами, носителями современного русского литературного языка в возрасте от 18 до 55 лет.

Процедура принятия решений включала в себя выделение разных фонетических реализаций <в> на основании анализа динамических спектрограмм, полученных при помощи программы Praat (в единичных случаях принимались во внимание данные осциллограмм и перцептивного анализа):

- 1) **v** — полновзвонкого [в],
- 2) **v̥** — оглушенного [в] со слабым шумом + звонкого [в],
- 3) **v̥̥** — полностью оглушенного [в] со слабым (менее интенсивным, чем у [ф]) шумом,
- 4) **f_v** — полувзвонкого [фв] с интенсивным шумом в первой части,
- 5) **f** — полностью глухого [ф] с интенсивным шумом на всем протяжении,
- 6) **w** — вокализованного (аппроксиманта) [w],
- 7) **0** — нуля звука (отсутствия губного согласного),
- 8) **C** — случаи, когда отнесение сегмента к той или иной категории невозможно.

Решение о глухости/звонкости [в] принималось на основании наличия или отсутствия у него нулевой форманты на динамической спектрограмме. В случае оглушения [в] его фрикативный шум сопоставлялся с шумом [ф] на месте <ф>.

Примеры соответствующих фонетических реализаций <в> приведены ниже на рисунках 1–7.

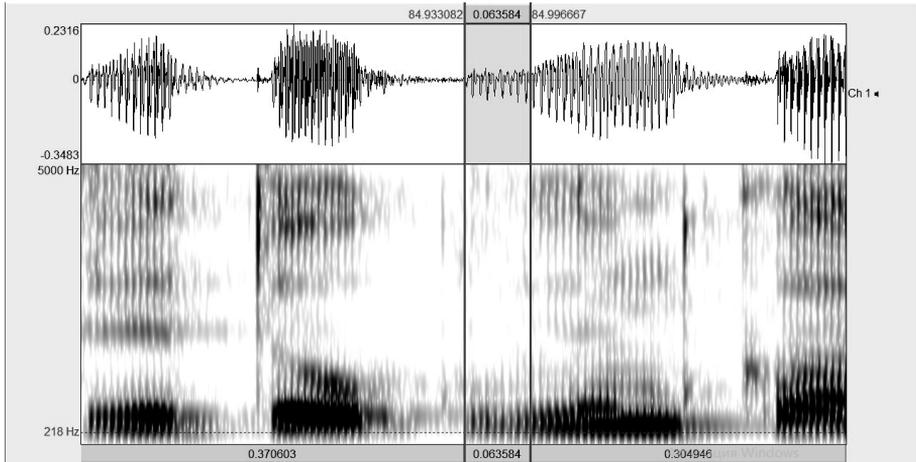

Рис. 1. Осциллограмма и динамическая спектрограмма сочетания *цветок вьюнка*.
Согласный на месте <в> выделен курсорами.
Фонетическая реализация — полнзвонкий [в]

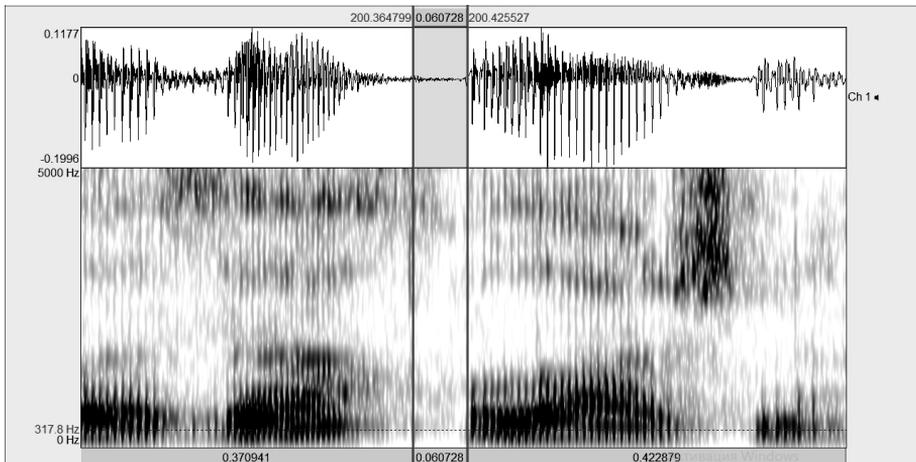

Рис. 2. Осциллограмма и динамическая спектрограмма сочетания *в глазах влажных*.
Согласный на месте <в> выделен курсорами.
Фонетическая реализация — оглушенный [в] со слабым шумом

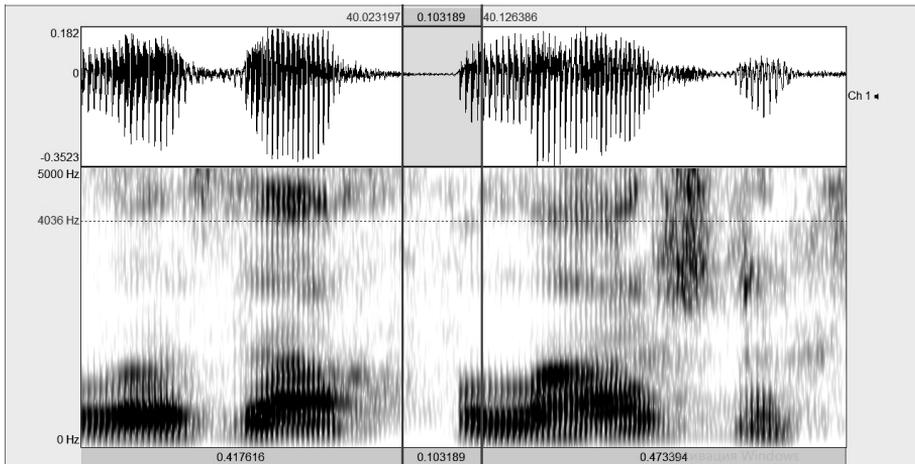

Рис. 3. Осциллограмма и динамическая спектрограмма сочетания *в глазах влажных*. Согласный на месте <в> выделен курсорами. Фонетическая реализация — оглушенный [в] со слабым шумом + звонкий [в]

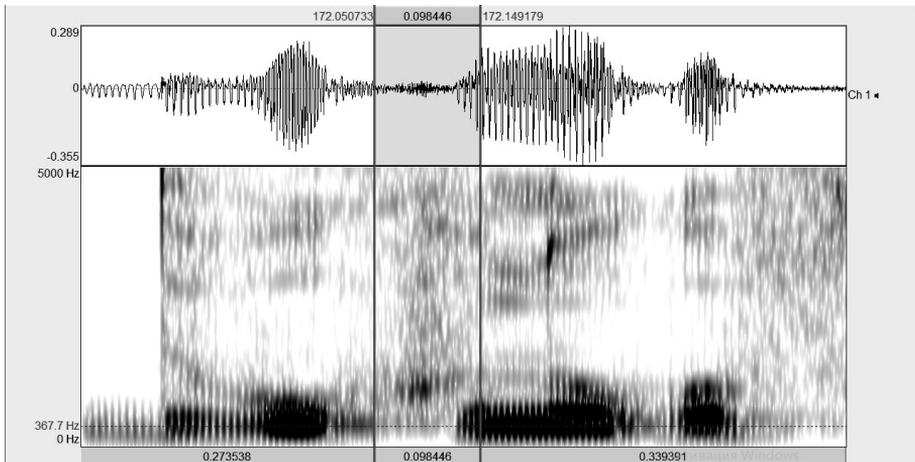

Рис. 4. Осциллограмма и динамическая спектрограмма сочетания *двух ввуков*. Согласный на месте <в> выделен курсорами. Фонетическая реализация — полувзвонкий [в] ([фв])

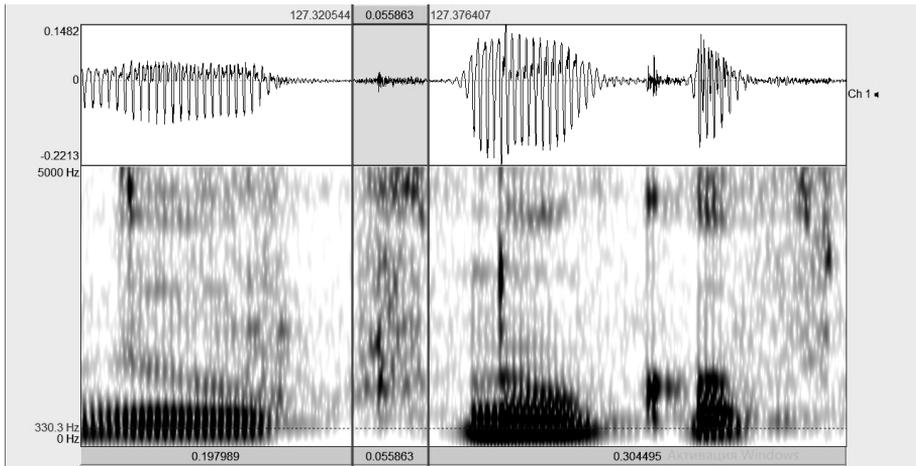

Рис. 5. Осциллограмма и динамическая спектрограмма сочетания *двух внуков*.
Согласный на месте <в> выделен курсорами.
Фонетическая реализация — глухой [ф] с интенсивным шумом

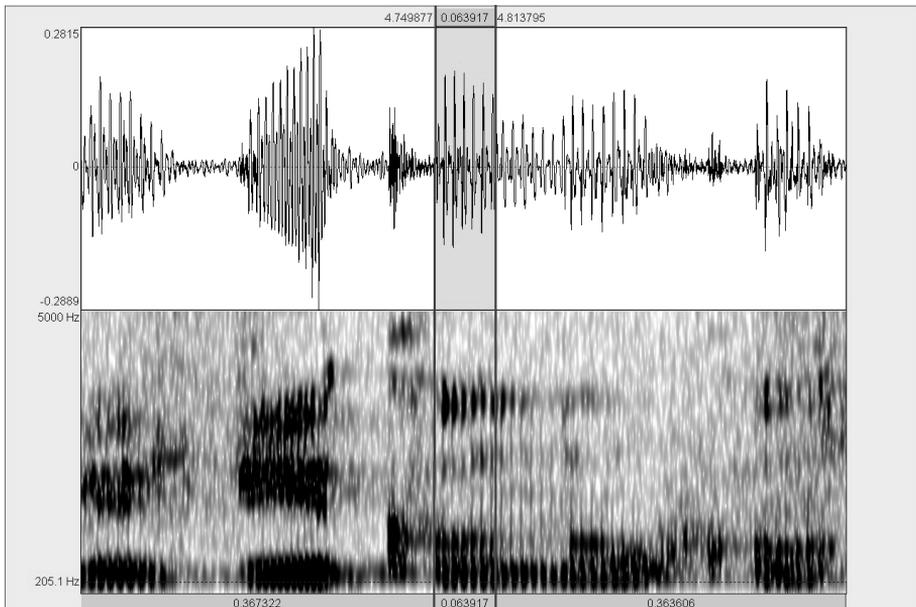

Рис. 6. Осциллограмма и динамическая спектрограмма сочетания *любви к внуку*.
Согласный на месте <в> выделен курсорами.
Фонетическая реализация — вокализованный (аппроксимант) [w]

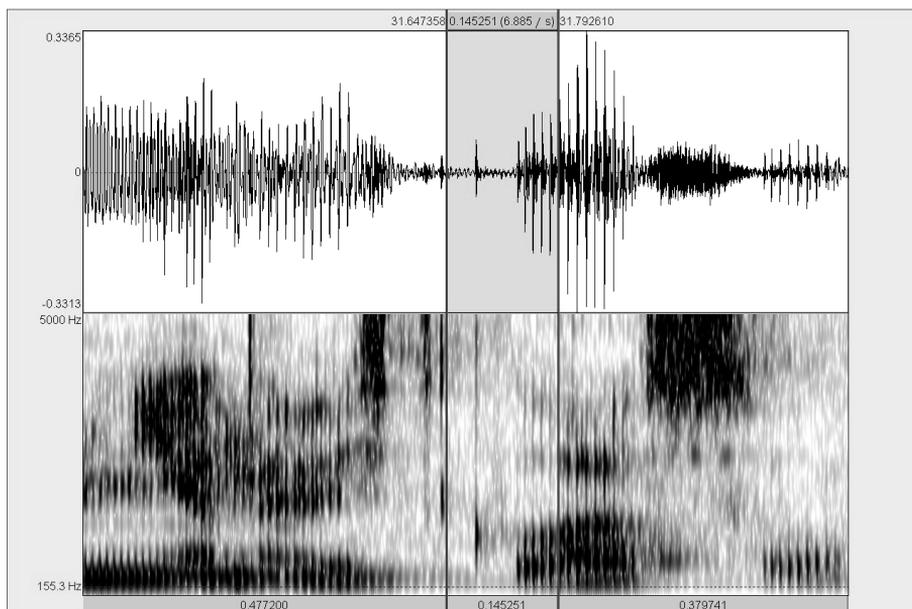

Рис. 7. Осциллограмма и динамическая спектрограмма сочетания *ненависть к Власову*. Курсорами выделены [к] и [л].
Фонетическая реализация — ноль звука

Полученные в ходе исследования результаты в полном виде представлены в таблицах 1 и 2, а в обобщенном — на рисунках 8–14, приведенных ниже. В них использованы следующие условные обозначения: *f* — оглушенный [в], интенсивность которого равна стандартному [ф]; *у* — оглушённый [в], интенсивность которого меньше [ф]; *v* — неоглушенный [в]; *уv* — [в], имеющий глухой, не равный по интенсивности [ф] участок, и звонкий; *fv* — [в], имеющий глухой, равный по интенсивности [ф] участок, и звонкий; *w* — вокализованный [в], интенсивность которого выше, чем у последующего сонорного; *C* — случаи, когда отнесение сегмента к той или иной категории оказалось невозможным; *0* — реализация <в> нулем звука.

Таблица 1

**Реализация <в> в сочетаниях <х>/<к> + <в> + <л>/<н>/<ј>
на стыке слов**

	<х> + <в> + <л>/<н>/<ј>			<к> + <в> + <л>/<н>/<ј>		
	хвл	хвн	хвј	квл	квн	квј
1	f, њ, њ, f	f, f	v	f, f, f	f, f	f
2	v, њv	њv	v, v	f, fџ, њ	њ, њ	fџ
3	fџ, fџ	fџ, f	њv	fџ, v, v	—	v
4	њv, њv, њv, f	fџ	њv, v	њ, њv, њv	њv, v	v
5	њv, њ, њ, њ	fџ	v, v	њ, њ, њ	њ	—
6	њv, v, њv	f	њv	њ, њv	f, f	v
7	њ, њ, њ, њ	f, v	f, f	њ, њ, њ	f	њv
8	f, њ, њ	f, f	њ	њ, њ	f	v
9	њ, f, f, f	f, f	v, f	f, f, f	v, f	њv
	v=7% њv=23% њ=40% fџ=7% f=23%	v=7% њv=7% fџ=21,5% f=64,5%	v=50% њv=21,5% њ=7% f=21,5%	v=8% њv=12% њ=44% fџ=8% f=28%	v=15% њv=8% њ=23% f=54%	v=50% њv=25% fџ=12,5% f=12,5%
	v=17%, њv=19%, њ=22%, fџ=9%, f=33%			v=17%, њv=13%, њ=30%, fџ=7%, f=33%		

Таблица 2

Реализация <в> в сочетаниях <к> + <в> + <л>/<н>/<ј> внутри слова

	гласный + <к> + <в> + <л>/<н>/<ј>			шумный согласный + <к> + <в> + <л>/<н>/<ј>			сонорный + <к> + <в> + <л>/<н>/<ј>		
	квл	квн	квј	квл	квн	квј	квл	квн	квј
1	v, ʏv	v	ʏv	v	v	v	v, ʏ	v	v
2	v, ʏv	v	v	v, ʏv	v	—	v, v	v	v
3	fv	f	v	v, v	f	—	f, fv	ʏ	fv
4	v, ʏv	v	v	0, C	v	C	ʏ, v	f	ʏv
5	ʏ, ʏv	ʏ	—	w, v	—	ʏv	fv	ʏv	ʏ
6	ʏ, C	f	v	0, f	f	f	fv	f	f
7	w, f	w	ʏv	v	fv	w	v, v	v	—
8	v, ʏ	—	—	w, v	v	—	ʏv, ʏ	v	w
9	v, v	—	ʏv	ʏv, v	0	ʏv	ʏv, 0	0	v
10	f	f	ʏv	v, 0	0	—	ʏv, ʏv	f	f
11	v, ʏ	f	v	ʏ, f	ʏ	0	ʏv, v	f	—
12	f	ʏ	ʏ	ʏ, ʏ	ʏ	—	ʏv, ʏ	0	—
	v=33% ʏv=19% ʏ=19% fv=5% f=14% w=5% C=5%	v=30% ʏ=20% f=40% w=10%	v=50% ʏv=40% ʏ=10%	v=41% ʏv=9% ʏ=14% f=9% w=9% C=4% 0=14%	v=37% ʏ=18% fv=9% f=18% 0=18%	v=14,2% ʏv=29% f=14,2% w=14,2% C=14,2% 0=14,2%	v=32% ʏv=27% ʏ=18% fv=14% f=4,5% 0=4,5%	v=36,5% ʏv=9% ʏ=9% f=36,5% 0=9%	v=34% ʏv=11% ʏ=11% fv=11% f=22% w=11%
	v=37%, ʏv=20%, ʏ=17%, fv=2%, f=17%, w=5%, C=2%			v=35%, ʏv=10%, ʏ=12,5%, fv=2,5%, f=12,5%, w=7,5%, C=5%, 0=15%			v=33%, ʏv=19%, ʏ=14%, fv=9%, f=16%, w=2%, 0=7%		

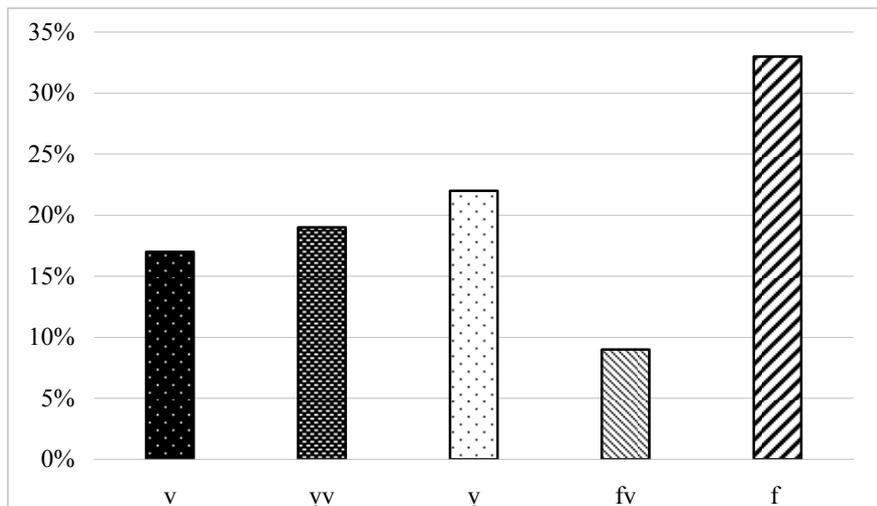

Рис. 8. Количество реализаций — слева направо — 1) полнозвонкого [в], 2) оглушенного [в] со слабым шумом + звонкого [в], 3) полностью оглушенного [в] со слабым шумом, 4) полувзвонкого [фв] и 5) полностью глухого [ф] в процентах от общего числа примеров в позиции после [х] перед всеми сонорными **на стыках фонетических слов**

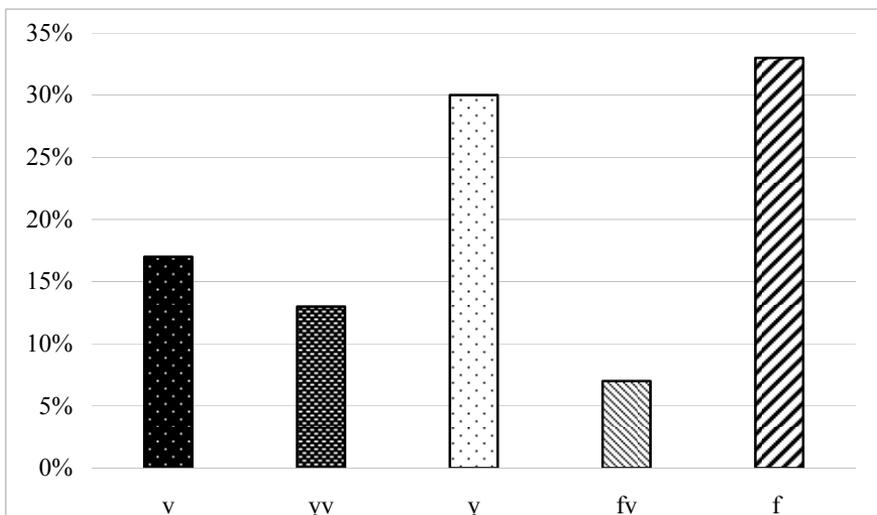

Рис. 9. Количество реализаций — слева направо — 1) полнозвонкого [в], 2) оглушенного [в] со слабым шумом + звонкого [в], 3) полностью оглушенного [в] со слабым шумом, 4) полувзвонкого [фв] и 5) полностью глухого [ф] в процентах от общего числа примеров в позиции после [к] перед всеми сонорными **на стыках фонетических слов**

Приведенные на рисунках 8 и 9 данные дают основания утверждать, что в позиции начала фонетического слова перед сонантом согласный [в] может оглушаться и после негоморганного (велярного) согласного предшествующего слова: всего примеры с оглушением разной степени составляют 83% от общего числа исследованных случаев, полное оглушение зафиксировано в 33% всех случаев. При этом **зависимость от способа образования предшествующего согласного** (взрывной/щелевой) практически **отсутствует**, поэтому в дальнейшем в расчет не принимается.

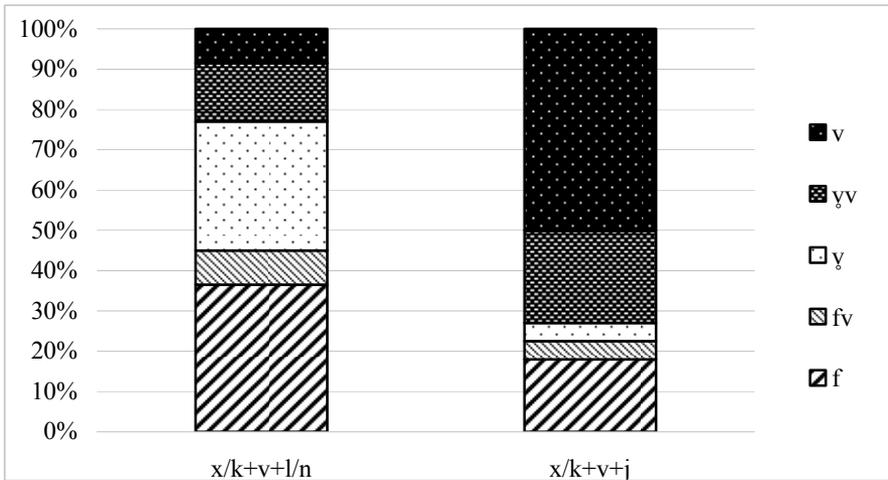

Рис. 10. Количество реализаций — сверху вниз — 1) полновзвонкого [в], 2) оглушенного [в] со слабым шумом + звонкого [в], 3) полностью оглушенного [в] со слабым шумом, 4) полувзвонкого [fv] и 5) полностью глухого [f] в процентах от общего числа примеров в позиции после [к] и [х] в зависимости от способа образования последующего сонорного **на стыках фонетических слов** (слева — перед [л], [н], справа — перед [j])

Данные, представленные на рисунке 10, позволяют сформулировать вывод, что на наличие оглушения [в] после глухого велярного согласного **способ образования последующего сонорного оказывает существенное влияние**: перед щелевым [j] согласный [в] оглушается реже (всего примеры с оглушением разной степени составляют 50% от общего числа исследованных случаев, полное оглушение зафиксировано в 18% всех случаев), чем перед смычн(о-проходн)ыми [н] и [л] (всего примеры с оглушением разной степени составляют 92% от общего числа исследованных случаев, полное оглушение зафиксировано в 37% всех случаев). Таким образом, наличие оглушения способствует более консонантная артикуляция соседнего сегмента, в которой присутствует момент смыкания артикулирующих органов.

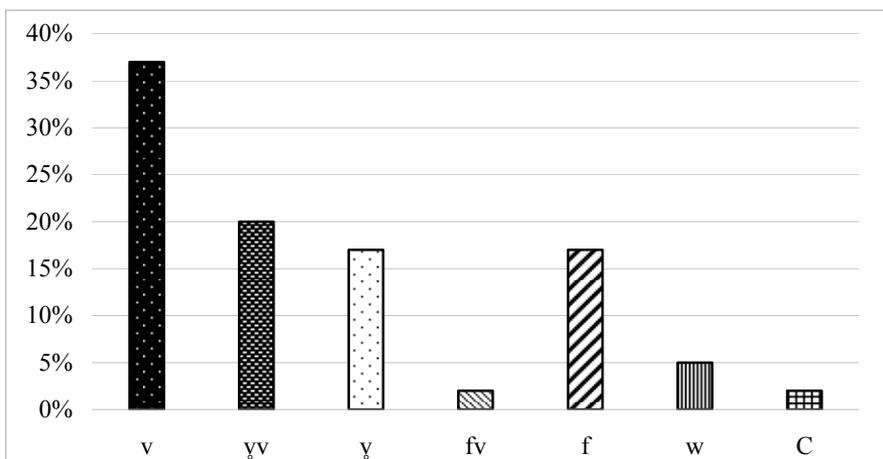

Рис. 11. Количество реализаций — слева направо — 1) полнозвонкого [в], 2) оглушенного [в] со слабым шумом + звонкого [в], 3) полностью оглушенного [в] со слабым шумом, 4) полузвонкого [fv], 5) полностью глухого [ф], 6) вокализованного (аппроксиманта) [w] в процентах от общего числа примеров в позиции после [к] перед всеми сонорными **внутри фонетического слова после слова**, заканчивающегося на гласный (C = случаи, когда отнесение сегмента к той или иной категории оказалось невозможным)

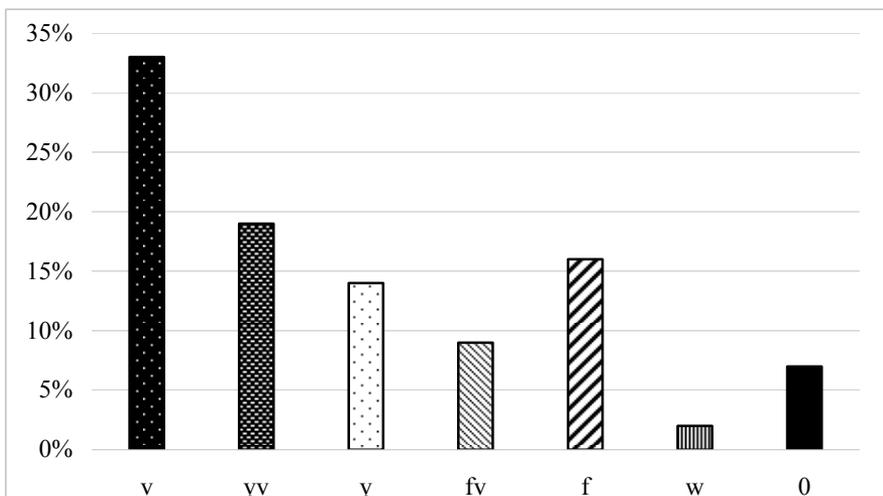

Рис. 12. Количество реализаций — слева направо — 1) полнозвонкого [в], 2) оглушенного [в] со слабым шумом + звонкого [в], 3) полностью оглушенного [в] со слабым шумом, 4) полузвонкого [fv], 5) полностью глухого [ф], 6) вокализованного (аппроксиманта) [w], 7) нуля звука (отсутствия губного согласного) в процентах от общего числа примеров в позиции после [к] перед всеми сонорными **внутри фонетического слова после слова**, заканчивающегося на сонорный согласный

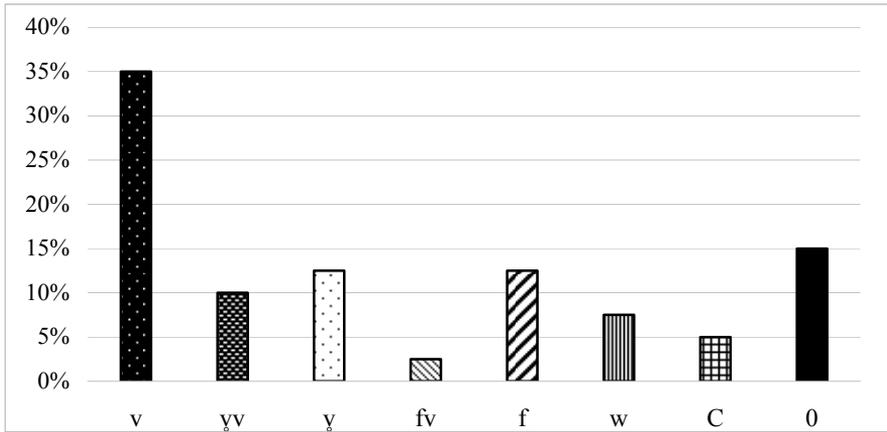

Рис. 13. Количество реализаций — слева направо — 1) полнозвонкого [в], 2) оглушенного [в] со слабым шумом + звонкого [в], 3) полностью оглушенного [в] со слабым шумом, 4) полузвонкого [fv], 5) полностью глухого [ф], 6) вокализованного (аппроксиманта) [w], 7) нуля звука (отсутствия губного согласного) в процентах от общего числа примеров в позиции после [к] перед всеми сонорными **внутри фонетического слова после слова**, заканчивающегося на шумный согласный (С = случаи, когда отнесение сегмента к той или иной категории оказалось невозможным)

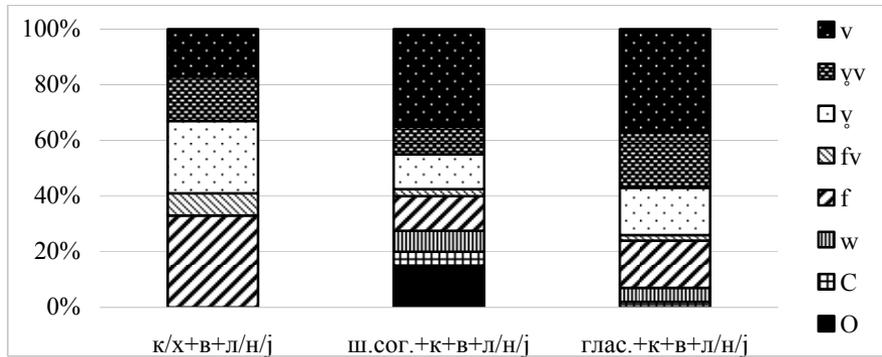

Рис. 14. Количество реализаций — сверху вниз — 1) полнозвонкого [в], 2) оглушенного [в] со слабым шумом + звонкого [в], 3) полностью оглушенного [в] со слабым шумом, 4) полузвонкого [fv], 5) полностью глухого [ф], 6) вокализованного (аппроксиманта) [w], 7) невозможно установить, 8) нуля звука (отсутствия губного согласного) в процентах от общего числа примеров в позиции после глухого веларного перед всеми сонорными **на стыках фонетических слов (слева) и внутри фонетического слова** (в центре — после слова, заканчивающегося на шумный согласный, справа — после слова, заканчивающегося на гласный)

Приведенные на рисунках 11–14 данные позволяют утверждать, что:

- предшествующий сочетанию «[к] + [в] + сонорный» контекст (шумный согласный, сонорный согласный или гласный) не оказывает существенного влияния на характер коартикуляции по голосу в сочетании [кв] в начале фонетического слова: количество примеров без оглушения губно-зубного спиранта во всех случаях составляет около 35 % от их общего числа;
- в позиции после [к] внутри фонетического слова (в его начале) количество примеров без оглушения губно-зубного спиранта существенно (точнее, вдвое: 35 против 17 %) превышает число таких случаев в положении после [к] предшествующего фонетического слова, количество примеров с полностью глухим [ф], наоборот, внутри слова вдвое (16 против 33 %) меньше, чем на стыках слов.

Таким образом, **прогрессивная ассимиляция по глухости/звонкости в позиции внешнего сандхи выражена в большей степени, чем внутри слова.**

На основании анализа полученных в ходе исследования данных можно сформулировать следующие **общие выводы**:

1. В позиции начала фонетического слова перед сонантом согласный [в] может оглушаться и после негоморганного (велярного) согласного предшествующего слова; характер этого оглушения в значительной мере зависит от индивидуальной манеры произношения.

2. Зависимость от способа образования предшествующего согласного (взрывной/щелевой) при этом отсутствует.

3. Наоборот, влияние способа образования последующего сонорного на наличие или отсутствие оглушения [в] после глухого согласного имеет место: перед щелевым [j] согласный [в] оглушается реже, чем перед смычн(о-проходн)ыми [н] и [л]. Таким образом, наличию оглушения способствует более консонантная артикуляция соседнего сегмента, в которой присутствует момент смыкания артикулирующих органов.

4. В позиции внутри фонетического слова перед сонантом [в] также может оглушаться после негоморганного велярного согласного; характер этого оглушения по сравнению с положением начала фонетического слова перед сонантом после того же согласного предшествующего слова выражен в значительно меньшей степени.

5. Предшествующий сочетанию «[к] + [в] + сонорный» контекст не оказывает существенного влияния на характер коартикуляции по голосу в сочетании [кв] в начале фонетического слова.

Л и т е р а т у р а

Воронцова 2007 — И. И. Воронцова. Контекстные изменения по глухости-звонкости в сочетаниях губно-зубных согласных на стыках слов в современном русском литературном языке. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007.

Князев 2006 — С. В. К н я з е в. Структура фонетического слова в русском языке: синхрония и диахрония. М., 2006.

Князев 2016 — С. В. К н я з е в. Коартикуляция на стыках слов как показатель наличия просодического шва в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2016». Москва, 1–4 июня 2016. М., 2016. С. 251–263.

Пауфошима 1969 — Р. Ф. П а у ф о ш и м а. Некоторые вопросы, связанные с категорией глухости/звонкости согласных в говорах русского языка // Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров. М., 1969. С. 138–215.

Knyazev et al. 2007 — S. Knyazev, I. Petrova & I. Vorontsova. Voice Coarticulation Across Word Boundaries in /v/+v/ Sequences in Standard Russian // AFCP Workshop «Coarticulation: cues, direction, and representation». Montpellier, France. December 7, 2007. Montpellier, 2007. P. 247–251.

Jacobson 1956 — R. J a c o b s o n. Die Verteilung der stimmhaften und stimmlosen Geräuschlaute in Russischen // Festschrift für Max Vasmer. Berlin, 1956. S. 199–202.

Статья получена 10.04.2019

Sergey V. Knyazev

National Research University Higher School of Economics /
Moscow State Lomonosov University
(Moscow, Russia)
svknia@gmail.com

Anastasia V. Krasjko

Moscow State Lomonosov University
(Moscow, Russia)
anvkrasko@mail.ru

**VOICE COARTICULATION IN NONHOMORGANIC
[VELAR # (/v/ + SONORANT)] CLUSTERS
IN EXTERNAL SANDHI AND WITHIN PHONOLOGICAL WORDS
IN MODERN STANDARD RUSSIAN**

The present paper reports new results of the research aimed at finding out whether the progressive (carryover) voice coarticulation in Modern Standard Russian is available in non-homorganic [velar # (/v/ + sonorant)] clusters in external sandhi and within phonological words., and if yes, to which extent this phenomenon is dependent on segmental, prosodic, genre, stylistic, or extralinguistic supplementary conditions — segmental, prosodic, genre, stylistic, or extralinguistic.

The results obtained show that

- 1) carryover voice coarticulation in [velar # (/v/ + sonorant)] clusters in an external sandhi position was detected in 75% out of all cases studied;
- 2) the presence of carryover voice coarticulation depends on the right context of the [velar + /v/] cluster: before an occlusive sonorant (dental nasal or lateral [n], [l]) it is detected much more often than before palatal approximant [j];

- 3) on the contrary, no influence of the manner of articulation of the velar consonant (stop or fricative) on voice coarticulation was found;
- 4) carryover voice coarticulation is found to be more widespread in external sandhi positions than within phonological words;
- 5) phonetic realization of the clusters under study is speaker-specific to a high extent.

Keywords: phonetics, voice coarticulation, labio-dental fricative.

References

Jacobson, R. (1956). Die Verteilung der stimmhaften und stimmlosen Geräuschlaute in Russischen. In M. Woltner, & H. Bräuer (Hrsgs), *Festschrift für Max Vasmer* (S. 199–202). Wiesbaden: Otto Harrassowitz.

Knyazev, S. V. (2006). *Struktura foneticheskogo slova v russkom yazyke: sinkhroniya i diakhroniya*. Moscow: MAKS Press.

Knyazev, S. V. (2016). Koartikulyatsiya na stykakh slov kak pokazatel' nalichiya prosodicheskogo shva v russkom yazyke. In V. P. Selegei, et al. (Eds.), *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2016»*. Moskva, 1–4 iyunya 2016 (pp. 251–263). Moscow: RGGU.

Knyazev, S., Petrova, I. & Vorontsova, I. (2007). Voice Coarticulation Across Word Boundaries in /v/+/v/ Sequences in Standard Russian. In *AFCP Workshop «Coarticulation: cues, direction, and representation»*. Montpellier, France. December 7, 2007 (pp. 247–251). Montpellier.

Paufoshima, R. F. (1969). Nekotorye voprosy, svyazannye s kategoriyey glukhosti/zvonkosti soglasnykh v govorakh russkogo yazyka. In S. Vysotskij, et al. (Eds.), *Eksp'erimental'no-foneticheskoe izuchenie russkikh govorov* (pp. 138–215). Moscow: Nauka.

Vorontsova, I. I. (2007). *Kontekstnyye izmeneniya po glukhosti-zvonkosti v sochetaniyakh gubno-zubnykh soglasnykh na stykakh slov v sovremennom russkom literaturnom yazyke* (doctoral dissertation). Moscow.

Received on April 10, 2019

Е. В. БЕШЕНКОВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
evbeshenkova@gmail.com

О. Е. ИВАНОВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
olliva95@yandex.ru

К ТИПОЛОГИИ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ ПРАВИЛ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И СТАТУС ПРАВИЛА О НАПИСАНИИ СЛОВ НА *-ИНСК(ИЙ)/-ЕНСК(ИЙ)*

Норма русского литературного языка, в том числе письменная норма, должна быть надрегionalной и надгрупповой, то есть предназначенной для всего общества, и стабильной. Как выработать кодификацию, соответствующую этим требованиям, если объектом нормирования является лексика, употребляющаяся в не обменивающихся письменным опытом сферах, областях и регионах? В узких научных сообществах и территориально удаленных социумах? Статья посвящена проблеме нормирования сферы письма, охватывающего территориально распределенную лексику, — оттопонимические прилагательные на *-инский/-енский*. Решается теоретический вопрос о статусе нормативных предписаний в такой ситуации и предлагается практическое решение — уточненное правило.

Ключевые слова: орфографическое правило, кодификация, норма письма, местная норма, узус, оттопонимические прилагательные.

Правила орфографии обычно воспринимаются как практические руководства, строгие и однозначные. Именно такие *правила-предписания* включаются в школьный курс. Их формулирование как алгоритмов определения написания, снабженных списком исключений, является целью составителей всех справочников и учебников. Однако безупречное решение на этом пути далеко не всегда достижимо. При описании ряда орфограмм авторы справочников вынуждены в так называемых «сложных случаях», хотя и отвечающих условиям правила, отсылать читателя к орфографическому словарю («в случае затруднений следует обращаться к словарю»). Такая отсылка допустима, если пишущий затрудняется в применении выделенных критериев правила, но недопустима, если критерии легко применить, а результат может оказаться не соответствующим реальности. Для орфографического описания, не допускающего порождения неправильных написаний, но и позволяющего охватить как детерминированные, так и вероятностные связи в системе письма, вводятся правила разных типов: правила-

предписания, правила-тенденции и, как частный случай, правила-рекомендации.

Правила-предписания составляют основной корпус научного описания орфографии. И к ним предъявляются требования, уравнивающие их в правах с другими научными способами интерпретации лингвистических объектов: адекватность проблеме, адекватность описываемому материалу, полнота охвата материала, полнота списка исключений, непротиворечивость, адекватность выделенным критериям, соответствие существующим историческим тенденциям развития системы письма (см. подробнее [Бешенкова, Иванова 2011: 20–26; 2016: 132–142]). Основанные на выделенных критериях, правила-предписания позволяют точно отграничить область, нормируемую одновременно и правилом, и словарем, от области только словарного нормирования. Правила-предписания могут иметь как закрытый ряд исключений, так и открытый класс слов-исключений, обладающий каким-либо опознавательным признаком. Для описания такого класса слов было введено понятие исключения-подправила. Изложенный подход к конструированию строгого орфографического правила позволяет, по нашему мнению, более логично, более прозрачно представить ту часть системы письма, которая характеризуется детерминированными отношениями. При этом дидактическая нацеленность правил добавляет важное специфическое требование — доступность формулировки орфографического правила для обычного носителя языка, сколь бы сложной ни была теория, положенная в его основу.

Для области только словарного нормирования на основании определения статистического предпочтения в современной орфографии, с одной стороны, и исторической тенденции становления узуальной нормы — с другой, могут быть сформулированы правила иного типа — *правила-тенденции*.

Например, при описании в [Бешенкова, Иванова 2018: 298–299] выбора слитного или дефисного написания сложных прилагательных¹ была выделена область действия правила-предписания: слова с подчинительным отношением основ и без суффикса в первой части пишутся слитно, слова с сочинительным отношением основ и с суффиксом в первой части пишутся через дефис. Норма написания слов, не удовлетворяющих этим требованиям, определяется только словарем. Статистический анализ материала показал, что слитно пишется большинство сложных прилагательных без суффикса в первой части при сочинительном отношении основ, дефисно же — большинство сложных прилагательных с суффиксом в первой части при подчинительном отношении основ, этому предпочтению соответствует и историческая тенденция. Данное положение дел отражается в соответствующем правиле-тенденции.

¹ Как известно, существуют два подхода к описанию этого материала: с опорой на смысловые отношения основ в сложном слове (см. [Правила 1956]) и с опорой на наличие или отсутствие суффикса в первой основе (см. [Букчина, Калакуцкая 1974; 1983]).

Конечно, правило-тенденция не позволяет пишущему однозначно определить написание какого-либо уже существующего слова, но оно может выступать руководством при выборе кодификации для новых слов. Иными словами, правила ориентированы не только на актуальное, но и на будущее состояние письма. Эту прогнозирующую силу орфографического правила отмечал С. И. Ожегов [1955: 26–27].

Сложившаяся традиция интерпретации русской орфографии показывает, что сегодня многие правила не столько нацелены на предсказание написания, сколько описывают существующий письменный обычай², то есть выступают инструментом дескриптивной, а не ортологической науки.

Для области письма с заведомо непредсказуемой реализацией возможностей системы, которые, в свою очередь, могут по-разному проявляться в разных регионах, областях, сферах функционирования русского языка используются орфографические правила особого вида — *правила-рекомендации*. Далее рассматривается история создания и оценка статуса одного из таких правил: правила о написании прилагательных с исходом на *-инск(ий)/-енск(ий)/-янск(ий)/-анск(ий)/-ынск(ий)*³, образованных от топонимов. Для полноты охвата материала и соблюдения традиции формулируется также правило написания неоттопонимических прилагательных с этими финалями (*елизаветинский, сретенский*). На примере анализа обширного материала, составляющего лексическую базу правил написания прилагательных, оканчивающихся на безударные *-инск(ий)/-енск(ий)*, и вопросов, возникающих при формулировании логически непротиворечивого и полного правила, продемонстрируем ряд проблем общего характера. Эти проблемы затрагивают описание языкового материала с точки зрения ортологической орфографии и демонстрируют ограничение возможностей ортологического подхода, что определяется характером самого описываемого объекта.

Существующие к настоящему времени варианты правил написания слов рассматриваемого типа различаются и по используемым критериям, и по объему языкового материала, и по ортологической оценке последнего.

² Например, списки исключений из правил о написании корней с чередованиями были дополнены в справочнике [Правила 2006] несколькими словами (*выдирки, побирушка* и др.). Однако простая констатация факта существования слов-исключений не поможет при появлении новых слов, в которых действие морфологического принципа «провоцирует» очередное отклонение от сформулированного правила. Для описываемых в данной статье слов существуют морфонологические тенденции выбора той или иной финали, того или иного наращения суффикса *-ск-*. Однако использование обнаруженных тенденций не позволяет создать дидактически приемлемое правило.

³ Для краткости, а также поскольку финаль *-янск(ий)/-анск(ий)* выступает за единичными исключениями под ударением, а выбор написания финали *-ынск(ий)* или *-инск(ий)* определяется графикой, в названии статьи и ниже в тексте эти единицы опускаются.

Проследим историю формирования правил, расширение или сужение материала, ими регулируемого, сравним используемые критерии, но главное — посмотрим, как лингвисты относились к написаниям, противоречащим вводимым правилам.

Я. К. Грот формулировал правила для всех слов, оканчивающихся на *-инский/-енский*, и выделял два критерия для определения написания прилагательных: тип производящего слова (на *-а*, *-я* или «иначе») и основу с беглым *е*: «Имена женского рода на *а* и *я* дают от себя окончание *инский*: *Анна-а* — *Анна-инский*... То же самое видим мы часто и в относительных прилагательных, произведенных от имен мест или урочищ: (...) *шемахинский*, *бугульминский*, *бухтарминский*, *таращинский*, *жиздринский*, *ломжинский*, *ялтинский*, *сайминский*, *привислинский* (соответственную форму представляют *Семипалат-инск*, *Рыб-инск*).

Форма *енский* напротив придается именам, оканчивающимся не на *а* и *я*, а иначе (напр. от *Керчь* — *керченский*) или и на эти гласные, но при двух перед ними согласных, из которых вторая принадлежит к образовательному окончанию, так что они могут быть разделены при составлении прилагательного; всего чаще окончание *енский* происходит от вставки *е* между двумя согласными перед конечной гласной, напр. от *Борз-на*, *Колом-на*, *Ков-но*, *Лив-ны*, *Ром-ны* образуются прилаг.: *борзенский*, *коломенский*, *ковенский*, *роменский*, *ливенский*» [Грот 1884 (2010): 251–252] (сохранена орфография и пунктуация источника. — *Е. Б.*, *О. И.*). Я. К. Гротом были особо отмечены всего три слова, отвечающие критериям правила, но пишущиеся иначе. Их написание он оценивал как неправильное: «...обычай ввел неправильные формы: *пензенский*, *пресненский*, *привислянский*⁴» [Там же: 252].

В [Правила 1956] подлежащий описанию круг явлений остается прежним (прилагательные на *-инский*, *-енский*), а реально описываемый материал расширяется. Воспроизведем текст соответствующего параграфа полностью, поскольку до сих пор именно он является наиболее авторитетным при решении вопросов нормативного написания.

«Прилагательные, оканчивающиеся на неударяемые *-инский* или *-енский*, группируются по написанию следующим образом:

1. Прилагательные оканчиваются на *-инский*:

а) если от соответствующих существительных употребительно притяжательное прилагательное на *-ин*, например: *сестринский* (сестра — сестрин), *Мариинский* (Мария — Мариин), *Аннинский* (Анна — Аннин), *Саввинский* (Савва — Саввин);

б) если они образованы от географических названий (склоняемых и несклоняемых), оканчивающихся на *-и* (*-ы*), например: *грязинский* (Грязи), *мытищинский* (Мытищи), *химкинский* (Химки), *сочинский* (Сочи), *топкинский* (Топки), *талсинский* (Талсы);

⁴ Современная норма: *привислинский*.

в) если они образованы от географических названий, оканчивающихся на **-а (-я)**, например: *жиздринский* (Жиздра), *ялтинский* (Ялта), *охтинский* (Охта), *ронгинский* (Ронга), *балашихинский* (Балашиха), *ельнинский* (Ельня).

П р и м е ч а н и е. Некоторые прилагательные, образованные от существительных на **-а (-я)**, в соответствии с прочно установившейся традицией сохраняют написание с **-енский**, например: *пресненский* (Пресня), *пензенский* (Пенза).

2. Прилагательные оканчиваются на **-енский**, если они принадлежат к другим словообразовательным типам, например: *грозненский* (Грозный), *городищенский* (Городище), *зареченский* (Заречье), *фрунзенский* (Фрунзе), *коломенский* (Коломна), *песоченский* (Песочня), *горшеченский* (Горшечное). (В последних трех примерах прилагательные содержат в своем составе беглое *е* и суффикс **-ск-**)» [Правила 1956: § 29].

Как и у Я. К. Грота, правило охватывает разные типы слов с финальными частями **-инский** и **-енский**, образованные как от топонимов, так и от нарицательных и личных имен. К критериям выбора написания, выделенным Я. К. Гротом, добавлен еще один тип производящих слов (слова на **-и (-ы)**), вводится также критерий наличия «употребительных» однокоренных притяжательных прилагательных (*сестра — сестрин — сестринский*), при этом примеры остаются прежними, относящимися к «соответствующим существительным» на **-а(я)**.

Наличие отступлений от правила, а именно прилагательных с финалью **-енский** от существительных на **-а(-я)**, отмечено в особом примечании. Авторы говорят о существовании отклоняющихся написаний «в соответствии с прочно установившейся традицией», но в качестве примеров приведено два слова, упоминавшихся и Я. К. Гротом.

В пособиях Д. Э. Розенталя, Н. С. Валгиной и В. Н. Светлышевой формулировки справочника [Правила 1956] повторяются, новые критерии не появляются, но более эксплицитно выделены слова, сохраняющие написание основы: слова на **-енский** с беглым *е* в основе (*коломенский* от *Коломна*, *коломен-*) [Розенталь 1985: 37], слова на **-инский** с основой на **-ин** (*воин — воинский*, *элин — элинский*) [Валгина, Светлышева 1993: 48–49]. В. Н. Светлышева особо отмечает традиционное написание четырех слов — *инзенский*, *лопасненский*, *пензенский*, *пресненский*, образованных от существительных на **-а(-я)** *Инза*, *Лопасня*, *Пенза*, *Пресня*.

В пособии [Кайдалова, Калинина 1998] проблема написания сводится к выбору суффиксов **-инск-**, **-ин-** + **-ск-** или **-енск-**, но по сути формулировка правила близка традиционной⁵. В список особо отмечаемых слов добавляются *свободинский* (в Курске) и *свободненский* (на Амуре). (Заметим, что

⁵ «Суффикс **-инск-** пишется в прилагательных, образованных от существительных, оканчивающихся на **-а(я)**, **-и(-ы)** (...). Суффикс **-ин+ск-** пишется: 1) если прилагательное образовано от притяжательного прилагательного с суффиксом **-ин-** (...); 2) если прилагательное образовано от существительного на **-ин-**: *элинский*, *воинский*» [Кайдалова, Калинина 1998: 67].

эти слова как раз пишутся по правилу: прилагательное *свободинский* образовано от названия на *-а* *Свобода*, а *свободненский* — от названия на *-ный* *Свободный*.)

В академическом справочнике [Правила 2006] традиционные формулировки подверглись существенному изменению: вводятся новые критерии, но главное — область действия правила сильно ограничивается. Во всех перечисленных выше источниках прилагательные на *-енский* сгруппированы «по остаточному принципу»: сюда попадает всё, что не соответствует критериям производности для слов с финалью *-инский* (формулы: «оканчивающимся не на *а* и *я*, а иначе», «принадлежат к другим словообразовательным типам», «в остальных случаях»). Таким образом, правило охватывает все слова с указанными финалями. В академическом справочнике группа прилагательных на *-енский* разбивается: производные от слов на *-ный*, *-ное*, *-но*, *-ищ()*, кроме *-ищи*, пишутся с *енск*, а написание остальных прилагательных предлагается определять по словарю: «Пишется *-енск-* в прилагательных, образованных: а) от географических названий на *-ный*, *-ное*, напр.: *Грозный* — *грозненский* ⟨...⟩, *Спорное* — *спорненский*; б) от географических названий на *-но*, напр.: *Гродно* — *гродненский* ⟨...⟩; в) от слов с основой на *-ищ-* (кроме слов на *-ищи*), напр.: *нищий* — *нищенский*, *кладбище* — *кладбищенский*, *Городище* (город, посёлок) — *городищенский* ⟨...⟩. Прочие прилагательные не образуют групп, напр.: «*Известия*» — *известинский*, *Лодзь* — *лодзинский*, *Устье* (посёлок) — *устьинский*, но *Рождество* — *рождественский*, *Керчь* — *керченский* ⟨...⟩. Такие написания определяются в словарном порядке» [Правила 2006: § 55]. Подобные изменения в идеологии правила подводят к мысли либо о неполноте традиционных формулировок, либо о корректировке норм написания, так как согласно предыдущим формулировкам и слово *Лодзь*, и слово *Керчь* относятся к «прочим» и образованные от них прилагательные должны были бы писаться одинаково с *-енск-*.

Введение этого новшества можно объяснить попыткой учесть реальное написание значительно большего материала, чем тот, который отражен первоначально в [Правила 1956], и признать нормативными устойчивые отклонения от правил. Но данное признание как минимум не соответствует традиционным представлениям о дихотомии норма / не норма, лежащей в основе орфографических правил современности. Если Я. К. Грот считал закрепившиеся написания трех слов, не соответствующие правилам, неправильными, противоправными, то в [Правила 1956] эти написания были приведены в качестве примеров ряда возможных отклонений. Н. А. Еськова оценила подобный подход к материалу следующим образом: «...в нерешительности по отношению к утвердившимся в практике, но теоретически необоснованным написаниям составители свода в этом случае превзошли Грота, оставив в неприкосновенности *енск* в *пензенский*, *пресненский*» [Обзор 1965: 252]. Более поздние справочники по орфографии постепенно расширяли список отклонений от правил, при этом, заметим, не характери-

зую их как исключения, а лишь отмечая в примечаниях. А вот в академическом справочнике [Правила 2006] по существу предлагается открытый ряд словарных написаний подобных прилагательных. Излишне говорить о том, что количество оттопонимических прилагательных (в том числе и с безударными финалями *-инский/-енский*) необозримо и что единого источника сведений о них нет. Таким образом, и перечень отклонений от правил (то есть исключений) не установлен, и словарь, аккумулирующий весь этот «беззаконный» материал, не существует. Поэтому остается всё тот же вопрос: что следует принимать за норму? Написание, соответствующее правилу — единому правилу для всех пишущих, — или также и написание, основанное на местной традиции? Но как определить эту местную норму для всего русскоговорящего мира?

Лексика, попадающая в сферу действия данного правила, на самом деле представляет собой проблему для адекватного научного описания в формате правила, прежде всего в той его части, которая формируется оттопонимическими прилагательными. Дело в том, что и написанию, и образованию имен прилагательных от географических названий в практике письма свойственна большая вариативность. Словообразовательную вариативность оттопонимических прилагательных Е. А. Левашов объясняет так: «Производство оттопонимических прилагательных — творческий словообразовательный процесс: он связан с установлением границы структурно мотивирующей основы, учетом исторических и современных процессов, происходящих на стыке образующей основы и суффикса, выбором нужного суффикса (<...>), влиянием центральных и местных норм. В тех случаях, когда прилагательные затруднительно образовать по нормативной модели, их приходится извлекать из справочников или из памяти, т. е. попросту — знать, поскольку в них закреплены определенные языковые традиции (<...>) (курсив наш. — Е. Б., О. И.)» [Левашов 2000: 7]). Важным представляется именно указываемое Е. А. Левашовым «потенциальное» наличие у многих прилагательных вариативных словообразовательных форм» [Там же: 10], то есть форм, не выявленных ни в данном специальном словаре, ни — в силу неисчислимости географических наименований — вообще в каком-либо реестре лексики.

Аналогичные трудности имеют место и при попытках описания оттопонимических прилагательных в орфографии, точнее, при попытках сформулировать правило как предписание. Стремление учесть узус оттопонимических прилагательных на безударные *-инск(ий)/-енск(ий)*, основанное на анализе данных поисковых систем, анализе письма грамотных носителей, отраженное в словарях, показало как минимум, что:

— производные от слов на *-а, -я, -ище* действительно массово пишутся в соответствии с правилом, например: *аткинский* (Атка), *мадейринский* (Мадейра), — хотя есть и противоположные написания;

— производные от склоняемых слов на *-е, -ь* могут иметь оба написания, критериев распределения или тенденции к появлению преимущественного

типа написания выделить не удастся, например: *зареченский* (Заречье), но *устьинский* (Устье), *керченский* (Керчь), но *лодзинский* (Лодзь), — хотя можно выделить некоторые лексические группы (например, *енск* пишется во всех словах на *-реченский*) или типы основ (например, *енск* пишется во всех словах, образованных от основ, оканчивающихся на *ч*: *керченский*);

— производные от несклоняемых слов на *-е* могут иметь оба написания (*кабвенский* и *кабвинский* от Кабве), но проанализированный материал позволяет говорить о существовании преимущественного написания *енск*;

— производные от одного и того же названия, существующего в разных регионах, по традиции могут писаться по-разному. Так, прилагательное от названия села Ягодное на Украине пишется *ягодненский* (по правилу: *Ягодненский сельсовет Харьковской области*), а от такого же названия села в России — *ягоднинский* (не по правилу: *Ягоднинский район Магаданской области*);

— производные от одного и того же реального топонима могут по-разному писаться в официальных и неофициальных документах: например, при рекомендуемом нормативном (и официально принятом в самом городе) *дубні́нский* от *Дубна́* в текстах СМИ встречается вариант *дубненский* (и словообразовательный вариант *дубенский*);

— разные написания производного от одного и того же топонима могут быть закреплены за определенными объектами или историческими событиями. Так, наряду с соответствующим правилу и количественно преобладающим написанием *капотнинский* от *Капотня* существует прочно закрепившийся в употреблении вариант *капотненский* в названии *Капотненское кладбище*;

— в качестве единственного на письме бытует вариант написания, правилу не соответствующий, но закрепленный сложившейся традицией употребления (только *пресненский*);

— при наличии однокоренных топонимов с разными окончаниями существует либо прилагательное с одним написанием (например, и от названия поселка *Тосно*, и от названия реки *Тосна* образуется одно прилагательное *тосненский* — *тосненский базар* и *тосненский водопад*, есть река *Шушь* и деревня *Шуша*, переросшая в поселок *Шушенское*, и прилагательное *шушенский* — *шушенский сельсовет* и *Саяно-Шушенское водохранилище*), либо прилагательные с вариативным написанием, причем трудно прогнозируемым (например, населенные пункты и природные объекты (болота) с названиями *Чаща* и *Чащь* могут давать прилагательные обоих вариантов: *чащенский/чащинский монастырь*, *болото*, *озеро*, *сельсовет*, *лесопункт*).

Анализ материалов словарей географических названий разных регионов выявил предсказуемую разницу в количестве отклонений от правил, определяемую давностью традиции существования современных топонимов. Так, [Словарь ... Амурской области 2017] отражает лексику региона, в котором основная масса топонимов появилась в XIX—XX вв. Написания от-

топонимических прилагательных в этом регионе и по данным словаря, и по данным Яндекса в основном соответствуют правилу, некоторые написания менялись в направлении соответствия общим правилам (*надежденский* → *надеждинский*, *мирнинский* → *мирненский*). Однако и в этом регионе для единичных слов отмечены устойчивые отклонения от написания по правилу: *ромненский* (от *Ромны*), *ерахтенский* (от *Ерахта*). Изучение материала топонимического словаря окрестностей Москвы (см. [Поспелов 2000]) показало как наличие большого числа исключений, так и наличие вариантов написаний, образованных от одного и того же топонимического имени, но закрепленных за разными объектами. Выявить и перечислить все написания оттопонимических прилагательных на *-инск(ий)/-енск(ий)*, отклоняющиеся от существующих правил, оценить частотность того или иного варианта в принципе не представляется возможным, поскольку здесь мы имеем дело не просто с открытым рядом слов, но, самое главное, — с открытым рядом слов, живущих по законам местной традиции, неизвестной остальному языковому сообществу.

Конечно, письмо не является прерогативой литературного языка, оно может обслуживать и другие страты, и тогда его отношение к различительным признакам языковых и культурных стратов (как то: «1) нормированность — ненормированность, 2) наддиалектность (надтерриториальность) — диалектность (территориальная расчлененность), 3) открытость — закрытость (сферы, системы) 4) стабильность — нестабильность» [Голстой 1995: 17]) меняется, как меняется и оценка лексики, грамматики, орфоэпии в зависимости от места явления на этой шкале. А вот норма письма литературного языка, как и любая другая, должна быть надтерриториальной, единой для всего общества, не должна базироваться на частных установлениях закрытых (ограниченных территориально или профессионально) сфер функционирования письма. Но при этом в письме также реальна ситуация, когда его системные возможности по-разному реализуются в норме далеких друг от друга, не обменивающихся письменным опытом сферах, областях и регионах. Это объясняется, с одной стороны, огромной протяженностью русскоязычного пространства, а с другой — наличием достаточно изолированных в своей коммуникации сообществ. Локально ограниченное письменное употребление данного слова не имеет возможности вступать в конфликт с другими ограниченными по месту употреблению словами той же модели. Иначе говоря, в отдельной области может реализоваться один вариант системы и стать локальной нормой, а в другой области, коммуникативно оторванной от первой, реализуется другая возможность той же системы, и эта реализация также становится локальной, территориально ограниченной нормой.

Как к этому относиться нормализаторам? Теоретически есть две возможности. Во-первых, попытаться выяснить мнение признанных грамотными людей («компетентных носителей языка, или “экспертов”», согласно терминологии А. Д. Шмелева [2017]) о написании всех оттопонимических

прилагательных, сверить их интуицию с реальными письменными текстами, где эти слова встречаются, то есть в местной печати, в юридических документах, на рекламных плакатах и вывесках магазинов. При этом, как уже было отмечено, одно и то же слово может служить топонимом для разных объектов, и прилагательные могут иметь разные написания. Во-вторых, можно продолжить придерживаться сложившейся традиции: считать правильными только те написания, которые соответствуют правилу.

Первый подход в нашем случае практически нереализуем ни в плане сбора материала, ни в плане соблюдения выработанных рекомендаций. С научной точки зрения он не соответствует цели ортологии: обеспечению успешной письменной коммуникации на всем пространстве употребления русского языка. Некоторый компромисс был реализован Е. А. Левашовым в книге «Словарь прилагательных от географических названий» (М., 1986). В предисловии автор пишет: «В словаре прилагательные с **-енск-** представлены как нормативные только в традиционно, исторически закрепившихся случаях (*Брно — брненский, Кладно — кладненский, Пенза — пензенский* и под.). В остальных же случаях (обычно связанных с местными, малознакомыми географическими названиями, когда действие литературных норм ослабляется) на первом месте — как нормативные — даны прилагательные с **-инск-**, а в скобках (как существующий, хотя с точки зрения политики нормализации словообразовательных средств и нежелательный, орфографический вариант) с **-енск-**: *Мирный — мирнинский (мирненский), Охта — охтинский (охтенский)*» [Левашов 1968: 9]. Что дает такой подход? Только информацию о том, что на местах существует написание производного прилагательного, не соответствующее правилу. Кому такая информация нужна? Только лингвистам как материал для установления нормы, возможно, для корректировки правила. О подобной ситуации в соотношении норма — правило писал А. Д. Шмелев: «Лишь в случаях, когда орфографическая норма не вполне сложилась (ср., например, колебания в написании прописных и строчных букв в названиях учреждений или в правописании таких новых слов, как, скажем, *риелтор*), новый свод правил должен устанавливать ее таким образом, чтобы она отвечала общим принципам, положенным в основу устройства русской орфографии» [Шмелев 2009: 74].

Поэтому единственно возможный — второй путь: попытаться привлечь и изучить максимально представительный материал и с учетом его анализа уточнить правило. Такое уточненное правило приводится ниже.

В нем авторы возвращаются к задаче определить написание всех слов с безударными финалями *-инский, -енский* (при ударных *-инский, -енский, -янский*). В сферу действия правила вводится еще одна группа слов (прилагательные от неизменяемых топонимов на *-е — Скопье*). Список слов, написание которых правилу не отвечает, расширяется и в соответствии с традицией помещается в рубрику «исключения», хотя материал правила таков, что сделать список исключений закрытым не представляется возможным (см. объяснение выше).

Итак, принципиальной особенностью данного правила-рекомендации, его типологически значимыми чертами являются, с одной стороны, формулировка кодифицированной нормы с опорой на уже выработанные традиционные типы написаний слов и, с другой стороны, наличие открытого списка исключений в связи с невозможностью исчислить соответствующую лексику.

Предлагаемое правило

И написанию, и образованию имен прилагательных на *-инск(ий)/-енск(ий)* от географических названий в практике письма свойственна большая вариативность. Написания, соответствующие правилу, следует рассматривать как предпочтительные, если возникает необходимость выбора одного из бытующих на письме вариантов.

Правило 1. В прилагательных от географических названий на безударные *-инск(ий)/-енск(ий)*,

1) образованных с помощью суффикса *-ск-*, сохраняется написание основы (*воеводинский* (Воеводина), *гатчинский* (Гатчина), *дрезденский* (Дрезден), *ильменский* (Ильмень), *коломенский* (Коломна, с беглым *е*), *коровинский* (Коровино), *ливенский* (Ливны, с беглым *е*), *устюженский* (Устюжна, с беглым *е*)) **при возможном совмещении производящей основы на *-ск* и суффикса**⁶ (*актюбинский* (Актюбинск), *белореченский* (Белореченск), *дальнереченский* (Дальнереченск), *обнинский* (Обнинск)),

2) образованных от существительных-топонимов на *-а(-я), -и(-ы)*, пишется *инск* (*ай-петринский* (Ай-Петри), *ельнинский* (Ельня), *клязьминский* (Клязьма), *мытищинский* (Мытищи), *свободинский* (Свобода), *шахтинский* (Шахты)),

3) образованных от существительных-топонимов на *-ный(-ное, -ная, -ные), -но, -ище*, пишется *енск* (*гродненский* (Гродно), *городищенский* (Городище), *мирненский* (Мирный), *отраденский* (Отрадное и Отрадная), *свободненский* (Свободный)),

4) образованных от неизменяемых существительных-топонимов на *-е*, пишется *енск* (*русенский* (Русе), *скопьенский* (Скопье), *фрунзенский* (Фрунзе), *эйренский* (Эйре));

5) образованных от изменяемых существительных-топонимов с основой на шипящую, пишется *енск* (*зареченский* (Заречье), *керченский* (Керчь), *шушенский* (Шушь)).

В остальных случаях написание прилагательного определяется по словарю (*счастъенский* (Счастье) — *устынский* (Устье), *лодзинский* (Лодзь), *кирсинский* (Кирс)).

⁶ В соответствии с [РГ 1980: 285].

Исключения. К настоящему времени выявлено некоторое количество наиболее устойчивых отклонений от предусматриваемого правилами написания оттопонимических прилагательных на *-инский/-енский*:

енск в производных от слов на *-а(-я), -ы(-и)*: образованные от слов с основой на «согласный + н»: *варненский* (Варна), *Капотненское кладбище* (Капотня), *лобненский* (Лобня), *лопасненский* (Лопасня), *пресненский* (Пресня), *ромненский* (Ромны), *сходненский* (Сходня); слова на *-реченский*: *большереченский* (Большая речка), а также: *лысьвенский* (Лысьва), *нытвенский* (Нытва), *пензенский* (Пенза), *сайменский* (Сайма), *сунженский* (Сунжа), *тюрингенский* (Тюрингия), *чэсменский* (Чэсма, село);

инск в производных от слов на *-ный(-ная, -ное, -ные)*: *икрянинский* (Икряное), *оловяннинский* (Оловянное), *полярнинский* (Полярный), *радужнинский* (Радужный), *раздельнинский* (Раздельное), *смольнинский* (Смольный), *ягоднинский* (Ягодное).

Примечание. Под ударением могут быть суффиксы *-инск-*, *-енск-* и *-янск-*, например: *амудары́нский*, *бирюси́нский*, *туви́нский*, *бры́нский*, *италья́нский*, *рудня́нский*, *таитя́нский*, *троя́нский*.

Примеры⁷.

Слова с суффиксом *-инск-* от слов на *-а(-я), -и(-ы)*: *алупкинский* (Алупка), *алуштинский* (Алушта), *альяскинский* (Аляска), *арагвинский* (Арагва, Арагви), *ахтубинский* (Ахтуба), *балашихинский* (Балашиха), *барвихинский* (Барвиха), *бурсинский* (Бурса), *варнинский* (Варни), *горкинский* (Горки), *городичинский* (Городищи), *грязинский* (Грязи), *джинджинский* (Джинджа), *дубнинский* (Дубна), *ельнинский* (Ельня), *жиздринский* (Жиздра), *ивакинский* (Иваки), *игаркинский* (Игарка), *йыхвинский* (Йыхви), *кандинский* (Канди), *карачинский* (Карачи), *клязьминский* (Клязьма), *кодринский* (Кодри), *колвинский* (Колва), *конынский* (Конья), *краинский* (Сербская Краина), *красногоркинский* (Красная горка), *крутихинский* (Крутиха), *лискинский* (Лиски), *мытищинский* (Мытищи), *олёкминский* (Олёкма), *охтинский* (Охта), *рицинский* (Рица), *свободинский* (Свобода), *сосьвинский* (Сосьва), *сочинский* (Сочи), *таборинский* (Табора), *талсинский* (Талса и Талси), *тампинский* (Тампа), *темзинский* (Темза), *тиксинский* (Тикси), *тольяттинский* (Тольятти), *тындинский* (Тында), *тюринский* (Тюри), *уджинский* (Уджи), *усть-коксинский* (Усть-Кокса), *хайфинский* (Хайфа), *хиллинский* (Хилла), *химкинский* (Химки), *цалкинский* (Цалка), *черёмушкинский* (Черёмушки), *чернухинский* (Чернухи), *черустинский* (Черусти), *шаринский* (Шари), *шемонахинский* (Шемонаиха), *шилкинский* (Шилка), *шипкинский* (Шипка), *шосткинский* (Шостка), *эвинский* (Элва), *электроуглинский* (Электроугли), *этнинский* (Этна), *юсьвинский* (Юсьва), *ялтинский* (Ялта), *ямайкинский*⁸ (Ямайка).

⁷ Список примеров демонстрационный, далеко не полный.

⁸ Наряду с более распространенным *ямайский*.

Слова с суффиксом -енск- от слов на -ный(-ная, -ное, -ные), -но, -ище:

от слов на -ный(-ная, -ное, -ные): *грозненский* (Грозный), *гусь-хрустальный* (Гусь-Хрустальный), *долгопрудненский* (Долгопрудный), *железнодороженский* (Железнодорожный), *изобильненский* (Изобильный), *касторненский* (Касторное), *мирненский* (Мирный), *отраденский* (Отрадное, село, и Отрадная, станица), *приютненский* (Приютное), *прохладненский* (Прохладный), *раздольненский* (Раздольное, село, и Раздольная, станица), *рактненский* (Ракитное), *ремонтненский* (Ремонтное), *рубеженский* (Рубежное), *рудненский* (Рудный), *свободненский* (Свободный), *снеженский* (Снежный), *спорненский* (Спорное), *хлевенский* (Хлевное); от слов на -но: *гродненский* (Гродно), *молодечненский* (Молодечно), *тосненский* (Тосно); от слов на -ище: *городищенский* (Городище), *дворищенский* (Дворище), *займищенский* (Займище), *лбищенский* (Лбище), *усадищенский* (Усадище); от несклоняемых слов на -е: *кабвенский* (Кабве), *киквидзенский* (Киквидзе, поселок), *плунгенский* (Плунге), *русенский* (Русе), *скопьянский* (Скопье), *фрунзенский* (Фрунзе), *эйренский* (Эйре).

Слова с суффиксом -ск- с сохранением основы:

от слов с основой на -ин: *алексинский* (Алексин, Алексино), *алёхинский* (Алёхино), *болдинский* (Болдино), *бруклинский* (Бруклин), *ванинский* (Ванино), *висконсинский* (Висконсин), *калязинский* (Калязин), *камышинский* (Камышин), *кривошеинский* (Кривошеино), *куркинский* (Куркино), *марьинский* (Марьино), *нежинский* (Нежин), *оптинский* (Оптина пустынь), *останкинский* (Останкино), *пушкинский* (Пушкин и Пушкино, города), *пуцинский* (Пущино), *тарутинский* (Тарутино), *тушинский* (Тушино), *ямайкинский* (Ямайкино); от слов с основой на -ен, в том числе с беглой гласной: *баденский* (Баден), *висбаденский* (Висбаден), *дрезденский* (Дрезден), *йеменский* (Йемен), *ковенский* (Ковно), *коломенский* (Коломна), *ливенский* (Ливны, Ливен), *плевенский* (Плевен, также Плевна), *ровенский* (Ровно), *роменский* (Ромны), *устюженский* (Устюжна), *штицбергенский* (Шпицберген), *эссенский* (Эссен).

Правило 2. В прилагательных не от географических названий на безударные -инск(ий)/-енск(ий)/-янск(ий),

1) образованных с помощью суффикса -ск-, сохраняется написание основы (*благовещенский* (Благовещение), *воздвиженский* (Воздвижение), *знаменский* (Знамение), *Ризоположенский* (Ризоположение), *сретенский* (Сретенение), *беженский* (беженец), *игуменский* (игумен), *воинский* (воин), *каинский* (Каин, каин), *элинский* (эллины), *филистимлянский* (филистимляне)),

2) образованных от слов на -а, -я, пишется инск (*ведьминский* (ведьма), *глинkinский* (Глинка), *елизаветинский* (Елизавета), *известинский* («Известия»), *правдинский* («Правда»), *сестринский* (сестра); и с к л ю ч е н и е: *Предтеченский* (Предтеча)),

3) в остальных случаях пишется енск (*кладбищенский* (кладбище), *нашенский* (наш), *нищенский* (нищий), *рождественский* (Рождество)).

Мы полагаем, что, опираясь на преобладающий узус и более чем полувековую традицию кодификации, отражающей массовую узуальную норму, можно считать предложенное правило вполне объективно выражающим реальность общеязыковой нормы⁹. Данная норма служит ориентиром в спорных и неоднозначных вопросах выбора написания, если, например, возникла необходимость первой фиксации или, напротив, переименования какого-либо муниципального образования, организации. В соответствии с нею местные написания, противоречащие *общенародному* правилу, могут быть осмысленно откорректированы.

Очевиден тот факт, что во всех случаях отклонений от установленных в орфографическом правиле требований — и в случае с местными традиционными написаниями слов определенной модели, и в случае с корпоративными написаниями¹⁰, — приоритет значимости сохраняется за общеязыковыми — общенародными — способами письменного оформления слов. Именно эта функция единых правил орфографии и единого орфографического словаря работает на идею связанности территории России, всего русскоязычного пространства и противостоит дроблению письма по признаку принадлежности местам и ведомствам.

Литература и источники

Бешенкова, Иванова 2011 — Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. Русское письмо в правилах с комментариями. М., 2011.

⁹ Резюмируя наблюдения о том, что словообразование оттопонимических прилагательных сверхвариативно и изобилует отступлениями от общих закономерностей, Е. А. Левашов так передал представление о наличии тем не менее в сознании носителей языка общей нормы: «эти правила носителями языка ощущаются — и используются» [Левашов 2000: 6].

¹⁰ Здесь нам кажется логичным расширить диапазон рассуждения и включить в него, помимо местных, также и корпоративные нормы, претендующие в последнее время как минимум на статус допустимого варианта кодифицированной письменной нормы (см., например, [Панова 2017]), о чем уже приходилось писать: «На поле кодификационной деятельности кроме специалистов по орфографии появились новые субъекты — чиновники госорганов и функционеры корпораций, создающие в недрах своих организаций документы обязательной юридической силы, нормы которых — в том числе и письменные — обязательны для применения в нижестоящих бюрократических звеньях. Понятно, что если в этих документах употреблено слово, написанное с отклонением от правила, которому оно должно подчиняться (*Государственная Дума* вместо *Государственная дума*, «*круглый стол*» вместо *круглый стол*, *демо-версия* вместо *демоверсия*), то эта ошибка будет тиражироваться. Так возникает ненужная конкуренция норм орфографического словаря и норм документов, и создаются условия для искусственной вариативности написаний» [Иванова 2017: 421–422] (см. также [Константинова 2016]).

Бешенкова, Иванова 2016 — Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. Теория и практика нормирования русского письма. М., 2016.

Бешенкова, Иванова 2018 — Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. Аспектное описание русской орфографии. М., 2018.

Букчина, Калакуцкая 1974 — Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая. Лингвистические основания орфографического оформления сложных слов / Нерешенные вопросы русского правописания. М., 1974. С. 5–14.

Букчина, Калакуцкая 1983 — Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая. Слитно или раздельно? (Опыт словаря-справочника). Ок. 82 000 слов. 3-е изд., испр. и доп. М., 1982.

Валгина, Светлышева 1993 — Н. С. Валгина, В. Н. Светлышева. Орфография и пунктуация: Справочник. М., 1993.

Грот 1884 (2010) — Я. К. Грот. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. 5-е изд. СПб., 1884. М., 2010.

Иванова 2017 — О. Е. Иванова. Орфографическая кодификация и социальная динамика // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 13 (Культура русской речи). М., 2017. С. 417–425.

Кайдалова, Калинина 1998 — А. И. Кайдалова, И. К. Калинина. Современная русская орфография. М., 1998.

Константинова 2016 — А. Ю. Константинова. Процессы нормализации русского языка и современные субъекты нормы // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 4. С. 233–236.

Левашов 1986 — Е. А. Левашов. Словарь прилагательных от географических названий. М., 1986.

Левашов 2000 — Е. А. Левашов. Географические названия. Прилагательные, образованные от них. Названия жителей: Словарь-справочник. СПб., 2000.

Обзор 1965 — Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.). М., 1965.

Ожегов 1955 — С. И. Ожегов. Очередные вопросы культуры речи // Вопросы культуры речи. Вып. 1. 1955. С. 5–33.

Панова 2017 — М. Н. Панова. Русский язык в сфере государственного управления и литературная норма // Русская речь. 2017. № 3. С. 33–40.

Поспелов 2000 — Е. М. Поспелов. Топонимический словарь Московской области: селения и реки Подмосковья. М., 2000.

Правила 1956 — Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.

Правила 2006 — Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2006.

РГ 1980 — Русская грамматика: В 2 т. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. I. М., 1980.

Розенталь 1985 — Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию и литературной правке: Для работников печати. 4-е изд., испр. и доп. М., 1985.

Словарь ... Амурской области 2017 — Словарь географических названий Амурской области. Населенные пункты / Е. Л. Калинина, О. Ю. Галуза, Г. В. Быкова и др. Благовещенск, 2017.

Толстой 1995 — Н. И. Толстой. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

Шмелев 2009 — А. Д. Шмелев. Орфографические нормы и орфографические правила // Русский язык в школе. 2009. № 9. С. 70–75.

Шмелев 2017 — А. Д. Шмелев. Возможна ли кодификация языковых норм в эпоху социальных и культурных изменений // Международная научная конференция «Культура русской речи» (Грофовские чтения). Москва, 16–18 февраля 2017 г. Тезисы докладов. М., 2017. С. 117 [Электронный ресурс:] <https://sites.google.com/site/grotconf/tezisy-2017>.

Статья получена 01.04.2019

Elena V. Beshenkova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
evbeshenkova@gmail.com

Olga E. Ivanova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
olliva95@yandex.ru

THE TYPOLOGY OF SPELLING RULES AND THE STATUS OF THE RULE ON THE WORDS IN *-INSK(IJ)*/*-ENSK(IJ)*/*-JANSK(IJ)*

Normative prescriptions of any literary language, including the written norm, are required to be supra-dialectal (supra-territorial), open to the whole society (not confined to any particular social groups), and stable. How do we develop a codification that meets these requirements if the object of standardization is vocabulary used in areas and regions not sharing written experience, such as narrow scientific communities, or territorially remote ones? The article is devoted to the problem of standardizing a particular segment of toponymical lexicon — adjectives in *-insk(ij)*/*-ensk(ij)*/*-jansk(ij)*. The theoretical question of the status of regulatory prescriptions in such a situation is considered and an updated rule is proposed.

Keywords: spelling rule, codification, written norm, local norm, usage, toponymic adjectives in *-insk(ij)*/*-ensk(ij)*/*-jansk(ij)*.

References

- Beshenkova, E. V., & Ivanova, O. E. (2011). *Russkoe pis'mo v pravilakh s kommentariyami*. Moscow: Azbukovnik.
- Beshenkova, E. V., & Ivanova, O. E. (2016). *Teoriya i praktika normirovaniya russkogo pis'ma*. Moscow: Leksrus.
- Beshenkova, E. V., & Ivanova, O. E. (2018). *Aspektnoe opisanie russkoy orfografii*. Moscow: Leksrus.
- Bukchina, B. Z., & Kalakutskaya, L. P. (1974). Lingvisticheskie osnovaniya orfograficheskogo oformleniya slozhnykh slov. In R. I. Avanesov, et al. (Eds.), *Nereshennyye voprosy russkogo pravopisaniya* (pp. 5–14). Moscow: Nauka.
- Bukchina, B. Z., & Kalakutskaya, L. P. (1982). *Slitno ili razdel'no? (Opyt slovaryspravochnika)* (3rd ed.). Moscow: Russkiy yazyk.

- Grot, Ya. K. (2010). *Spornye voprosy russkogo pravopisaniya ot Petra Velikogo donyne* (5th ed.). Moscow: URSS: Librokom.
- Ivanova, O. E. (2017). Orfograficheskaya kodifikatsiya i sotsial'naya dinamika. In *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* (Issue 13, pp. 417–425). Moscow.
- Kalinina, E. L., et al. (Eds.). (2017). *Slovar' geograficheskikh nazvaniy Amurskoy oblasti. Naseleнные пункты*. Blagoveshchensk: BGPU.
- Kaydalova, A. I., & Kalinina, I. K. (1998). *Sovremennaya russkaya orfografiya*. Moscow: Vysshaya shkola.
- Konstantinova, A. Yu. (2016). Protsessy normalizatsii russkogo yazyka i sovremennye sub"ekty normy. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 4, 233–236.
- Levashov, E. A. (1986). *Slovar' prilagatel'nykh ot geograficheskikh nazvaniy*. Moscow: Russkiy yazyk.
- Levashov, E. A. (2000). *Geograficheskie nazvaniya. Prilagatel'nye, obrazovannye ot nikh. Nazvaniya zHITELEY*. St. Petersburg: DB.
- Lopatin V. V. (Ed.). (2006). *Pravila russkoy orfografii i punktuatsii. Polnyy akademicheskiy spravochnik*. Moscow: Eksmo.
- Ozhegov, S. I. (1955). Ocherednye voprosy kul'tury rechi. *Voprosy kul'tury rechi*, 1, 5–33.
- Panova, M. N. (2017). Russkiy yazyk v sfere gosudarstvennogo upravleniya i literaturnaya norma. *Russkaya rech'*, 3, 33–40.
- Pospelov, E. M. (2000). *Toponimicheskii slovar' Moskovskoy oblasti: seleniya i reki Podmoskov'ya*. Moscow: Profizdat.
- Rozental, D. E. (1985). *Spravochnik po pravopisaniyu i literaturnoy pravke* (4th ed.). Moscow: Prosveshchenie.
- Shmelev, A. D. (2009). Orfograficheskie normy i orfograficheskie pravila. *Russkiy yazyk v shkole*, 9, 70–75.
- Shmelev, A. D. (2017). Vozmozhna li kodifikatsiya yazykovykh norm v epokhu sotsial'nykh i kul'turnykh izmeneniy. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Kul'tura russkoy rechi» (Grotovskie chteniya) (p. 117). Moscow. Retrieved from <https://sites.google.com/site/grotconf/tezisy-2017>.
- Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1980). *Russkaya grammatika* (Vols. 1–2). Moscow: Nauka.
- Tolstoy, N. I. (1995). *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike*. Moscow: Indrik.
- Valgina, N. S., & Svetlysheva, V. N. (1993). *Orfografiya i punktuatsiya*. Moscow: Vysshaya shkola.
- Vinogradov, V. V. (Ed.). (1965). *Obzor predlozheniy po usovershenstvovaniyu russkoy orfografii (XVIII—XX vv.)*. Moscow: Nauka.

Received on April 1, 2019

Г. Е. КРЕЙДЛИН

Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Россия)
gekr@iitp.ru, grigory.e.kreydlin@gmail.com

Л. А. ХЕСЕД

Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Россия)
lidakhe@yandex.ru

НЕВЕРБАЛЬНЫЙ АСПЕКТ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В СЕМАНТИКЕ РУССКИХ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ*

Статья посвящена описанию значения и употребления русских поведенческих прилагательных в сочетании с именами поведенческих актов и жанров. Акцент делается на невербальных аспектах коммуникативного поведения человека и их отражении в семантике изучаемых прилагательных. Показаны соотношения отдельных компонентов значения прилагательных с категориями вежливости и невежливости, понятиями этикета и ситуативной нормы.

Ключевые слова: вежливость, невежливость, поведенческие прилагательные, русский язык, семантика.

Введение. Постановка задачи

При анализе лексикографических представлений русских прилагательных, которые описывают и оценивают коммуникативное поведение человека (далее мы будем называть такие прилагательные **поведенческими**), обращает на себя внимание полное отсутствие словарной информации о возможных невербальных проявлениях особенностей такого поведения. Это во многом обуславливает тему настоящей работы, цель которой — показать на ряде примеров адекватность и даже необходимость включения такой информации в лексикографическое представление соответствующих слов.

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 17-04-00253, ОГН «Язык и культура телеутов» и проект № 16-04-00051 «Русская соматическая лексика: когнитивный и семиотический аспекты».

К русским поведенческим прилагательным относятся слова оценочной семантики, причём как положительной, ср. *вежливый, галантный, любезный, тактичный*, так и отрицательной, ср. *невежливый, беспардонный, бесцеремонный, наглый, хамский* и пр. Все эти и другие поведенческие прилагательные в своих исходных значениях сочетаются с именами поведенческих актов и жанров общего или конкретных типов, относящихся либо к вербальному, либо к невербальному кодам. Ср. такие именные группы, как *вежливое поведение, галантный поступок, хамская выходка, наглые действия* и *неуместный вопрос, любезная просьба, тактичное молчание, неприличная поза*. Интересующие нас прилагательные могут сочетаться также с названиями конкретных классов жестов или отдельных жестов (слово *жест* понимается здесь широко: к жестам относятся знаковые движения рук, ног, плеч и головы, выражения лица, позы, тактильные жесты и др.)¹. Примерами таких сочетаний служат выражения *развязная походка, церемонное рукопожатие, фамильярное похлопывание (по плечу), непростительное кривляние, нахальная ухмылка*.

Отметим две важные особенности поведенческих прилагательных.

Первая состоит в том, что они могут характеризовать людей, выступая при этом либо как прилагательные, обозначающие их актуальные действия, либо как прилагательные, обозначающие постоянные свойства человека. Так, в предложении (1) *Он не мог предположить, что Тернавский решится на такой наглый поступок, и до поры не хотел говорить о происшествии перед театром* (Н. Леонов. Лекарство от жизни. 2001 [НКРЯ])² выражение *наглый поступок* описывает отношение автора к актуальному действию лица, а в предложении (2) *В присутствии этого и несчастного, и наглого человека он почему-то чувствовал себя легче* (М. Арцыбашев. Миллионы. 1912 [НКРЯ]) слово *наглый* обозначает свойство человека.

Вторая особенность — тесная связь поведенческих прилагательных с понятием **ситуативной нормы**, то есть нормы, определяемой «применительно к конкретным целям и интересам лица, связанного с этой ситуацией; применительно к ожиданиям и предположениям некоторого лица и т. д.» [Кустова 2005: 316]³. Оценка, которая содержится в подавляющем большинстве поведенческих прилагательных, тоже «привязана» к ситуативной норме. Иными словами, знак оценки и её характер определяются относительно актуальной ситуации, в которой выступает человек — агент поведения. Так, вторгаться в разговор старших — это невежливо: нарушается определённая ситуативная норма. Пример соответствия ситуативной норме — это уступить место пожилому человеку в транспорте.

¹ О семиотических классах жестов см. [Крейдлин 2002].

² Все примеры взяты из НКРЯ.

³ О понятии ситуативной, или прагматической, нормы писали ещё раньше Н. Д. Арутюнова [1988] и М. А. Кронгауз [2004а].

Далее мы остановимся на русских поведенческих прилагательных⁴ в их, так сказать, исходных употреблениях, то есть рассмотрим сочетания таких прилагательных с именами общих или конкретных поведенческих актов. Нас интересуют следующие вопросы: 1) какие аспекты невербального поведения высвечивают рассматриваемые прилагательные, 2) какого рода оценки закреплены за ними и 3) как следует представлять в толковых словарях соответствующую языковую информацию. В фокусе нашего внимания будет то, как соотносится выявленная при анализе семантическая и прагматическая информация с отдельными элементами категорий вежливости и невежливости.

План дальнейшего изложения таков: сначала мы опишем и охарактеризуем изучаемый в работе материал, в частности обратим внимание на возможные расхождения семантической и синтаксической сфер действия рассматриваемых прилагательных в их сочетаниях с существительными. После этого мы остановимся на оценках, которые закреплены за поведенческими прилагательными, на особенностях вербального описания этих оценок и невербальных манифестациях, обуславливающих подобные оценки. Акцент при этом будет сделан на тех аспектах семантики прилагательных, которые соотносятся с категориями вежливости и невежливости. В конце работы анализируются некоторые именные группы с рассматриваемыми прилагательными и существительными — именами жестов и классов жестов.

§ 1. Общая характеристика поведенческих прилагательных

На основе сплошного просмотра словаря [Ожегов, Шведова 1992] были выделены 66 русских поведенческих прилагательных, которые сочетаются как с именами речевых, так и с именами поведенческих актов. Когда прилагательные характеризуют речевые акты, в статье они названы **вербальными иллокутивными**, а когда прилагательные характеризуют неречевые семиотические акты, — **невербальными иллокутивными**. Так, употребление прилагательного *учтивый* в сочетании *учтивый ответ* является вербальным иллокутивным, а в сочетании *учтивый поклон* — невербальным.

Среди невербальных иллокутивных прилагательных выделяются следующие подгруппы в соответствии с невербальными единицами разных семиотических типов. Это прилагательные, которые определяют параязыковые акты (ср. такие имена, как *смех*, *крик*, *плач*, *стон*), жестовые акты (*поклон*, *поцелуй*, *походка*, *поза*), визуальные акты (*взгляд*, *всматривание*), мимические акты (*гримаса*, *улыбка*, *кривляние*), тактильные акты (*касание*, *прикос-*

⁴ Некоторые из этих прилагательных, в частности *галантный*, *учтивый*, *любезный*, *грубый*, *дерзкий*, *хамский* и др., были разобраны в диссертации [Хесед 2013].

новение, объятие) и некоторые другие виды актов. Есть также невербальные иллокутивные прилагательные, которым присущи сочетания с именами знаковых или незнаковых коммуникативных действий либо комплексов действий самого общего характера. Это имена как нейтральные по оценке (ср. такие слова, как *акт, действие, деятельность, жест, знак (внимания), поведение, ПОСТУПОК 1*)⁵, так и оценочные (*выверт, выходка, проделка, ПОСТУПОК 2, чудачество, шалость*)⁶. Из прилагательных обеих групп для нас интересны в основном те, которые соотносятся с категориями вежливости и невежливости, понимаемыми в смысле работ [Крылова 2006; Ларина 2009; 2013; Culprer 2011]. Ср., например, понимание слова *вежливо* как доминанты синонимического ряда *вежливо, галантно, учтиво, любезно*, описание которого дано Т. В. Крыловой в [НОСС 2004]: «Вежливо — демонстрируя в установленной этикетом форме уважительное и благожелательное отношение к другому человеку и удовольствие от общения с ним» [Там же: 79].

Сочетаемость отобранных прилагательных с существительными указанных двух классов достаточно прихотлива. Так, нельзя сказать **внимательный знак* или **знак выходки*, но вполне нормальными являются сочетания *добрый знак* и *знак внимания*. Также неправильно сочетание **приличный смех* при вполне правильном *неприличный смех* (см. предложение (3) ниже).

Прихотливы в употреблении и числовые формы интересующих нас единиц: одни из них предпочтительнее в сочетаниях с существительным в единственном числе, а другие — с существительным во множественном числе, ср. ^{??}*наглае действие vs. наглые действия*.

З а м е ч а н и е

В связи с указанным числовым распределением возникает вопрос, не следует ли описывать сочетаемость поведенческих прилагательных отдельно в единственном числе и отдельно во множественном числе. Не исключено, что такое различие в сочетаемости вызвано тем, что поведенческие прилагательные по своей онтологической природе предназначены для характеристики актуального поведения отдельного лица или, реже, группы лиц, связанных между собой некоторым общим свойством, в то время как

⁵ Часть из этих слов соотносится с предикатами действий «верхнего уровня» по терминологии, предложенной Ю. Д. Апресяном [2003: 7—21].

⁶ Слово *поступок* относится к тем многозначным словам, в семантике которых как отдельные выделяются безоценочное и оценочное значения, ср. такие слова, как *характер, мелодичность, нравственность* и некоторые другие. Лексема ПОСТУПОК 1 — это безоценочная единица, а лексема ПОСТУПОК 2 — оценочная. Так, в предложении *Наиболее важные решения и поступки лучше перенести на следующий месяц* употребляется лексема ПОСТУПОК 1, а в предложении *Выступление на собрании было поступком* — лексема ПОСТУПОК 2.

прилагательным цвета, формы, размера и т. д. такое ограничение не свойственно. Атрибутивные группы во множественном числе означали бы многократность совершения определённых поведенческих актов, что представляется не всегда правомерным, ср. *Его учтивый поклон показался всем искусственным* (здесь даётся характеристика только что совершённого поклона) и *Его учтивы поклоны казались искусственными* (странно, что человек всегда совершает поклоны, которые отличаются признаком учтивости).

Приведём примеры предложений, в которые входят сочетания поведенческих прилагательных с существительными — именами невербальных семиотических актов и классов таких актов. Эти примеры демонстрируют разнообразие описываемых именных групп. В предложении (3) слово *смех* обозначает параречевой акт, в примере (4) словом *поза* обозначено знаковое положение тела человека, в предложении (5) *взгляд* — это основная единица, описывающая актуальное визуальное поведение некоторого лица, а в предложении (6) *касание* — это имя тактильного акта.

- (3) *Майор оторопел от такой наглости, попытался было поставить его на место, но как-то вдруг понял, что тут что-то не так, и, не обращая внимания на неприличный смех, продолжал объяснять* (П. Мейлахс. Избранник. 1996 // «Звезда», 2001 [НКРЯ]);
- (4) *Мимо проходила стайка гогочущих подростков с огромными воздушными шарами и плакатом, на котором в ужасно непристойной позе был изображён иракский диктатор* (Д. Рубина. Во вратах твоих. 1992 [НКРЯ]);
- (5) *Он сохранил дерзкий взгляд тёмных глаз и открытую мальчишескую улыбку, но стал спокойнее, печальней* (В. Валеева. Скорая помощь. 2002. [НКРЯ]);
- (6) *Смех, неловкое касание — толчок несогнутыми пальцами её руки* (С. Григорьев. Казарма. 1925 [НКРЯ]).

Каждый конкретный жест как знаковый элемент устного коммуникативного акта может получить отражение в письменном тексте. При этом прилагательное, сочетающееся с именем жеста, может как описывать особенность его актуальной физической реализации, например манеру исполнения, так и характеризовать уместность или неуместность жеста в данном конкретном акте. В последнем случае соответствующее поведение человека воспринимается как невежливое. Рассмотрим два примера:

- (7) *Илья наклонился над столом, подписал, медленно поднялся со стула и, поглядев на следователя, глухо и твёрдо выговорил: Прощайте! — Тот ответил ему небрежным, барским кивком головы и, наклоняясь над столом, начал писать* (М. Горький. Трое. 1901 [НКРЯ]);

- (8) *Хозяин был не слишком любезен и вместо приветствия позволил себе лишь небрежный кивок* (М. Барбышева. Звездочёт. Любовник фортуны. М., 2005⁷).

В предложении (7) слово *небрежный* характеризует способ исполнения кивка, при этом небрежный кивок, как это часто бывает, воспринимается как акт невежливого поведения, ср. семантически согласованное сочетание *небрежным барским кивком* (слово *барский*, безусловно, оценочное). *Небрежный кивок* отличают такие физические характеристики, как быстрота исполнения, небольшая амплитуда, отсутствие сопутствующих движений, например взгляда или улыбки, причём каждая из указанных характеристик сама по себе не несёт никакой оценки. Синтаксическая и семантическая сферы действия предиката *небрежный* в предложении (7) совпадают: их образует слово *кивок* (соответственно сема 'кивок').

Иначе обстоит дело в примере (8). В нём синтаксическая сфера действия предиката *небрежный* такая же, как в (7), но семантическая сфера действия — иная. *Небрежность* семантически характеризует здесь не сам жест «**кивок**»⁸, а поведение человека в той ситуации, в которой он этот жест исполняет, что подчёркивается сочинительной конструкцией *был не слишком любезен и позволил себе небрежный кивок*, члены которой семантически согласованы. Иными словами, в предложении (8) *небрежный* — это прилагательное в «поведенческом» употреблении, а в (7) — нет.

Разбор предложений (7) и (8) и аналогичных им показывает, что характеристика прилагательных как поведенческих — это характеристика их употребления. Похожая ситуация имеет место, например, тогда, когда говорят о фактивных глаголах⁹ в действительности, фактивность — это не постоянное свойство глагола, а характеристика его употребления в данном предложении или тексте.

В заключении раздела предложим описание одного поведенческого прилагательного, для которого в большой степени характерно употребление с именами невербальных знаков и невербальных семиотических актов. Так, *галантное* поведение — это особый тип поведения мужчины по отношению к женщине, которое характеризуется интересом и подчёркнутым вниманием к женщине, готовностью оказать ей услугу, оберегать её и помогать ей как более слабому существу. Такое представление о галантности стереотипно приписывается французам, что неслучайно: слово *галантный* появилось в русском языке в XVIII в. путём заимствования из французского языка (ср. франц. *galant* «обходительный, вежливый»). Согласно словарю [Robert 1995: 336] французское *galant* обозначают 'вежливое поведение мужчины по отношению к женщине; изысканную, несколько старомодную вежливость'.

⁷ [URL: <https://e-libra.ru/read/222414-zvezdochet.-lyubovnik-fortuny.html>]

⁸ Жесты, как это принято в невербальной семиотике, выделяются жирным шрифтом.

⁹ О фактивных глаголах см. [Крейдлин 1983].

Прилагательное *галантный* входит в синонимический ряд с прилагательными *обходительный* и *услужливый*, который близок поведенческому ряду *вежливо, галантно, учтиво, любезно*, описанному в [НОСС 2004]. Общим для них является указание на особую заботу мужчины о женщине, предугадывание её желаний.

§ 2. Кодекс коммуникативного поведения людей

Лингвисты, описывающие коммуникативное взаимодействие людей, сформулировали законы и принципы такого взаимодействия в разных ситуациях. Эти законы и принципы были объединены в систему **⟨речевого⟩ этикета**¹⁰. В дальнейшем были определены нормы вербального поведения в разного рода этикетных ситуациях и сформулированы правила, регулирующие речевое общение людей в них, ср., например, максимы Г. П. Грайса и постулаты Дж. Лича. Позже были выделены как отдельные две части этикета: **вербальный** и **невербальный этикет**¹¹.

При формулировке этикетных правил исследователи часто исходят не из языка, не из семантики и синтаксиса слов, описывающих коммуникативное поведение людей, а из житейского опыта и из текстового материала, содержащего достаточно ограниченный набор коммуникативных дискурсов, как правило, нейтрального или дружеского характера.

Можно, однако, поступить по-другому, а именно проанализировать значения и употребления поведенческих слов, в частности русских поведенческих прилагательных, понять, какие аспекты коммуникативного взаимодействия людей высвечиваются в их семантике и прагматике, и сформулировать правила такого взаимодействия. Эти правила должны принимать во внимание участие в коммуникации вербальных и невербальных знаков. Преимущество данного описания, в частности, в том, что попутно выявляются типовые отклонения от норм и правил этикетного поведения и устанавливаются те оценки, которые стереотипно закреплены за подобными отклонениями.

Разумеется, русскими поведенческими прилагательными не исчерпывается список всех единиц, на которых базируются правила коммуникативного поведения. Так, есть ещё поведенческие глаголы, существительные, наречия и большое количество составных единиц, включая фразеологизмы, пословицы и т. д. Для нас важно то, что анализ рассматриваемых здесь прилагательных в их сочетаниях с именами невербальных актов и отдельных жестов позволяет обнаружить те скрытые компоненты семантики, ко-

¹⁰ См. работы [Пост 1996; Кронгауз 2001; 2004б; 2018; Формановская 2006; 2007; 2010].

¹¹ О невербальном этикете см. [Крейдлин, Морозова 2004; Морозова 2006].

которые характеризуют невербальное и смешанное, то есть вербально-невербальное, взаимодействие людей, и отразить эти компоненты в лексикографическом описании интересующих нас слов.

§ 3. Русские поведенческие прилагательные и их семантические группы

Единицы, входящие в составленный нами корпус поведенческих прилагательных, являются семантически достаточно разнородными. Мы рассматриваем только те прилагательные, которые описывают поведение человека через характеристику отдельных компонентов такого поведения. Поэтому мы оставляем в стороне прилагательные, характеризующие или оценивающие поведение человека в целом. За рамками исследования остаются также прилагательные, которые, сочетаясь с существительными из группы 'поведение', по смыслу характеризуют не поведение, а эмоции, связанные с ним: *бесстыдный, бесстыжий, возмутительный, восхитительный, отличный, приятный*.

Изучаемые поведенческие прилагательные можно разделить на несколько групп в соответствии с характером существующих в обществе норм этикетного поведения и их типовыми нарушениями.

Отметим одно важное обстоятельство: эти группы не образуют классификацию, поскольку отдельные прилагательные (см., например, слово *вызывающий* в сочетаниях *вызывающее поведение* и *вызывающий взгляд*) входят сразу в несколько групп. Однако ещё раз подчеркнём, что нашей задачей является указание телесных манифестаций, закреплённых за рассматриваемыми прилагательными и их семантикой.

I. В первую группу попадают слова *адекватный, безупречный, галантный, деликатный, корректный, культурный, моральный, нравственный, приличный, пристойный, тактичный*, а также «противоположные» им по смыслу единицы *аморальный, безнравственный, бестактный, неадекватный, небезупречный, некорректный, некультурный, неприличный* и *непристойный*. В эту же группу входят слова *вежливый* и *невежливый*.

Все приведённые выше прилагательные отражают наиболее общие представления о нормах социального, или общественного, поведения и об их нарушениях. Подчеркнём одну особенность некоторых слов этой группы, связанную с тем, что безоценочное следование нормам коммуникативного поведения обычно в текстах специально не отмечается. «Положительные» прилагательные актуализуют оценку следования ситуативным нормам, причём следование нормам предстаёт в них как семантическая пресуппозиция. «Отрицательные» прилагательные обозначают неследование нормам и отрицательную оценку такого поведения.

Употребления «положительных» слов *приличный, нравственный* и *адекватный* в предложениях (9)—(11), равно как и слова *вежливый* в предложе-

нии (12), не являются семантически избыточными, поскольку показывают, что человек мог бы в той же коммуникативной ситуации вести себя невежливо:

- (9) *Зрелище трогательной любви Фердинанда и Луизы, представленное, по замыслу постановщика, в стиле старинных саксонских миниатюр, даже настолько возмутило Мейерхольда, что он не смог сдержать своего негодования и вышел из границ такта и приличного поведения* (Ю. Елагин. Тёмный гений. 1998 [НКРЯ]);
- (10) *Да, кроме того, — вся жизнь прожита в том убеждении, что сделан нужный, нравственный поступок, и трудно на старости лет сказать себе, что всю жизнь заблуждался...* (А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. 1910 [НКРЯ]);
- (11) *Хочется видеть адекватные действия, а не слышать о них так долго* (М. Колеров: название статьи в журнале «Regnum», 2017¹²);
- (12) *Он тотчас же (...) обратился к сидевшей в своём кресле супруге штабс-капитана (...) и чрезвычайно вежливо шаркнул перед нею ножкой, а затем, повернувшись к Ниночке, отдал и ей, как даме, такой же поклон. Этот вежливый поступок произвёл на большую даму необыкновенно приятное впечатление* (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы. 1880 [НКРЯ]).

Подгруппа «отрицательных» прилагательных содержит соответствующую оценку поведения, которую даёт либо само общество, либо человек, выступающий от его имени, ср. предложения (13) и (14):

- (13) *Лояльный же обыватель усматривал в нём крайне аморальную выходку с антисоветским душком: у него просто в голове не укладывалось, как нормальный советский человек может так низко пасть* (Д. Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания (2000–2002) [НКРЯ]);
- (14) *Люди жалуются на некорректное поведение сотрудников внутренних дел (...) формальное отношение, с которым участковые порой относятся к обращениям граждан* (Е. Кузьмина. Активистов расставят по ранжиру // «Новгородские ведомости», 2013 [НКРЯ]).

Все такие прилагательные характеризуют и оценивают актуальное поведение человека и семантически присоединяются к каким-то компонентам поведения или комплексам компонентов.

II. Вторую группу образуют оценочные прилагательные *вульгарный, вызывающий, высокомерный, манерный, развязный, распущенный, эпатажный* и некоторые другие, для которых общим является то, что определённые компоненты поведения, как правило, невербальные, выражены в степени большей, чем они должны быть выражены в соответствии с нормой.

¹² [URL: <https://regnum.ru/news/polit/2333499.html>]

Оценку, как и в ситуации с прилагательными первой группы, даёт человек, однако здесь он выступает не как член общества, а как индивид, который следует нормам поведения и уважает общественные и моральные устои. Поэтому поведение лица, нарушающего норму, вызывает осуждение.

Разумеется, как и у прилагательных первой группы, у каждого из слов второй группы есть свои отличительные смысловые компоненты, на которых мы не останавливаемся, указывая только инвариантные смыслы. Впрочем, при каждом из перечисленных прилагательных можно составить свой комплекс невербальных единиц, манифестирующих данное поведение, и об этом следует сказать особо, поскольку такие единицы должны быть указаны в правилах их употребления в предложениях и текстах.

Сочетания данных прилагательных с именами, обозначающими жесты разных семиотических классов или сами классы (ср. примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ)): *вульгарная походка* (*смех, поза, жест*); *вызывающий взгляд* (*походка, усмешка*); *распущенные манеры* (*гримасы, позы*) *эпатажная поза* (*жест, поведение*), — могут актуализовать разные невербальные компоненты, во многом обуславливающие появление определённого прилагательного. Например, чрезмерное покачивание бёдрами при ходьбе вызывает оценку женской походки как *вульгарной*¹³, ср.:

- (15) *Отсутствие навыков приводит к тому, что походка получается вихляющейся, с вульгарным покачиванием бёдрами* (О. Бриза, Г. Эйтвин. Походка и осанка королевы. Затми соперниц грацией. Ростов-на-Дону, 2004¹⁴).

Невербальным элементом, характеризующим мужскую *развязную походку*, является положение рук в карманах, ср. пример (16):

- (16) *Развязной походкой — руки в карманах — пройдя сквозь толпу, ко мне приблизился Андрюха-нувориш* (А. Рубанов. Сажайте, и вырастет. СПб., 2006¹⁵).

Одним из невербальных компонентов, характеризующих *вызывающий взгляд*, является нарушающее норму поведения длительное и пристальное всматривание в человека. Такая характеристика взгляда обуславливается тем, что человек без разрешения своего vis-à-vis, как правило, старшего по званию, возрасту или противоположного пола, входит в его личную сферу. Ср.:

- (17) *Она бросила на княгиню дерзкий, вызывающий взгляд, и, медленно повернувшись, вышла из гостиной* (Н. Э. Гейнце. В тине адвокатуры. 1893 [НКРЯ]).

¹³ О классе походок и отдельных единицах этого класса см. [Крейдлин 2016; 2017].

¹⁴ [URL: <https://litportal.ru/avtory/oksana-briza/read/page/2/kniga-pohodka-i-osanka-korolevy-zatmi-sopernic-graciyey-125130.html>]

¹⁵ [URL: <https://e-libra.ru/read/163752-sazhayte-i-vyrastet.html>]

III. В третью группу входят прилагательные *беспардонный*, *бесцеремонный*, *наглый*, *нахальный* и *хамский*. Эти слова сочетаются с обозначениями категориальных имён поведенческих действий — как нейтральных, так и оценочных, ср. существительные *выходка*, *действие*, *поведение*, *поступок*. Кроме того, приведённые слова сочетаются с именами отдельных жестов и классов жестов, ср. *беспардонный свист*, *бесцеремонный стук*, *наглый смех*, *нахальный взгляд*, *хамская ухмылка*. Ср. предложения (18)–(19):

- (18) *Гаврюшка болтал без умолку, и если ещё не выболтал тайны во всём её составе, то о многом уже дал подозревать. Самое присутствие Гаврюшки в имени, льготы, которыми он пользовался, нахальное его поведение — всё это уже представляло богатую пищу для догадок* (М. Салтыков-Щедрин. Дневник провинциала в Петербурге. 1872 [НКРЯ]);
- (19) *Девки зашептались между собой, а бедную Аграфену бросило в жар от их нахальных взглядов* (Д. Мамин-Сибиряк. Три конца. 1890 [НКРЯ]).

Общим для прилагательных третьей группы является выражение несанкционированного вторжения одного человека в личное пространство другого человека или других людей, а потому оценка такого поведения резко негативная. Как *нахальное поведение*, так и *нахальный взгляд*, как *бесцеремонная выходка*, так и *бесцеремонный стук* — обе пары сочетаний говорят об этом, но второй член каждой из пар, в отличие от первого, содержит указание на средство, с помощью которого осуществляется вторжение в личную сферу.

IV. Четвёртую группу составляют прилагательные, которые в сочетаниях со словами *поведение*, *действие*, *привычка* и им подобными отражают нормы поведения, присущие определённой социальной группе: *(не)аристократичный*, *демократичный*, *интеллигентный*, *инфантильный*, *корпоративный*. Некоторые из таких сочетаний, например *инфантильная привычка*, *демократичные манеры*, оценивают поведение человека в целом, а другие, такие как *интеллигентный кивок* или *инфантильный жест*, — конкретные элементы поведения.

Например, прилагательное *инфантильный* характеризует взрослого человека, который в своём поведении и, шире, отношении к жизни, к другим людям, к событиям и т. д. уподобляется ребёнку. Отсюда наличие «инфантильных» невербальных проявлений: параречевые характеристики, присущие в норме детям (*сюсюканье*), детские жесты (**показать язык**, **сосать палец**, **надуть губы**, **надуть щёки**). Ср. предложение (20):

- (20) *Спросив какое-нибудь блюдо, Гоголь едва, бывало, дотронется до него, как уже зовёт поваров и требует переменить кушанье по два, по три раза <...>. Как бы младенческие инфантильные сцены разыгрываются перед едой* (М. Зошенко. Перед восходом солнца. 1943 [НКРЯ]).

Аристократичные, или *аристократические*, манеры свойственны аристократам: особая осанка, подчёркивающая статность фигуры, сдержанная мимика, жесты короткой амплитуды.

Заключение

Одними невербальными компонентами, разумеется, не исчерпывается смысл поведенческих прилагательных. Сами прилагательные только интерпретируют поведение человека, и, по-видимому, нет такого поведенческого прилагательного, смысл которого полностью покрывался бы невербальными компонентами.

Между тем разбор поведенческих прилагательных каждой из четырёх выделенных выше групп показывает, что при словарном описании их значений и/или употреблений учитывать невербальные манифестации поведения, описываемого этими словами, необходимо. Так, в семантическом представлении слова *церемонный* следует отметить подчёркнутую медленность движений, тщательное исполнение каждого из них, избыточное внимание к отдельным совершаемым жестам, причём все эти признаки получают отрицательную оценку. А при описании *хамского поведения* должно быть сказано, что человек, ведущий себя *по-хамски*, вторгается в личное пространство адресата, нарушая законы проксемного поведения, развязно ведёт себя в присутствии старшего или лица противоположного пола. Особо следует указать на типовые параречевые проявления хамского поведения, такие как *хамская ухмылка*, *хамская усмешка*, *хамское молчание*. Ср. пример (21), в котором поступок субъекта оценивается как хамский:

(21) *Пять матчей пропустит нападающий магнитогорского «Металлурга» (...) за хамский поступок, который он совершил в игре с «Локомотивом». Недовольный решением арбитра, хоккеист бросил в него шайбой (Обзор дня Алексея Шевченко // Спорт-экспресс, 2018¹⁶).*

Анализ невербальных компонентов в семантике поведенческих прилагательных является, на наш взгляд, первым и необходимым шагом для построения кодекса невербального поведения (невербального этикета). Если для речевого этикета характерно наличие особых формул, ср. формулы приветствия, прощания, выражения благодарности и т. д., то есть типовых клишированных единиц, применяемых в соответствующих ситуациях, то, несомненно, существуют и невербальные этикетные формулы, которые отражают основные жесты, применяемые в тех же ситуациях. Ср. жесты **протянуть руку для приветствия, поцеловать руку, помахать рукой на**

¹⁶ [URL: <https://www.sport-express.ru/hockey/khl/reviews/hamskiy-postupok-igroka-metallurga-pochemu-nakazanie-za-nego-dolzno-byt-bolee-surovym-1356554/?ua=dt&daysBefore=7>]

прощание. Отдельно можно зафиксировать в словаре типовые нарушения невербального поведения, в частности, отмечая многие из них в описаниях невербальных компонентов в составе семантического представления поведенческих слов разных частей речи.

Л и т е р а т у р а

Апресян 2003 — Ю. Д. А п р е с я н. Фундаментальная классификация предикатов и системная лексикография // Грамматические категории: Иерархии. Связи. Взаимодействия. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург. ИЛИ РАН, 2003. С. 7–21.

Арутюнова 1988 — Н. Д. А р у т ю н о в а. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Крейдлин 1983 — Г. Е. К р е й д л и н. О некоторых особенностях синтаксического поведения предикатов с сентенциальными актантами // Семиотика и информатика. Вып. 21. 1983. С. 76–88.

Крейдлин 2002 — Г. Е. К р е й д л и н. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М., 2002.

Крейдлин 2016 — Г. Е. К р е й д л и н. Походка. Концепт и слово // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 2. С. 127–142.

Крейдлин 2017 — Г. Е. К р е й д л и н. Типология русских походов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы конференции «Диалог 2017». Т. 2. М., 2017. С. 196–207.

Крейдлин, Морозова 2004 — Г. Е. К р е й д л и н, Е. Б. М о р о з о в а. Поклон как слово и как жест // Вопросы языкознания. 2004. № 4. С. 34–47.

Кронгауз 2001 — М. А. К р о н г а у з. Изменения в современном речевом этикете // Жизнь языка. Сборник статей к 80-летию М. В. Панова. М., 2001. С. 263–269.

Кронгауз 2004а — М. А. К р о н г а у з. Норма: семантический и прагматический аспекты // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004. С. 137–141.

Кронгауз 2004б — М. А. К р о н г а у з. Русский речевой этикет на рубеже веков // Russian Linguistics. Vol. 28. № 2. 2004. С. 163–187.

Кронгауз 2018 — М. А. К р о н г а у з. Речевой этикет: вежливость и коммуникативные стратегии (аудиокурс). М., 2018.

Крылова 2006 — Т. В. К р ы л о в а. Наивно-языковые представления о вежливости и обслуживающая их лексика // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006. С. 241–400.

Кустова 2005 — Г. И. К у с т о в а. Ситуативная норма в значении прилагательных, наречий, предикативов: семантика и конструкции // Труды международной конференции «Диалог 2005». М., 2005. С. 316–320.

Ларина 2009 — Т. В. Л а р и н а. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009.

Ларина 2013 — Т. В. Л а р и н а. Англичане и русские. Язык, культура, коммуникация. М., 2013.

Морозова 2006 — Е. Б. М о р о з о в а. Невербальный этикет в его соотношении с вербальным. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка.

НОСС 2004 — Новый объяснительный словарь синонимов / Ю. Д. Апресян (ред.). М., 2004.

Ожегов, Шведова 1992 — С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

Пост 1996 — Э. Пост. Этикет. М., 1996.

Формановская 2006 — Н. И. Формановская. Русский речевой этикет. Лингвистический и методический аспекты. М., 2006.

Формановская 2007 — Н. И. Формановская. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М., 2007.

Формановская 2010 — Н. И. Формановская. Культура общения и речевого поведения. М., 2010.

Хесед 2013 — Л. А. Хесед. Типы вежливого и невежливого поведения и их знаковые характеристики. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013.

Culpeper 2011 — J. Culpeper. Using language to cause offence. Cambridge, 2011.

Robert 1995 — Le Petit Robert. Paris, 1995.

Статья получена 20.11.2018

Grigory E. Kreydlin

Russian State University for the Humanities
(Moscow, Russia)
gekr@iitp.ru, grigory.e.kreydlin@gmail.com

Lidia A. Khesed

Russian State university for the Humanities
(Moscow, Russia)
lidakhe@yandex.ru

NONVERBAL COMPONENTS IN THE SEMANTICS OF RUSSIAN BEHAVIORAL ADJECTIVES

The article explores the meanings and usage of Russian behavioral adjectives collocated with nouns denoting behavioral acts and genres. We describe how nonverbal aspects of individual's communicative behavior are represented in the semantics of those adjectives and how certain components of their meaning correlate with categories of politeness and impoliteness, rules of etiquette, and situational norms of human behavior.

Keywords: politeness, impoliteness, behavioral adjectives, Russian, semantics.

References

Apresyan, Yu. D. (2003). Fundamentalnaya klassifikatsiya predikatov i sistemnaya leksikografiya. In *Grammatichesskiye kategorii: Ierarhii. Svyazi. Vzaimodeystviya. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (pp. 7–21). St. Petersburg: ILI RAN.

Apresyan, Yu. D. (2004). *Novyj objasnitelnyj slovar' sinonimov*. Moscow: Yaziky slavyanskoy kul'tury.

- Arutyunova, N. D. (1988). *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytiye, Fakt*. Moscow: Nauka.
- Culpeper, J. (2011). *Using language to cause offence*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Formanovskaya, N. I. (2006). *Russkiy rechevoy etiket. Lingvisticheskiy i metodicheskiy aspekty*. Moscow: LKI.
- Formanovskaya, N. I. (2007). *Rechevoe vzaimodeystviye: kommunikatsiya i pragmatika*. Moscow: IKAR.
- Formanovskaya, N. I. (2010). *Kultura obshcheniya i rechevogo povedeniya*. Moscow: IKAR.
- Khesed, L. A. (2013). *Tipy vezhlivogo i nevezhlivogo povedeniya i ih znakovye harakteristiki* (doctoral dissertation). Moscow: RGGU.
- Kreydlin, G. E., & Morozova, E. B. (2004). Poklon kak slovo i kak zhest. *Voprosy jazykoznanija*, 4, 34–47.
- Kreydlin, G. E. (1983). O nekotorykh osobennostyakh sintaksicheskogo povedeniya predikatov s sententsialnymi aktantami. *Semiotika i informatika*, 21, 76–88.
- Kreydlin, G. E. (2002). *Neverbalnaya semiotika. Yazyk tela i estestvennyj yazyk*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Kreydlin, G. E. (2016). Pohodka, Kontsept i slovo. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 2, 127–142.
- Kreydlin, G. E. (2019). Tipologiya russkih pohodok. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tehnologii. Materialy konferentsii Dialog*. (Vol. 2, pp. 196–207). Moscow: RGGU.
- Kronhaus, M. A. (2001). Izmeneniya v sovremennom rechevom etikete. In S. M. Kuzmina (Ed.), *Zhizn yazyka: sbornik statey k 80-letiyu M. V. Panova* (pp. 263–269). Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury.
- Kronhaus, M. A. (2004). Norma: semanticheskij i pragmaticheskij aspekty. In Yu. D. Apresyan (Ed.), *Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kultura. Sbornik statey v chest N. D. Arutyunovoy* (pp. 137–141). Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury.
- Kronhaus, M. A. (2004). Russkiy rechevoy etiket na rubezhe vekov. *Russian linguistics*, 28(2), 163–187.
- Kronhaus, M. A. (2018). *Rechevoy etiket: vezhlivost i kommunikativnye strategii (audiokurs)*. Moscow: Izdatelstvo NIU VSHE.
- Krylova, T. V. (2006). Naivno-yazykovye predstavleniya o vezhlivosti i obsluzhivayushchaya ih leksika. In Yu. D. Apresyan (Ed.), *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografya* (pp. 241–400). Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur.
- Kustova, G. I. (2005). Situativnaya norma v zhachenii prilagatelnykh, narechiy, predikativov: semantika i konstruksii. *Trudy mezhdunarodnoy konferentsii Dialog 2005* (pp. 316–320). Moscow: RGGU.
- Larina, T. V. (2009). *Kategoriya vezhlivosti i stil kommunikatsii. Sopostavleniye angliyskikh i russkikh lingvokulturnykh traditsiy*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur.
- Larina, T. V. (2013). *Anglichane i russkie: Yazyk. Kultura. Kommunikatsiya*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur.
- Morozova, E. B. (2006). *Nevebalnyj etiket v yego sootnoshenii s verbalnym* (doctoral dissertation). Moscow, RGGU.
- Ozhegov, S. I., & Shvedova, N. Yu. (1992). *Tolkovyy slovar russkogo yazyka*. Moscow: Az.
- Post, E. (1996). *Etiket*. Moscow: Nauka.

М. И. СИДОРОВА

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
(Москва, Россия)
mariya.sid@gmail.com

ЗВЕЗДА И ЛЕГЕНДА КАК СЛОВА ОБЩЕГО РОДА: КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ ВАРИАТИВНОГО СОГЛАСОВАНИЯ*

Статья посвящена анализу согласования слов *легенда* и *звезда* в переносном метафорическом значении ‘знаменитость’ в сравнении со словами общего рода. В ходе работы изучено описание категории общего рода в исследованиях лингвистов второй половины XX — начала XXI в. и определены стратегии согласования таких слов. Автором было проведено исследование на базе материалов НКРЯ, ГИКРЯ, а также примеров из текстов СМИ 2016–2019 гг., собранных во время корректорской практики и содержащих варианты как до, так и после корректуры. На основании корпусного анализа и исследования материалов СМИ установлено, что изучаемые слова имеют тенденцию к смысловому согласованию с глаголом в зависимости от пола денотата аналогично словам общего рода, несмотря на то что такое согласование считается ненормативным. Кроме того, проанализировано употребление слова *суперстар*, которое согласуется и по женскому, и по мужскому роду и с глаголами, и с прилагательными.

Ключевые слова: русский язык, грамматика, корпусная лингвистика, языковая норма, согласование, вариативность, подлежащее, сказуемое, существительные общего рода.

1. Введение

В русском языке есть ряд существительных I склонения, при которых согласование сказуемых и определений по роду иногда оказывается смысловым, поскольку зависит от пола денотата, обозначаемого этими существительными, а иногда грамматическим, поскольку определяется их принадлежностью к «женскому» склонению. Возможны три варианта соотношения рода согласования с полом обозначаемого лица:

(А) Такие существительные могут обозначать лицо женского пола, порождая согласование женского рода:

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 9-012-00200 «Корпусное исследование соотношения литературной нормы современного русского языка в области морфологии и синтаксиса с реальным узусом». Автор выражает благодарность Е. Р. Добрушиной, Д. В. Сичинаве, а также анонимным рецензентам за ценные советы и полезные рекомендации при работе над статьёй.

- (1) *Эта зануда поднялась, налила себе воды из графина, вода клокотала и перелилась через край стакана. Господи, чего только она не говорила обо мне! Я слушал ее с брезгливым изумлением* (Национальный корпус русского языка (далее — НКРЯ), И. Меттер. Свободная тема (1979));
- (2) *Довольно стройная фигурка, но принадлежит явной американской зануде, какая-нибудь молодая профессорша-русистка* (НКРЯ, В. Аксенов. Остров Крым (авторская редакция) (1977–1979)).

(Б) Могут обозначать лицо мужского пола, также согласуясь в женском роде:

- (3) *Полковник Борисов трубку, видимо, взял не сразу, а сначала — вот аккуратная зануда! — распутал свернувшийся провод, положил его кольцами на стол и уж тогда начал...* (НКРЯ, В. Липатов. И это все о нем (1984));
- (4) — *Иван Гаврилыч, хоть и редкая зануда, считай, стратегический банковский партнер в Европе. Если хочешь знать, мы сами у него акционеры — держим блокирующий пакет* (НКРЯ, С. Данилюк. Бизнес-класс (2003)).

(В) Наконец, они могут, обозначая лицо мужского пола, принимать согласование в мужском роде:

- (5) *Достоевский написал четыре гениальных романа, но в своей журнально-общественной деятельности, как публицист славянофильского толка, выказал себя реакционером, а главное — страшным занудой* (НКРЯ, С. Довлатов. Блеск и нищета русской литературы (1982));
- (6) *А этот зануда сказал, что ему не нравятся непунктуальные девушки. Идиот. Можно подумать, он мне нужен был* (НКРЯ, М. Трауб. Семеновы (2009)).

Из-за этого свойства подобные существительные выделяются в особый подкласс «существительных общего рода», и вариативное согласование для них считается нормативным. Но сходную вариативность в согласовании — по крайней мере предикативном — проявляют и некоторые слова, не входящие в традиционные перечни слов общего рода, однако смысловое согласование при употреблении таких существительных считается нарушением нормы:

- (7) *Остальное время звезда посвятил проблемам экономики, терроризма и армии* (А. Иванов. Маленькая победа большого Арни // Комсомольская правда, 2003.07.08);
- (8) *Ушёл из жизни легенда Болливуда Шаши Капур* (Из корректорской практики (до корректуры), 2017).

Данная работа посвящена корпусному анализу вариативности согласования сказуемого по роду с существительными *звезда* и *легенда* в сравнении со словами общего рода. База примеров собрана на основе Основного и Газетного корпусов НКРЯ и Генерального интернет-корпуса русского языка (далее — ГИКРЯ), а также содержит примеры 2016–2019 гг., найденные автором во время корректорской работы с материалами новостного интернет-медиахолдинга, интересными тем, что известны варианты до правки и после неё.

2. Дискуссия о словах общего рода

Традиционно считается, что слов общего рода около 200 [Граудина и др. 1976: 75–76]. Это существительные, обозначающие лиц (иногда животных, например *умница* по отношению к собаке), с одной стороны, принадлежащие к женскому морфологическому роду (к I склонению), а с другой — порождающие согласование глагольных и адъективных форм и по женскому, и по мужскому роду, в зависимости от пола обозначаемого лица [Сичинава 2011]. «Общий род не представляет собой особого грамматического значения, подобного значениям мужского, женского и среднего рода, и является условным обозначением группы существительных женского склонения определенной семантики, которые в зависимости от пола обозначаемого лица сочетаются с прилагательными мужского или женского рода» [Шведова 1970: 318]. Согласно обобщённому определению из [Павлова 2011: 8], «существительные общего рода — это потенциальные двуродовые, немаркированные по признаку пола, в основном исконно русские существительные, имеющие окончание -а(-я), характеризующие и оценивающие лицо по отличительным признакам и проявляющие конкретное значение пола в составе предложения».

Большая часть этих слов представляет собой оценочные характеристики людей, то есть в их семантике содержится элемент оценки обозначаемого лица, как правило, отрицательной (*плакса*, *зануда*), реже — положительной (*умница*, *симпатия*); кроме того, так ведут себя некоторые не оценочные, но эмоционально нагруженные слова (*бедняга*, *приготовишка*, *работяга*), а также в список входят несколько эмоционально и оценочно нейтральных слов: *книгоноша*, *коллега*, *левша*, *меняла*, *невидимка*, *сирота*, *слуга*, *староста*, *судья*, *тёзка* [Граудина и др. 1976: 75–76].

Согласно [Зализняк 1967: 67], слова общего рода (такие как *сирота*, *калека* и т. п.) образуют особый согласовательный класс, в котором формы мужского и женского рода представляют одну лексему. Однако там же А. А. Зализняк отмечает и возможность иной трактовки, при которой «новых согласовательных классов не появится». В соответствии с ней следует считать каждое такое существительное «парой омонимичных лексем, например: *сирота*₁ (лексема согласовательного класса 2, содержащая номи-

нативный элемент “мужской пол”) и *сирота*₂ (лексема согласовательного класса 4, содержащая номинативный элемент “женский пол”)). При этом отмечается, что «для морфологического описания между двумя трактовками... нет существенного различия... Разница сводится лишь к формальному вопросу о числе лексем» [Там же: 68]. Позже в «Грамматическом словаре» ([Зализняк 1977]) интересующие нас слова общего рода (и типа *зануда*, и типа *судья*) обозначены «мо-жо 1а», то есть как одна лексема, а, например, слово *псалтырь* рассматривается как две омонимичные лексемы разных родов. С точки зрения И. Г. Милославского, считающего существительные общего рода относящимися к «скрещенным» (по терминологии А. А. Зализняка) словообразовательным классам: «в последние десятилетия к существительным общего рода активно тяготеют слова, прежде относившиеся к мужскому роду: *доктор, врач, директор...*» и др., при этом «новейшие изменения рода» «связаны с условиями жизни людей». Эти существительные «легко сочетаются с формами женского рода прошедшего времени глаголов», но не с прилагательными женского рода, а особенно трудно ожидать, что в ближайшее время в язык войдут сочетания этих слов с прилагательными женского рода в формах косвенных падежей [Милославский 1999: 472–474]. В [Герасимова 2018: 69] представлены результаты эксперимента, подтверждающие для современного языка частотность предикативного «согласования по смыслу» в сравнении с адъективным согласованием.

В [Шведова 1980: 464–466] словами общего рода считаются только «называющие лиц по характерному действию или свойству» (*гуляка, зевака, привереда, плакса, злюка, пьяница* и т. д.), а слова, «называющие лицо по общественному положению, роду деятельности» (*глава, коллега, староста, судья* и т. д.), не причислены к словам общего рода по двум причинам. Во-первых, из-за другой семантики, а во-вторых, в связи с тем, что при денотате мужского пола употребляется только согласование по мужскому роду. Выражения типа *судья пришла* наряду с *врач пришла* маркированы как разговорные.

В [Июдин 1980: 458–459] отмечаются различия между разными словами общего рода и предлагается следующая классификация таких слов:

1. Слова типа *коллега* трактуются как: *коллега*₁ (мужской род) — товарищ по работе мужского пола; *коллега*₂ (женский род) — товарищ по работе женского пола. Примеры 9, 10, будучи аграмматичными, показывают, что слова этого класса не допускают иного согласования:

(9) **Моя новая коллега оказалась интересным мужчиной.*

(10) **Мой новый коллега оказался прекрасной девушкой.*

2. Слова типа *зануда* — как: *зануда*₁ (женский род) — нудный человек; *зануда*₂ (мужской род) — нудный человек мужского пола.

(11) *В окне появился Петя — известная зануда пришла в гости.*

- (12) *В окне появилась Маша — известная зануда пришла в гости.*
 (13) *В окне появился Петя — известный зануда пришёл в гости.*
 (14) **В окне появилась Маша — известный зануда пришёл в гости.*

3. Слова типа *староста* — как: *староста*₁ (мужской род) — руководитель мужского пола; *староста*₂ (женский род) — руководитель женского пола.

- (15) *Нашего нового старосту зовут Маша.*
 (16) *Нашего бывшего старосту звали Ваня.*
 (17) *Зачем нужно было выбирать нового старосту?*
 (18) **Нашу новую старосту звали Ваня* (примеры № 15–18 из [Иомдин 1980: 458–459]).

Кроме того, как указано в [Кустова 2018: 71], нельзя считать, что согласованное прилагательное дублирует значение рода изучаемого существительного, приписываемого на основе пола лица-референта, так как это справедливо только с точки зрения говорящего. А для адресата флексия согласованной формы глагола или прилагательного — единственный источник информации о роде.

В [Сичинава 2011] отмечается, что слова общего рода не образуют самостоятельного согласовательного класса и не имеют особого набора окончаний. Согласно [Иомдин 1980: 459], такие слова «не обнаруживают новых синтаксических свойств» в сравнении с остальными существительными, а название «общий род» представляется неудачным, так как не несёт синтаксического смысла. При этом с точки зрения лексикографии данный класс слов представляет интерес, так как состоит из существительных, соответствующих следующим условиям: 1) два значения каждого из существительных имеют разный грамматический род; 2) как минимум для одного из них есть прямая смысловая корреляция рода; 3) оба значения «покрывают все случаи», когда данным словом нужно обозначить человека любого пола [Там же: 459].

С другой стороны, [Крылов 2002: 734–736], говоря о словоизменении фамилий типа *Ильин/Ильина*, допускает введение словоизменительной категории пола, которая может быть актуальной и для слов общего рода. При этом, согласно [Иомдин 1980: 458–460], данная категория может использоваться только для слов первого типа — например *зануда*, но не для таких, как *судья*, *коллега* и *староста*.

Следует отметить, что современных работ, посвящённых словам общего рода в русском языке и описывающих их поведение в текстах корпусными методами, не существует. Без подобного анализа неясно многое: для каких из них и насколько регулярно возможен грамматический женский род, противоречащий смысловому мужскому (ср. примеры 3–4, а также пример из разговорной речи *Да ведь он — совершенная тупица* из [Граудина и др. 1976: 76]), а для каких — смысловой мужской, противоречащий

грамматическому женскому (примеры 5–6); не описана микродиахрония таких соотношений. Неясно также то, каким из них в большей степени свойственно выступать в номинативной функции, а каким — в предикативной (синтаксис слов общего рода, видимо, очень значим, но он кратко обсуждается всего в одной работе 1965 г. [Калечиц 1965: 9]), и все ли типы слов общего рода способны как к предикативному, так и к адъективному согласованию. Непонятен и круг прилагательных, способных к согласованию с обсуждаемыми словами: в первую очередь это адъективные местоимения типа *этот* и *какой* (см. примеры 1, 6, 44–47), затем оценочные прилагательные типа *замечательный*, *страшный*, *явный*, *редкий*; в последнюю очередь — не оценочные прилагательные (ср. *американский* и *аккуратный* в примерах 2 и 3). Неясно, как употребляются формы косвенных падежей (ср. пример ...*написала о Зине Кузьминой как о комсомольском заводиле* из [Граудина и др. 1976: 76]), которые возможны, но, видимо, гораздо более редки и допустимы скорее при не оценочных существительных. Всё это требует корпусного исследования.

3. О тенденции к смысловому согласованию слов *звезда* и *легенда*

Вопрос о статусе и употреблении общего рода не решён и по сей день, однако перечень слов, допускающих одновременно согласование и по мужскому, и по женскому роду, фактически не меняется, за исключением выхода некоторых единиц из активного лексического запаса (например, *замазуля*, *немогузнайка*) и расширения списка примыкающих к общему роду слов грамматического мужского рода (например, *менеджер*):

- (19) ...*строго сказала неумолимая менеджер* (НКРЯ, Т. Соломатина. Мой одесский язык (2011)).

Между тем некоторые слова, описываемые словарями исключительно как женского рода, с определённой мерой регулярности согласуются как относящиеся к общему роду. Среди них слово *легенда* в значении «человек, достижения которого делают его общеизвестным в какой-либо области». Интересно, что многие толковые словари (например, [МАС], словари под редакцией Д. Н. Ушакова [1935], С. А. Кузнецова [2000], Т. Ф. Ефремовой [2000]) не описывают такого значения, хотя в базе основного корпуса НКРЯ первый пример слова *легенда* в значении *человек* фиксируется в середине XIX в.:

- (20) *Я, по милости вашей, падрэ, живая легенда нашей прекрасной родины и служу синьору Ашилю справочною книгою* (НКРЯ, Е. П. Ростопчина. Палаццо Форли (1854)).

Слово *звезда* в значении «человек, который прославился в какой-либо сфере деятельности» тоже согласуется как по женскому, так и по мужско-

му роду. В близком к современному значению «звезда сцены» это слово, по данным НКРЯ, начинает появляться в текстах с последней четверти XIX в.:

- (21) *Но герой мой оказался дрянью: он думал, что я богатая невеста или по крайней мере будущая звезда сцены...* (НКРЯ, А. Н. Островский, Н. Я. Соловьев. Светит, да не греет (1881));
- (22) *В семидесяти годах Аркадий Николаевич Сердечкий, возвратясь из Петербурга, со смехом рассказывал мне, что признал Раису в одной известной опереточной звезде...* (НКРЯ, А. В. Амфитеатров. Отравленная совесть (1882–1893)).

Как обозначение людей, блиставших в светском обществе, слово используется со второй четверти XIX в., чаще в составе словосочетания *звезда первой величины*:

- (23) *На бале будет звезда здешних красавиц, Полина Павловна* (НКРЯ, А. А. Бестужев-Марлинский. Страшное гаданье (1831));
- (24) *Дантес пустой человек, но ловкий, любезный француз, блиставший в наших салонах звездой первой величины* (НКРЯ, А. В. Никитенко. Дневник (1837)).

Вероятно, эти слова в указанном значении вошли в состав русского языка как кальки с французских *étoile* — «звезда сцены» (согласно [Petit Robert 2009], употребляется с 1849 г., в свою очередь, калька с *англ. star*) и *légende* (согласно Google Books, первое доступное вхождение сочетания *légende vivante* — «живая легенда» — 1841 г., в «Истории Франции» Мишле о Жанне д'Арк).

В современных СМИ одушевлённые существительные *легенда* и *звезда* очень частотны, так как именно ими характеризуются лица, интересные публике, и потому они весьма регулярно применяются для описания героев новостей.

Итак, слова *звезда* и *легенда* могут порождать следующие варианты согласования:

(А) Во-первых, в женском роде, для обозначения лиц женского пола:

- (25) *Оказалось, что голливудская звезда выполняла поручение американского журнала «In Style»* (НКРЯ, Кидман меняет родину на Англию // Комсомольская правда, 2002.01.30) (О лице женского пола — Гвинет Пэлтроу);
- (26) *В Выборге на кинофестивале «Окно в Европу» вне конкурса показали ленту Людмилы Гурченко «Пестрые сумерки», где живая легенда выступила в качестве режиссера-постановщика, соавтора сценария, композитора и исполнительницы главной роли* (НКРЯ, Мария Безрук, Выборг. Сумерки над Выборгом // РБК Daily, 2010.08.11). (О лице женского пола — Людмиле Гурченко.)

(Б) Во-вторых, женский род может соответствовать денотатам мужского пола:

- (27) *Еще одна звезда пополнила небольшой стан братьев-журналистов (их в Госдуме около десятка)* (НКРЯ, О. Вандышева. В Госдуме будут свой король и рота толстосумов // Комсомольская правда, 2003.12.22). (О лице мужского пола — Александре Хинштейне);
- (28) *До гонга оставалось 9 секунд, когда поверженная легенда лежала у канатов и лишь дрыгала отказывающимися держат ее ногами* (НКРЯ, А. Кабанников. Тайсона побили и без Кличко // Комсомольская правда, 2004.08.02). (О лице мужского пола — Майке Тайсоне.)

(В) И в-третьих, слова *звезда* и *легенда* могут использоваться для обозначения лиц мужского пола, согласуясь в мужском роде:

- (29) *Легенда футбола пожелал ей сил и боевого духа, необходимых на пути к полному выздоровлению* (Из корректорской практики (до корректуры; после корректуры слово *легенда* заменено словосочетанием *легендарный футболист*), 2017);
- (30) *Голливудская звезда прибыл из Москвы, где он протусовался целую ночь* (НКРЯ, В. Бродзкий, О. Сапрыкина. Сочи. Жан-Клод Ван Дамм хочет жить в Сочи // Комсомольская правда, 2001.06.15).

Журналисты, говоря о лицах мужского пола, как правило, стремятся согласовывать эти слова в мужском роде. В корректорской практике в связи с этим регулярно возникают ситуации, когда желание автора использовать данные слова в мужском роде вызывает трудности, необходимость правки. Ведь слова *звезда* и *легенда* не входят в списки слов общего рода и нормативным для них считается только согласование по женскому роду, поскольку ни один словарь не фиксирует для данных существительных иной род, кроме женского. Более того, в [Розенталь 2016: 275] для синонимичных обсуждаемым слов *знаменитость*, *личность*, *персона* и т. д. специально оговорено, что согласование по мужскому роду не допускается; этот запрет также ожидаемо нарушается: в Газетном корпусе на 32 вхождения с подлежащим *знаменитость* и сказуемым в маркированной по роду форме приходится два с согласованием предиката по мужскому роду.

- (31) *И дело совсем не в том, что американская знаменитость решил изменить своим привычкам* (Б. Титов. Майкл Фелпс едет в Москву на короткую воду // Известия, 2011.09.21).

Корректорами и авторами новостных заметок, столкнувшимися с запретом на использование этих слов в мужском роде, даже выработаны негласные правила для маркирования мужского пола денотата: к слову *легенда* добавляется слово *человек*, а также лицо мужского пола, описанное словами *звезда* или *легенда*, называется по фамилии, чтобы «подогнать» пред-

ложение к правилу из [Там же: 264] о согласовании сказуемого с сочетаниями нарицательного и собственного существительных, в соответствии с которым подлежащим, то есть субъектом согласования, выступает имя собственное:

- (32) *Доверительно спросила **санинспектор Фрося*** (П. Павленко, пример из [Розенталь 2016: 264]).

То есть вместо того, чтобы написать о Ван Дамме *звезда/легенда Голливуда приехал*, автор должен писать *звезда/легенда Голливуда Ван Дамм приехал*, а вместо того, чтобы писать о Майке Тайсоне *легенда мирового спорта проиграл*, — *человек-легенда мирового спорта проиграл*. Например, заголовок *Бывшая девушка **звезды** «Дома-2» обвинила его в алкоголизме* (денотат мужского пола) требовал правки: следовало употребить местоимение *её*, что существенно изменило бы смысл и восприятие предложения. Корректорами был предложен вариант *Бывшая девушка **звезды** «Дома-2» **Гобозова** обвинила его в алкоголизме*, который был отвергнут редактором. В итоге материал вышел с заголовком ***Звезде** «Дома-2» **обвинили** в алкоголизме*.

Часто размер предложения, в котором фигурируют слова *звезда* и *легенда*, ограничен. Например, в некоторых изданиях есть техническое требование — заголовок материала не может составлять более 80 символов. В связи с этим авторы вынуждены использовать обсуждаемые слова в заголовках заметки без указания фамилии знаменитости.

- (33) ***Звезда** сериала «Игра престолов» установил новый мировой рекорд, подняв 474 кг* (Из корректорской практики (до корректуры; после корректуры род сказуемого — женский), 2019);
- (34) *Овечкин и Малкин выигрывали его приз. В США скончалась легенда НХЛ* (Из корректорской практики (до и после корректуры; правка не требовалась), 2019). (О лице мужского пола — Теде Линдсее.)

В результате в заголовках нормативное согласование по женскому роду регулярно становится проблемным, оказывается предметом дискуссии между автором и корректором, более того, порой правило просто игнорируется во избежание разночтений.

- (35) *В Новосибирске скончался звезда шансона, служивший в Афганистане* (Из корректорской практики (до корректуры; после корректуры словосочетание *звезда шансона* заменено словом *шансонье*), 2018);
- (36) ***Легенда** «Манчестер Юнайтед» попросил футболку у Дзюбы* (Из корректорской практики (до и после корректуры: исправление корректора не принято редактором), 2018).

Кроме того, иногда специфика новостных текстов такова, что необходимо выделить какие-либо особенности, связанные с полом денотата.

- (37) *Звезда «Фантастических тварей» Эзра Миллер на каблуках и в кружевном платье стал героем Playboy* (Из корректорской практики (после корректуры; правка не требовалась: род сказуемого верный согласно [Розенталь 2016: 264], 2018). (О лице мужского пола — Эзре Миллере);
- (38) *Травести-легенда Ева Браун ушёл в монахи* (Из корректорской практики (до корректуры; после корректуры словосочетание *ушёл в монахи* заменено словосочетанием *ушла в монастырь*), 2017). (Денотат — лицо мужского пола — выступал на сцене в женском образе под псевдонимом *Ева Браун*.)

Тогда нормативное согласование может снизить яркость заголовка, и это становится ещё одним поводом использовать ненормативное.

4. Корпусный анализ согласования со сказуемым по роду слов звезда и легенда

При сравнении примеров 1–6, 11–14 и 20–30, 33–38 очевидно, что слова *звезда* и *легенда*, несмотря на то что норма допускает только согласование по грамматическому женскому роду, в отношении согласования со сказуемым используются авторами материалов СМИ как слова типа *зануда*, то есть способные при женском роде сказуемого обозначать денотатов обоих полов, а при мужском — денотата мужского пола (второй тип, по [Иодмин 1980: 458–459]). При этом прилагательные с ними всегда, даже при мужском роде глагола, согласуются только по женскому роду: ср. примеры 30, 41 *голивудская звезда прибыл* и *греческая легенда сжал* при невозможности **голивудский звезда прибыл* и **греческий легенда сжал* с примером 13 *известный зануда пришёл*. По-видимому, вербальные формы легче, чем адъективные (а адъективные в именительном падеже — легче, чем в косвенных), принимают смысловой род, противоречащий грамматическому, о чём говорит И. Г. Милославский [1999: 472–474], анализируя согласование слов типа *врач* (см. выше, раздел 2), и что подтверждает теория Г. Корбетта о согласовательной иерархии [Corbett 2015: 193].

Чтобы разобраться в том, насколько смысловой и грамматический тип согласования сказуемого характерен для слов *звезда* и *легенда* в качестве одушевлённых существительных, был проведён корпусный анализ: в Основном и Газетном корпусах НКРЯ и в корпусе материалов из соцсетей «ВКонтакте» и «Живой журнал» ГИКРЯ запрашивались конструкции, содержащие подлежащие *звезда* и *легенда* и сказуемое, выраженное глаголом в маркированной по роду форме. Далее вручную исключались результаты, где указанные слова не обозначали людей или служили именами собственными. Кроме того, исключались результаты с подлежащим *человек-легенда*, автоматически порождающим согласование в мужском роде. Най-

дено 45 примеров с подлежащим *легенда* и 406 — с *звезда*. Полученные примеры были разделены на три группы:

(А) Первая группа — денотат женского пола, подлежащее согласуется по женскому грамматическому роду:

- (39) *На прощанье легенда предстала в роли Екатерины II в фильме «Золотой век» (ГИКРЯ, из интернета (2012)). (О лице женского пола — Вие Артмане.)*

(Б) Вторая группа — денотат мужского пола, подлежащее согласуется по женскому грамматическому роду:

- (40) *Уже в Варшаве, куда звезда прилетала из Москвы, продюсер Джексона Марсель Авраам дал жесткое интервью журналистам о том, что большие Майкл в Россию никогда не поедет (НКРЯ, Л. Кафтан. Александр Коржаков: Держи, сынок, дедовский клинок! // Комсомольская правда, 2004.03.15). (О лице мужского пола — Майкле Джексоне.)*

(В) Третья группа — денотат мужского пола, сказуемое согласуется по мужскому грамматическому роду:

- (41) *Греческая легенда сжал кулаки до боли в пальцах, так что костяшки последних побелели (ГИКРЯ, из интернета (2008)).*

Результаты представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Согласование сказуемого с подлежащим *легенда*

	Всего		Основной корпус НКРЯ		Газетный корпус НКРЯ		ГИКРЯ	
	Число	Процент	Число	Процент	Число	Процент	Число	Процент
Всего	45		1		6		38	
(А) (ж. пол и ж. р.)	15		0		3		12	
(Б) (м. пол, но ж. р.)	20	67% ¹	1	50%	2	67%	17	65%
(В) (м. пол и м. р.)	10	33%	0	0%	1	33%	9	35%

¹ Здесь и далее — процент от общего числа предложений с денотатом мужского пола.

Таблица 2

Согласование сказуемого с подлежащим *звезда*

	Всего		Основной корпус НКРЯ		Газетный корпус НКРЯ		ГИКРЯ	
Всего	406		14		256		137	
(А) (ж. пол и ж. р.)	326		10		214		102	
(Б) (м. пол, но ж. р.)	45	56%	4	100%	29	71%	12	34%
(В) (м. пол и м. р.)	35	44%	0	0%	12	29%	23 ²	66%

В Основном корпусе НКРЯ, состоящем главным образом из художественных опубликованных текстов, которые, очевидно, подвергаются большей корректорской и редакторской обработке, ненормативное согласование не встречается. Однако в Газетном корпусе и в базе социальных сетей ГИКРЯ ненормативные варианты согласования обнаруживаются регулярно и занимают не менее трети от всех употреблений для денотатов мужского пола.

Что интересно, журналистский штамп *человек-легенда*, вошедший в практику СМИ именно как изобретённый редакторами способ справиться с проблемами согласования, также распространён в корпусе социальных сетей:

(42) *Я сам не верю до сих пор, что этот человек-легенда посетил наш городишко* (ГИКРЯ, из интернета (2007)).

Для сравнения было проведено аналогичное исследование подлежащего *зануда* в языке интернета (в блогах и живых журналах) при помощи ГИКРЯ. Примеров типа (Б), где *зануда* обозначало бы денотата мужского пола, а согласовывалось по женскому роду, в интернет-текстах не нашлось. Более того, при значениях *любой/каждый зануда* или *какой-то зануда*, то есть в ситуациях, когда пол денотата не определен, в семи случаях из восьми использовался мужской род:

(43) *Какой-то зануда установил какие-то стандарты, и теперь все должны им придерживаться* (ГИКРЯ, из интернета (2014));

(44) *Какой зануда сказал, что в Москве не светят звезды? Светят, еще как!* (ГИКРЯ, из интернета (2015));

(45) *Какая зануда написала это в своём дурацком блоге?* (ГИКРЯ, из интернета, (2014)).

² Из них 12 — у одного автора (https://m.livejournal.com/read/user/villevalo_ru) в рамках одного текста в жанре фанфикшен об известном музыканте — лидере рок-группы «НИМ» Вилле Вало.

При этом для слова *звезда* с аналогичным значением неопределённого лица во всех девяти случаях использовался женский род.

- (46) *Все им надо заснять: и аварию на проспекте, и салют на новый год, и выступление кумира на концерте. Телефоны мелькают там и тут, молодежь пытается заснять что-либо на встроенные камеры, а потом в кругу друзей хвастается мутными записями. Еще и звук включают, чтобы было слышно, о чем же там звезда пела* (ГИКРЯ, из интернета (2008)).

По-видимому, в современном языке, языке XXI в., усилилась тенденция к смысловому согласованию слов общего рода: грамматическое согласование для слов типа *зануда* устаревает. Эта же тенденция к смысловому, а не грамматическому согласованию приводит к тому, что носители языка воспринимают согласование слов *звезда* и *легенда* со сказуемыми в мужском роде, если таков пол денотата, как вполне естественное.

Смысловое согласование слов *звезда* и *легенда*, стремящихся войти в группу слов общего рода, устраняется на стадии корректорской и редакторской правки, что сдерживает развитие объективной нормы. Проблема противоречия между субъективной и объективной нормами, первая из которых консервативна, порождается кодификацией, фиксируется в нормативной литературе и отражается в работе корректоров и редакторов, а вторая порождается системой, проявляется в узусе и сдерживается кодификацией, хотя и была обозначена более полувека назад А. М. Пешковским и М. В. Пановым [Пешковский 1958; Панов 1968], в настоящее время лишь начинает осознаться: в частности, соотношению русской «субъективной» и «объективной» нормы в свете корпусного анализа посвящены работы С. К. Пожарицкой и Е. Р. Добрушиной [Добрушина 2013; Борзенко и др. 2017; Пожарицкая и др. 2017].

5. О парадоксальном согласовании слова *суперстар*

Наряду со словом *звезда*, как было показано выше, приближающемся к словам общего рода, с конца XX в. в русском языке фигурируют слова *суперзвезда*, *суперстар* и *селебрити*, довольно распространённые в современных СМИ.

Можно предположить, что слова *суперзвезда* и *суперстар* стали использоваться внутри русской речи и записываться русскими буквами, по-видимому, с момента начала популярности рок-оперы 1970 г. «Jesus Christ Superstar»; но первые примеры обоих слов в письменных текстах обнаруживаются у В. Аксенова, то есть в эмигрантской прозе, только в конце 1970-х.

- (47) *Прибыли и на этот раз лучшие гонцики мира, не меньше десятка суперзвезд, десятка три просто звезд, а остальные все звездочки,*

но горящие ярчайшей дерзостью и честолубием (НКРЯ, В. Аксенов. Остров Крым (авторская редакция) (1977–1979));

- (48) *Ничего, собственно говоря, не было удивительного в том, что мировая суперстар прибегала иногда к ВМПСу (так называли в компании Лучникова «Великий и Могучий, Правдивый и Свободный» язык), ибо это был и ее родной язык, ибо звалась она прежде Галей Буркиной и родилась в семействе врэвакуантов из Ялты, хотя и получила в наследство от временного пристанища своих родителей, то есть от Острова Крыма, татарские высокие скулы и странноватый татарский разрез голубых новгородских глаз (Там же).*

Слово *суперзвезда* ожидаемо ведёт себя в точности как *звезда* и *легенда*, то есть с прилагательными согласуется только в женском роде независимо от пола денотата, с глаголами имеет место вариативность, а при денотате неизвестного пола используется глагол в женском роде:

(А) Женский род по отношению к женскому полу:

- (49) *Тем не менее суперзвезда снялась в картине «Малефисента», где сыграла колдунью (НКРЯ, Ю. Хожателева. Анджелина Джоли — богатейшая актриса Голливуда // Комсомольская правда, 2013.07.31).*

(Б) Женский род по отношению к мужскому полу:

- (50) *Его охотно брали в свою команду даже парни на пять лет старше, потому что к своим тринадцати годам будущая суперзвезда достигла роста 193 сантиметра (НКРЯ, А. Демин. Шак на «зоне». Центровой «Лейкерс» боится оказаться ненужным (2001) // Известия, 2001.07.18).*

(В) Мужской род по отношению к мужскому полу:

- (51) *При всем при этом суперзвезда мог запросто уединиться в бытовках с молодыми актрисочками (НКРЯ, Секс-машина // Комсомольская правда, 2002.02.02).*

(Г) В безотносительном к полу употреблении:

- (52) *Ведь невозможно себе представить, чтобы какая-нибудь американская или европейская «суперзвезда» бродила по этажам телекомпании в поисках, кому всучить деньги за то, что ее покажут по телевизору (НКРЯ, М. Кононова. Бари Алибасов думает о женитьбе и судьбах шоу-бизнеса (2002) // Вечерняя Москва, 2002.11.14).*

Слово *суперстар* резко отличается от всех до сих пор рассматривавшихся слов тем, что имеет облик существительного мужского рода с нулевым окончанием. Казалось бы, оно должно вести себя подобно словам ти-

па *врач*, согласующимся по женскому роду с глаголами, но не с прилагательными. Ведь для адъективного согласования очень важен грамматический род: так обстоит дело и со словами типа *врач* [Милославский 1999: 472–474; Герасимова 2018: 69], и со словами *звезда*, *суперзвезда* и *легенда*, которые, как было показано выше, на данном этапе не могут породить адъективного согласования в противоречащем их грамматическому роду мужском. Но для слова *суперстар* это не так. Оно согласуется и по женскому, и по мужскому роду не только с глаголами, но и с прилагательными (женский род — примеры 54–58, мужской — 62):

(А) Женский род по отношению к женскому полу:

- (53) *Вслед за Волчек подоспела суперстар Марина Неелова* (НКРЯ, Наш бомонд примчался за халявными трусами // Комсомольская правда, 2001.05.25);
- (54) *Как нам сообщили церковные источники, российская «суперстар» Алла Борисовна Пугачева заказала себе место на самом дорогом кладбище мира* (НКРЯ, Пугачева заказала место на кладбище в Израиле... // Комсомольская правда, 2001.06.15);
- (55) *Александров сумел сделать из Орловой советскую «суперстар», а сам стал режиссером N 1 в СССР* (НКРЯ, Б. Поюровский. Другой Любви уже не будет // Труд-7, 2002.02.12);
- (56) *Итак, в гримерке Аллы Борисовны должно быть ... Минеральная вода без газа Кофе Фрукты Бутерброды с колбасой и сыром По части кормежки суперстар, кстати, абсолютно непривередлива* (НКРЯ, М. Майорова. (КП — Владивосток). Пугачевой хватает бутербродов с колбасой // Комсомольская правда, 2005.07.17);
- (57) *Князь Монако Альбер II, сын голливудской суперстар Грейс Келли* (НКРЯ, В. Кудрикова. Женить Саркози // Труд-7, 2007.10.26);
- (58) *Немецкая суперстар Хенкель (две победы в Кубке) лишь иногда уступает другой звезде бундестим Нойнер (три триумфа в КМ), которая моложе Андреа на 10 лет* (НКРЯ, И. Емельянов. Молодые стрелки // Советский спорт, 2011.03.24).

(Б) Женский род по отношению к мужскому полу:

- (59) *Он начал просить зал, чтобы на нашу суперстар, Валерия Леонтьева, который выступал следом, была такая же реакция* (НКРЯ, М. Ремизова, Е. Лаптева. Звезды на Новой Волне: Леонтьев питается по талонам, а Семенович горюет об угнанной машине // Комсомольская правда, 2013.07.25);

(В) Мужской род по отношению к мужскому полу:

- (60) *Увидев Кристину, он отложил раздачу бесценных росписей и одарил прекрасную москвичку своей ослепительной улыбкой, которая означала только одно: «Не хотите ли вы, милая девушка, провести время в обществе голливудского суперстара?»* (НКРЯ, А. Аб-

- дулов, А. Миллер. Говорит и показывает Москва (1997) // Столица, 1997.09.02);
- (61) *А Марат все делает лихо: и машиной рулит, и девчонок кадрит. Главное, чтобы у нашего суперстара и на теннис силенки остались* (НКРЯ, Блондинки вокруг Сафина прыгают, как мячики // Комсомольская правда, 2002.09.21);
- (62) *В среду ночью Филипп Киркоров представил столичному бомонду своего нового друга — греческого суперстар Сакиса Руваса* (НКРЯ, О. Рудакова, фото Р. Гали. Пугачева одобрила дуэт Киркорова с греком // Комсомольская правда, 2005.03.11);
- (63) *Это была любовь с первого взгляда — уже через пару дней суперстар взял новую пассию на красную дорожку Венецианского кинофестиваля* (НКРЯ, Е. Лаптева. Звездные разводы лета: Лучше бы я съел перед загсом свой паспорт // Комсомольская правда, 2013.09.13).

В мужском роде слово склоняется, кроме одного случая (пример 62), а в женском оказывается неизменяемым (55, 57, 59), подобно фамилиям с нулевыми окончаниям типа *Зализняк*. При этом [Академос], современный орфографический академический словарь, в который слово *суперстар* включено, сопровождает его пометами *нескл., м. и ж.*

(Г) Безотносительно к полу (даже по отношению к мамонту) слово условно выбирает женский род:

- (64) *Но настоящей суперстар (выражение японских журналистов, освещающих ЭКСПО) стал мамонт возрастом 18 тыс. лет, останки которого были обнаружены два года назад в Якутии и восстановлены группой российских и японских ученых* (НКРЯ, Дайджест. 4–17 апреля 2005 года // РИА Новости, 2005.04.19);
- (65) *Новогодние праздники не за горами. И какой же корпоратив без песни. Желательно в исполнении какой-нибудь отечественной суперстар — пусть и под фанеру* (НКРЯ, М. Ремизова. Сколько стоит пригласить к себе звезду на новый год // Комсомольская правда, 2007.12.06).

По-видимому, имеет место своеобразная контаминация слов *звезда*, *суперзвезда* и *суперстар*, и в итоге лексема *суперстар*, имея грамматический облик русского существительного мужского рода и, соответственно, изменяясь по падежам, парадоксальным образом ведёт себя как слово общего рода, тяготеющее к женскому роду.

Интересно поведение в узусе ещё одного иноязычного слова с подобным значением. *Селебрити* — заимствование, происходящее от английского *celebrity* (согласно [MacMillan 2006: 216], «a famous person, especially in entertainment or sport») — «известный человек, особенно в сфере развлечений или спорта»), — в русском языке зафиксировано только в словаре

Е. Н. Шагаловой [2017] со значением *неол., жарг. знаменитость, известная преимущественно благодаря упоминаниям в светской хронике и жёлтой прессе*, а также в орфографическом словаре В. В. Лопатина [2012] — *селебрити, нескл., м. и ж. (знаменитость)*. Согласно данным НКРЯ, довольно долго слово *селебрити* воспринималось как обозначающее некую общность людей (см. пример 66).

- (66) *И из-за того, что это возможность заработать деньги, и потому, что люди любят быть «селебрити», знаменитыми* (В. Полупанов. Бум этнорусской музыки? (2001) // Аргументы и факты, 2001.01.03).

В четырёх примерах из НКРЯ, где слово *селебрити* проявляет согласовательные отношения по роду, в одном случае речь идёт о женщине и слово согласуется по женскому роду (67), в трёх остальных — о мужчинах, дважды согласование идёт по мужскому роду (68). Одно из предложений содержит согласование по женскому роду для денотата-мужчины (который, к слову, провёл операцию по смене пола и в прошлом был женщиной). Однако данный пример осложнён тем, что *селебрити* оказывается приложением к слову *знаменитость*, с которым, по-видимому, и согласуется относительное местоимение (69).

- (67) *В Петербург теннисистка Елена Дементьева прибыла в ранге спортивной «селебрити» и безусловной светской знаменитости* (В. Карелова. «С матчем СКА выхожу как выжатый лимон» // Известия, 2012.06.24);
- (68) *Стало заметно, что тем для песен у Гуфа стало чуть меньше — то ведь, как мы помним, была жизнь в Китае, тюрьма, наркотический угар и прочий беспредел, жизнь на кромке смерти, неожиданно обрушившаяся слава — а потом всё это сменила более-менее устоявшаяся жизнь селебрити, обзаведшегося семьёй* (З. Прилепин. Новый Гуф // «Русская жизнь», 2012);
- (69) *Чез Боно (Chaz Boon) Чез большая американская знаменитость, селебрити, которая часто появляется на телевидении и нередко — на страницах желтой прессы* (Л. Корниенко. 10 хороших парней, которые раньше были... девушками [фото] // Комсомольская правда, 2012.07.22).

В ГИКРЯ слово *селебрити* согласуется во всех родах. Так, например, из 140 предложений с сочетанием прилагательного и слова *селебрити* 66 прилагательных согласовано в женском роде, 61 — в мужском, а 13 — в среднем. При этом в восьми случаях при прилагательном, согласованном в женском роде, речь идёт о мужчине (пример 70), в единственном случае (при этом автор слов говорит о себе) при согласовании по мужскому роду — о женщине (71). При согласовании в среднем роде в двух случаях речь идёт о женщине (72), в пяти — о мужчине (73).

- (70) *Дыховичный — душка вообще, моя любимая селебрити* (ГИКРЯ, из интернета (2007));
- (71) *Буквально день я была частным селебрити* (ГИКРЯ, из интернета (2010));
- (72) *Она типичнейшее селебрити, такое не то что не запретишь, не задушишь — не убьешь* (ГИКРЯ, из интернета (2012));
- (73) *Но главное селебрити города — не он, а, безусловно, друг Герцена, публицист и общественный деятель Н. П. Огарев* (ГИКРЯ, из интернета (2012)).

Кроме того, что интересно, в языке появились разговорные варианты этого слова, хотя и с изменённой семантикой, маркированные по роду. Это слова *селеба* (45 употреблений в ГИКРЯ в именительном падеже) и *селеб* (32 употребления в именительном падеже), которые, по данным ГИКРЯ, служат для описания денотатов обоих полов.

- (74) *Надо сказать моим одесским друзьям, шо я теперь **селеба**: меня узнают неврологи* (ГИКРЯ, из интернета (2012));
- (75) *Потому, что он крутой селеб...* (ГИКРЯ, из интернета (2012)). (О лице мужского пола — Гиладе Шалите);
- (76) *Почему Артур все еще не **селеба** Ростова и не завален коммерцией...* (ГИКРЯ, из интернета (2014));
- (77) *Ооо! Вика, ты теперь **селеб**! Дай за ручку подержаться, а?* (ГИКРЯ, из интернета (2010)).

* * *

На основе статистического анализа материалов Газетного корпуса НКРЯ было показано, что в СМИ де-факто сложилась «новая норма», позволяющая согласовывать сказуемое со словами *звезда* и *легенда*, а также *суперзвезда*, *суперстар* и *селебрити* аналогично согласованию со словами общего рода, по меньшей мере при согласовании с предикатами. Как правило, в случаях, когда автор предпочёл мужской род, на стадии корректорской правки применяются приёмы, позволяющие избежать ненормативного согласования. Но если размер предложения ограничен технически и/или важно подчеркнуть какую-либо смысловую специфику в отношении пола денотата, в текстах СМИ, даже подвергшихся строгой редактуре, регулярно применяется согласование этих слов по мужскому роду. В таких случаях мнение корректора не учитывается и редакция принимает решение об использовании формально неверного согласования. При этом, как видно из результатов анализа корпуса ГИКРЯ, где представлены материалы крупнейших социальных сетей, в обыденной письменной речи обычных носителей языка подобное согласование встречается не менее чем в трети случаев.

Итак, в настоящее время слова *звезда* и *легенда* в метафорическом значении приобрели выраженную тенденцию к согласованию со сказуемым в

зависимости от пола обозначаемого лица. Ещё более свободно ведёт себя слово *суперстар*, благодаря формальному совпадению с существительными мужского рода избежавшее давления нормы и способное к смысловому согласованию не только с вербальными, но и с адъективными формами; при этом слово *суперстар*, как и все слова общего рода, тяготеет к использованию в женском роде, в первую очередь при употреблении, безотносительных к полу. Неизменяемое заимствование *селебрити*, о котором трудно судить из-за небольшого количества примеров с согласованием, также способно к смысловому согласованию. Закрытый, казалось бы, список слов общего рода в XXI в., вопреки ограничениям кодификации, в соответствии с тенденцией узуса к смысловому, а не грамматическому согласованию предикатов, пополняется новыми словами.

Л и т е р а т у р а

Академос — Научно-информационный «Орфографический академический ресурс Академос» Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Борзенко и др. 2017 — Е. О. Б о р з е н к о, Е. Р. Д о б р у ш и н а. Интенсификаторы семантики предикатов: окказиональные формы сравнительной степени от глагола в современном русском узусе (*люблю люблее*) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. Вып. 1. М., 2017. С. 26–39.

Герасимова 2018 — А. А. Г е р а с и м о в а. Рассогласование по роду в русском языке (экспериментальное исследование) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77, № 1. С. 65–71.

Граудина и др. 1976 — Л. К. Г р а у д и н а, В. А. И ц к о в и ч, Л. П. К а т л и н с к а я. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. М., 1976.

Добрушина 2013 — Е. Р. Д о б р у ш и н а. Между нормой-интуицией и нормой-кодификацией, или Двести лет вместе с ихней // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26). С. 181–204.

Ефремова 2000 — Т. Ф. Е ф р е м о в а. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.

Зализняк 1967 — А. А. З а л и з н я к. Русское именное словоизменение. М., 1967.

Зализняк 1977 — А. А. З а л и з н я к. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.

Иомдин 1980 — Л. Л. И о м д и н. О русских существительных так называемого общего рода // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1980. С. 456–461.

Калечиц 1965 — Е. П. К а л е ч и ц. О природе имен существительных общего рода // Вопросы морфологии, синтаксиса русского языка и методики его преподавания. Материалы IV зональной конференции кафедр русского языка вузов Урала. Вып. 2. Пермь, 1965. С. 3–20.

Кустова 2018 — Г. И. К у с т о в а. Прилагательные // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. III. Части речи и лексико-грамматические классы / Отв. ред. вып. В. А. Плунгян, Н. М. Стойнова. СПб., 2018. С. 40–107.

Крылов 2002 — С. А. Крылов. «Русское именное словоизменение» А. А. Зализняка тридцать лет спустя: Опыт ретроспективной рецензии с позиций неоструктуралистской морфологии // А. А. Зализняка. Русское именное словоизменение. (Переизд.) М., 2002.

Кузнецов 2000 — Большой толковый словарь русского языка [Текст] / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000.

Лопатин 2012 — Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / Под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. 4-е, изд. испр. и доп. М., 2012.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957–1961.

Милославский 1999 — И. Г. Милославский. Морфология // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1999.

Павлова 2011 — Т. С. Павлова. Существительные общего рода в русском языке: семантика, грамматика, употребление. Автореф. канд. дисс. М., 2011.

Панов 1968 — М. В. Панов (ред.). Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. М., 1968.

Пешковский 1959 — А. М. Пешковский. Объективная и нормативная точка зрения на язык // А. М. Пешковский. Избранные труды. М., 1959. С. 50–62.

Пожарицкая и др. 2017 — С. К. Пожарицкая, Е. Р. Добрушина. Орфоэпический взгляд на некоторые вариантные явления русского литературного языка в эпоху корпусной лингвистики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 31 мая — 3 июня 2017 г.). Т. 2. М., 2017. С. 372–384.

Розенталь 2016 — Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию и литературной правке / Под ред. И. Б. Голуб. 20-е изд. М., 2016.

Сичинава 2011 — Д. В. Сичинава. Род. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011.

Ушаков 1935 — Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М., 1935.

Шагалова 2017 — Е. Н. Шагалова. Словарь новейших иностранных слов. М., 2017.

Шведова 1970 — Н. Ю. Шведова (гл. ред.). Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Шведова 1980 — Н. Ю. Шведова (гл. ред.). Русская грамматика. М., 1980.

Corbett 2015 — G. Corbett. Hybrid nouns and their complexity // Agreement from a Diachronic Perspective (Trends in Linguistics Studies and Monographs) / J. Fleischer, E. Rieken & P. Widmer (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2015. P. 191–214.

MacMillan 2006 — Macmillan English dictionary for advanced learners / Editor-in-chief M. Rundell. Bloomsbury Publishing Pic., 2006.

Petit Robert 2009 — Le nouveau Petit Robert. 2009. Dictionnaire multimedia. [Электронный ресурс].

Статья получена 19.03.2019

Maria I. Sidorova

St. Tikhon Orthodox University for the Humanities
(Moscow, Russia)
mariya.sid@gmail.com

**ZVEZDA 'STAR' AND LEGENDA 'LEGEND' AS COMMON GENDER NOUNS:
CORPUS ANALYSIS OF VARIABILITY IN AGREEMENT**

The article is devoted to the analysis of agreement of the nouns *legenda* 'legend' and *zvezda* ('star') in the figurative metaphorical meaning 'celebrity' in comparison with common gender nouns. Strategies of agreement of common gender nouns are analyzed according to the description of the category of common gender nouns in linguistic studies from mid-20th century to our days.

The study is based on the materials of the Russian National Corpus, General Internet Corpus of Russian, and examples from media texts of 2016 to 2019. The author comes to the conclusion that the past tense form of the verb has a tendency to agree with the nouns *zvezda* and *legenda* depending on the gender of the denotated person, similarly to common gender nouns, despite the fact that such agreement is non-normative. Moreover, the past tense form of the verb as well as adjectives agree with the noun *superstar* 'superstar' in both masculine and feminine gender.

Keywords: Russian language, grammar, corpus linguistics, language norm, agreement, variability, subject, predicate, common gender nouns

References

- Borzenko, E. O., & Dobrushina, E. R. (2017). Intensifikatory semantiki predikatov: okkazonal'nye formy sravnitel'noy stepeni ot glagola v sovremennom russkom uzuse (lyublyu lyublee). *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya*, 1, 26–39.
- Corbett, G. (2015). Hybrid nouns and their complexity. In J. Fleischer, E. Rieken & P. Widmer (Eds.), *Agreement from a diachronic perspective* (pp. 191–214). Berlin: De Gruyter Mouton.
- Dobrushina, E. R. (2013). Mezhdru normoy-intuitsiey i normoy-kodifikatsiey ili Dvesti let vmeste s ikhniy. *Russkiy yazyk v nauchnom oveshchenii*, 2, 181–204.
- Efremova, T. F. (2000). *Novyy slovar' russkogo yazyka: tolkovo-slovoobrazovatel'nyy*. Moscow: Russkiy yazyk.
- Evgenyeva, A. P. (1957–1961). *Slovar' russkogo yazyka* (Vols. 1–4). Moscow: Russkiy yazyk.
- Gerasimova, A. A. (2018). Rassoglasovanie po rodu v russkom yazyke (eksperimental'noe issledovanie). *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 77(1), 65–71.
- Graudina, L. K., Itskovich, V. A., & Katlinskaya, L. P. (1976). *Grammaticheskaya pravil'nost' russkoy rechi. Stilisticheskyy slovar' variantov*. Moscow: Nauka.
- Iomdin, L. L. (1980). O russkikh sushchestvitel'nykh tak nazyvaemogo obshchego roda. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 5, 456–461.
- Kalechits, E. P. (1965). O prirode imen sushchestvitel'nykh obshchego roda. *Voprosy morfologii, sintaksisa russkogo yazyka i metodiki ego prepodavaniya. Materialy IV zonal'noy konferentsii kafedr russkogo yazyka vuzov Urala*. (Issue 2, pp. 3–20). Perm.

- Krylov, S. A. (2002). «Russkoe imennoe slovoizmenenie» A. A. Zaliznyaka tridtsat' let spustya: Opyt retrospektivnoy retsenzii s pozitsiy neostrukturalistskoy morfologii. In A. A. Zaliznyak (Auth.), *Russkoe imennoe slovoizmenenie*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury.
- Kustova, G. I. (2018). Prilagatel'nye. In V. A. Plungyan, & N. M. Stoynova (Ed.), *Materialy k korpusnoy grammatike russkogo yazyka* (Issue 3, pp. 40–107). St. Petersburg: Nestor Istoriya
- Kuznetsov, S. A. (Ed.). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. St. Petersburg.
- Lopatin, V. V., Ivanova, O. E. (2012). *Russkiy orfograficheskiy slovar'* (4th ed.). Moscow: AST-Press.
- Miloslavskiy, I. G. (1999). Morfologiya. In V. A. Beloshapkova (Ed.), *Sovremennyy russkiy yazyk*. Moscow: Azbukovnik.
- Panov M. V. (Ed.). (1968). *Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Narodnye govory*. Moscow: Nauka.
- Pavlova, T. S. (2011). *Sushchestvitel'nye obshchego roda v russkom yazyke: semantika, grammatika, upotreblenie* (doctoral dissertation). Moscow.
- Peshkovskiy, A. M. (1959). *Izbrannye trudy*. Moscow: Gos. uch.-ped. izd-vo.
- Pozharitskaya, S. K., & Dobrushina, E. R. (2017). Orfoepicheskiy vzglyad na nekotorye variantnye yavleniya russkogo literaturnogo yazyka v epokhu korpusnoy lingvistiki. In *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog» (Moskva, 31 maya — 3 iyunya 2017 g.)* (Vol.2, pp. 372–384). Moscow: RGGU.
- Rozental, D. E. (2016). *Spravochnik po pravopisaniyu i literaturnoy pravke* (20th ed.). Moscow.
- Rundell, M., et al. (Eds.). (2006). *Macmillan English dictionary for advanced learners*. Oxford: Bloomsbury Publishing.
- Shagalova, E. N. (2017). *Slovar' noveyshikh inostrannykh slov*. Moscow: AST-Press.
- Shvedova N. Yu. (Ed.). (1970). *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. Moscow: Nauka.
- Shvedova N. Yu. (Ed.). (1980). *Russkaya grammatika* (Vols. 1–2). Moscow: Nauka.
- Sichinava, D. V. (2011). Rod. In *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki*. Moscow. Retrieved from <http://rusgram.ru>.
- Ushakov D. N., et al. (Eds.). (1935). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*: (Vols. 1–4). Moscow.
- Zaliznyak A. A. (1977). *Grammaticheskiy slovar' russkogo yazyka*. Moscow: Russkiy yazyk.
- Zaliznyak, A. A. (1967). *Russkoe imennoe slovoizmenenie*. Moscow: Nauka.

Received on March 19, 2019

А. В. ПОПОВА

Московский университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
anja.p-va@yandex.ru

КОНСТРУКЦИЯ ТИПА *ВОДА ПИТИ* В РЯЗАНСКИХ ПАМЯТНИКАХ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XV–XVII ВВ.

В статье рассматривается проблема употребления конструкции типа *вода пити* (инф. + И. п.) на южнорусской территории. Проанализированы рязанские памятники деловой письменности XV–XVII вв., в отобранном материале обращается внимание на особенности встречающихся примеров: на частоту употребления сочетаний, на примеры с именами собственными, словосочетания с диалектными словами. Помимо этого, рассматриваются особенности употребления конструкции в деловых текстах, обращается внимание на возможность использования исследуемой конструкции как штампа делового языка. На основе проанализированного материала можно прийти к выводу, что конструкция типа *вода пити* была употребительна хотя бы на некоторой части рязанской территории.

Ключевые слова: конструкция типа *вода пити*, рязанские памятники деловой письменности XV–XVII вв., устойчивые сочетания, референтность, одушевленность.

Общие замечания

Конструкция И. п. + инф., исследуемая в этой статье, давно известна лингвистам (особенно историкам языка, диалектологам, типологам), поэтому сразу обозначим, какие вопросы окажутся в центре нашего внимания, а какие рассматриваться не будут. Настоящая работа посвящена проблеме диалектной локализации названной конструкции, а именно ее представленности в южнорусских говорах XV–XVII вв. Исследуются данные, связанные с определенной диалектной территорией — рязанской. В задачи работы входит анализ примеров, зафиксированных в рязанских источниках XV–XVII вв., по определенным ниже параметрам. Вопросы происхождения и истории развития этой конструкции в нашей работе не рассматриваются¹.

¹ По проблеме происхождения данного оборота существует большая литература. В русской лингвистической традиции изначально господствовала гипотеза о его индоевропейском генезисе [Потебня 1888; Степанов 1984; Попов 2012], в последнее же время все больше стала высказываться идея происхождения оборота типа

Давно известно, что именительный падеж прямого дополнения при инфинитиве переходных глаголов (в данной работе «конструкция типа *вода нити*») неоднократно отмечался исследователями в первую очередь в северо-западных, северных и московских памятниках письменности [Борковский 1949: 338–351; Ломтев 1956: 85; Филин 1972: 476–491; Зализняк 2004: 447 и др.]. Отмечалось употребление конструкции типа *вода нити* в таких известных деловых памятниках, как «Русская Правда» обеих редакций, Смоленская грамота 1229 г., Судебники 1497 и 1550 гг., Уложение 1649 г. и др. [Потебня 1888: 416–418; Соболевский 1907: 198; Борковский 1949: 338–351 и др.].

Постепенно в фокусе внимания лингвистов стали появляться и южные деловые документы, в текстах которых встречаются примеры конструкции типа *вода нити*. Так, А. А. Потебня отметил пять примеров именительного падежа объекта при инфинитиве в белорусских деловых текстах: *исправа чинити, татьба вернути, давати мера, давати... полтина, рука втяти*² — и некоторые примеры из фольклора [Потебня 1888: 416–418].

В следующей работе, а именно в известной статье С. И. Коткова [1959], приводятся примеры из деловой письменности многих южнорусских городов и их областей (Елец, Болхов, Курск, Ливны, Орел, Мценск и др.) и делается вывод об общерусском характере исследуемой синтаксической черты. Та часть статьи С. И. Коткова, которая посвящена употреблению конструкции в документах разных южнорусских областей, носит в значительной степени обзорный характер: примеров употребления конструкции для каждого конкретного региона приводится мало, единственная подробно исследованная область — курская. С. И. Котков детально исследовал курскую отказную книгу (1630–1660 гг.) и отметил, что в ней встречается до 140 примеров конструкции типа *вода нити*, среди которых отмечается преобладание сочетаний³ *пашня пахать, служба служить* [Там же].

вода нити под влиянием финно-угорского субстрата [Timberlake 1974: 2–3; Ронько 2016: 172–174], что, естественно, предполагает локализацию исследуемой конструкции на территории контактов восточных славян с финно-уграми и исключает ее общедревнерусское распространение. В данной работе мы сознательно отвлекаемся от проблемы генезиса конструкции типа *вода нити* и ограничиваемся вопросом о её представленности на названной южнорусской территории (для рязанских говоров в принципе финно-угорские контакты возможны, поскольку эту территорию населяли финно-угорские (мещера или мордва) и балтийские племена, см. [Седов 1997: 79 и др.], однако для обоснования субстратного происхождения исследуемого оборота необходимо сопоставление с данными памятников другой диалектной локализации, что выходит за рамки задач настоящей работы).

² Здесь в знач. ‘ударить’.

³ Под сочетанием понимается конкретная лексическая реализация (наполнение) данной конструкции, например сочетание *пашня пахать*. Это сочетание, которое реально встретилось в конкретном тексте. Далее в работе сочетания делятся на повторяющиеся, т. е. неоднократно встречающиеся в текстах, и уникальные, т. е. встречающиеся редко или единично.

Обратим внимание также на менее известную работу С. И. Коткова [1978], в которой исследователь развивает мысль о том, что указанная конструкция в течение определенного периода истории русского языка функционировала на всей территории его распространения. С. И. Котков при этом ставит вопрос о связи данной конструкции с московской деловой письменностью и приходит к выводу, что «в XVII в. влиятельной, характерной чертой языка московских приказов исследуемая конструкция не являлась», потому что: 1) в московских текстах присутствует вариативность именительного/винительного падежей при независимом инфинитиве; 2) в материалах московской деловой письменности, опубликованных в издании «Московская деловая и бытовая письменность XVII в.», встретилось меньше примеров данной конструкции, чем в материалах южнорусских, представленных в «Памятниках южновеликорусского наречия. Отказные книги» [Там же: 33]. Таким образом, исследователь пришел к выводу, что конструкция типа *вода пити* не могла появиться в южнорусских документах под влиянием делового языка Москвы. Необходимо отметить, что вариативность в употреблении данной конструкции (И./В.) известна еще в самых ранних памятниках (например, в Смоленской грамоте 1229 г.), поэтому сам факт вариативности, судя по всему, не является информативным в отношении наличия конструкции в языке. Доказательство от «противного» (данная конструкция уже мало употреблялась в деловом языке Москвы, значит, в южнорусской письменности она «родная, а не пришедшая из Москвы») требует дальнейших уточнений и более тщательного обоснования⁴.

В. Б. Крысько также склоняется к мысли, что рассматриваемый оборот является общерусским, так как он встречается вплоть до XVIII в. в текстах, далеких от диалектного языка (например, в «Материалах для истории Академии Наук») [Крысько 1994: 195]. Действительно, вплоть до XVIII в. конструкция типа *вода пити*, судя по всему, использовалась в речи москвичей и не считалась ими диалектной, поэтому появление этой черты в «литературных» текстах вполне объяснимо [Попова 2017]. Для нас проблема заключается в том, что примеры в работе [Крысько 1994] приводятся из московской, казанской (Казанский летописец) и новгородской летописей и других неюжнорусских источников [Там же: 194–195], — таким образом, соответствующие примеры из южнорусских неделовых текстов в распоряжении исследователей отсутствуют.

⁴ Большинство опубликованных текстов в издании «Московская деловая и бытовая письменность XVII века» — челобитные и сказки, в которых, по нашим наблюдениям, встречаются преимущественно личные глаголы, модальные инфинитивы употребляются крайне редко. Например, челобитная состоит, как правило, из двух частей: 1) рассказ о событии, вызвавшем обращение, 2) просьба («пожалуй», «вели мне дать»). Таким образом, в этих грамотах нет необходимого контекста, благоприятного для появления конструкции типа *вода пити* (распоряжения, указания на то, как следует поступать).

Возникает вопрос: почему все примеры конструкции *вода питу* встретились в южнорусских деловых документах при отсутствии примеров из неделовых источников? Такое ограничение имеющегося материала вызывает следующий вопрос: не может ли данная конструкция быть устойчивым штампом делового языка?

Справедливо было бы полагать, что необходимо дальнейшее изучение проблемы диалектной локализации этой конструкции и представленности ее в южнорусской диалектной системе, поскольку имеющиеся данные в пользу наличия конструкции типа *вода питу* в южнорусских диалектах старорусской эпохи намного «слабее» по сравнению с данными из севернорусских, северо-западных областей и говора Москвы.

Так как круг южнорусских источников, в которых встречается рассматриваемая конструкция, ограничен деловой письменностью, обратимся сначала к современным диалектным данным. Объем таких данных, касающихся употребления конструкции типа *вода питу* в говорах южных регионов, крайне невелик. Диалектологи И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко отметили примеры конструкции, встретившиеся в материалах южнорусских говоров, и обратили внимание на неизученность данного явления для южнорусской территории. Заметим при этом, что приведенных исследователями примеров для отдельных населенных пунктов или районов тоже представлено очень мало [Кузьмина, Немченко 1964: 151–165].

С. И. Котков приводит также сведения из Картотеки Диалектологического атласа русского языка Института русского языка РАН, записанные в Рязанской области: Погорелка Пронского р. (580), Березово Шиловского р. (606), Мокрое Сасовского р.⁵ (636), Малый Сапожок Сапожковского р. (838). Исследователем отмечены 6 примеров данной конструкции при инфинитиве: *косить трава* (580), *рыба лавить* (606), *сеять мука* (636), *картошка рыть*, *картошка сажать* (838), а также 2 примера конструкции с именительным падежом объекта при личной форме глагола: *баня тапила* (838), *лавили рыба* (636) [Котков 1959]. По всей видимости, приведенные диалектные данные все-таки нельзя считать достаточными для надежных выводов о наличии конструкции *вода питу* в рязанском диалекте.

Таким образом, как мы видим, в неделовых памятниках письменности, созданных на юге великорусской территории, данная конструкция не отмечалась исследователями, диалектных южнорусских примеров конструкции зафиксировано мало, что представляет собой значительный контраст с

⁵ Автор этой работы ездил в указанный С. И. Котковым населенный пункт Рязанской области (д. Мокрое Сасовского р-на) в августе 2018 г. В этом населенном пункте и в некоторых других пунктах Сасовского района (в дд. Азееве, Сенине, Пчельнике, Игошине и др. близлежащих поселениях) фактически не осталось носителей диалекта — в настоящее время там проживают дачники, пожилое население говорит на литературном языке. Таким образом, сейчас невозможно получить большее количество диалектных примеров и подтвердить или опровергнуть наличие данной черты в указанном говоре.

северными областями, в которых конструкция до сих пор употребительна и возможно пополнение имеющихся диалектных данных (см. работы [Маркова 1985; Ронько 2017]); на южнорусской территории конструкция фиксируется главным образом в деловых источниках старорусской эпохи⁶. Возможно, это связано с отсутствием в распоряжении исследователей южнорусских памятников, свободных от делового формуляра, что помогло бы решить стоящие перед нами проблемы, однако пока вопрос о том, не является ли данная конструкция в южнорусских деловых текстах устойчивым штампом делового языка, не имеющим отношения к местной диалектной системе, остается актуальным.

Эта проблема уже была в поле зрения С. И. Коткова. Исследователь пытался разделить формульные и неформульные сочетания: «наряду с такими словосочетаниями, как “государева служба служить” (а может быть, и “пашня пахать”, “земля пахать”), в известной мере штампами приказного языка, в книгах обнаруживаем и другие выражения, которые едва ли правомерно трактовать как формулы, усвоенные из этого языка. Обращаем внимание на следующие: рыба ловить — лл. 451 об., 775 об., 818; усада (или “всада”) делить — ⟨...⟩; земля и сенняя покосы делить — ⟨...⟩» [Котков 1959: 50]. В работе не сформулированы критерии, по которым могли бы различаться штампы делового языка и возможные «живые» примеры употребления конструкции типа *вода питу*, однако С. И. Котков выделяет некоторые уникальные, т. е. не встречавшиеся в неюжнорусских источниках сочетания (*глина имать*, *свадьба играть* и некоторые другие), на основе чего он приходит к выводу, что исследованная языковая черта является в местной диалектной системе «живой» [Там же: 48, 50].

Таким образом, одна из проблем анализа употребления конструкции типа *вода питу* в деловых южнорусских текстах — выяснение, не является ли данная конструкция результатом ориентации на приказной язык Москвы. Необходимо проверить степень вероятности такой возможности и выяснить, в какой мере в южнорусских деловых памятниках данная конструкция представлена в свободном, неформульном употреблении. Предложим следующий путь решения обозначенной проблемы: все виды употреблений конструкции *вода питу* разделяются на два типа.

К первому типу отнесем такие случаи. Если какое-либо сочетание неоднократно встречается в деловых документах разных южных регионов, можно предположить, что данное сочетание является формульным, — его использование можно считать малоинформативным относительно употребления конструкции в том или ином конкретном регионе. Так, в статье С. И. Коткова сочетание *служба служить* встречается в примерах из Белгорода, Ельца, Новосиля, Острогожска [Там же]. Ср. также замечание

⁶ Известны примеры XV–XVII вв., приведенные в работах [Котков 1959; 1978]. Возможно, конструкция типа *вода питу* употреблялась за рамками обозначенного периода в деловой письменности юга, но этот вопрос требует отдельного исследования.

О. В. Блиновой о том, что на основе данной синтаксической конструкции могли образовываться формульные сочетания: «...фиксируем примечательный факт: стандартная адресная надпись формируется на основе определенной синтаксической конструкции, а именно конструкции *им.п.ед.ч. имени жен. рода на -а + независимый инфинитив*» [Блинова 2010: 65]. Таким образом, появление конструкции, по мнению исследовательницы, может быть обусловлено тем, что писцы приобретали «привычку» употреблять сочетание **ся грамотка** в И. п. (к такому выводу автор приходит на основании исследования употребления сочетания *отдать ся грамотка*, которое строится в большинстве случаев с конструкцией типа *вода пити*) [Там же].

В нашей работе подобные сочетания признаются непоказательными относительно употребления конструкции в «живом» языке, однако их фиксация также необходима для дальнейшего исследования и возможного уточнения выводов и предположений при привлечении большего объема материала. Такие примеры, как *пахня пахать*, *земля пахать*, *служба служить*, *рука приложить*, а также *рыба ловить*, *трава косить*⁷ будут учитываться в общей статистике, но на основании этих примеров нельзя делать вывод об использовании конструкции в живом языке той или иной южнорусской области. В ходе дальнейшего исследования, после описания материала документов других южнорусских областей, этот список «неговорящих» примеров может быть уточнен. На данный момент выделены самые очевидные случаи сочетаний, которые широко распространены в деловой письменности разных регионов и являются весьма вероятными примерами «формульного» употребления исследуемой конструкции.

Тем не менее не все случаи употребления конструкции типа *вода пити* можно признать формульными. Можно предположить, что сочетание является неформульным, если оно характерно только для документов одного региона или уникально. В таком случае, возможно, оно является отражением живого языка, так как справедливо полагать, что в таких случаях заимствование сочетаний из делового языка Москвы маловероятно. Надо заметить, что найти такие уникальные сочетания непросто, так как деловые документы затрагивают, как правило, однотипный круг тем. Полагаем, что самым весомым доказательством употребления конструкции типа *вода пити* в живом языке может быть использование в этой конструкции имен собственных в неформульном контексте (про имена собственные в формульном контексте см. ниже).

Приведем примеры, которые, судя по всему, могут отражать употребление конструкции типа *вода пити* в живом языке, так как называют конкретный уникальный объект — местное географическое название:

⁷ Примеры типа *рыба ловить*, *трава косить* встречаются в живых севернорусских диалектах, однако они присутствуют как в южных, так и в севернорусских документах.

- (1) ...и имь **та кузьмина вотчина** от поместных земель от пашень и от покосов и от лесов и ото всяких угодеи **отмежевати** (Послушная грамота от кн. Дмитрия Тимофеевича Трубецкого и Ивана Заруцкого) [СПИРК 2005, II: 305];
- (2) А **меча**⁸ нам **ведати** вообще (Докончание в. кн. Ивана Васильевича с кн. рязанским) [Там же, I: 249];
- (3) ...а **орда знати** мне великому князю... (Докончание в.кн. Василия Васильевича с кн. Серпуховским и боровским Василием Ярославичем) [Там же, I: 205].

Таким образом, на наш взгляд, имена собственные (типа *Меча*), называющие единичные топонимические объекты (типа *та Кузьмина вотчина*), уникальные сочетания, характерные для определенного региона (см. далее *нагодчина платить*), сочетания, нехарактерные для деловой письменности Москвы (типа *глина имать* [Котков 1959]), где и складывались устойчивые формулы приказного языка, могут свидетельствовать о том, что конструкция употребляется не только в формуляре делового языка, но и в речи жителей соответствующей области.

Памятники деловой письменности Рязани практически не анализировались С. И. Котковым — исследователь указал только на небольшое количество примеров, «рассеянных в рязанских текстах XVII в.: мне Игнатию земля на плотину копать; а кровля на погреб сделать бы легкая; шить ему Гришке рубашка; взять пшеница; рука приложить; работа работать; служба служить» [Там же]. Не все приведенные примеры для нас равнозначны. На наш взгляд, к неформульным примерам можно было бы отнести такие сочетания, как *кровля сделать, шить рубашка, взять пшеница*. К сожалению, в статье С. И. Коткова не указаны точные источники этих примеров.

В данной работе нами исследованы следующие памятники рязанского происхождения: «Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV–XVII вв.» (СПИРК), «Писцовые книги Рязанского края XVI в.» (ПКР), «Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край» (ПРП).

«Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV–XVII вв.»

Указанный сборник включает не только рязанские документы, но и московские по месту их написания. К исследованию привлекались только документы, написанные на рязанской территории.

В СПИРК, как и в курских отказных книгах, преобладает сочетание *пашня пахать*, однако отличие от исследованной С. И. Котковым курской отказной книги состоит в том, что зафиксировано меньшее количество при-

⁸ Меча — река, правый приток Дона.

меров конструкции типа *вода нити*; обращает также на себя внимание преимущественная препозиция существительного относительно инфинитива.

В исследованном источнике отмечены такие сочетания, как *пашня пахать*, *земля пахать*, *служба служить*, *рука приложить*, *исправа дати* (см. ниже таблицу 1), которые являются достаточно «стандартными» для делового языка, — они вполне могли быть формульными сочетаниями, воспроизводимыми в «готовом виде».

Как было сказано выше, рассматривались только грамоты, написанные местными писцами. Однако эти грамоты рязанских писцов можно разделить на два вида: вид I имеет в «шапке» повеление царя — местный писец отчитывается о действиях, произведенных в соответствии с этим повелением, вид II — договор между частными лицами (о продаже, покупке земель, о долгах и др.).

Н. С. Коткова показала, как устроены **грамоты вида I**: «...отписки воевод и другие ответы Москве начинались обычно старательным, часто слово в слово, повторением распоряжений из Москвы, а затем следовали ответы по каждому пункту распоряжений» [Коткова 1987: 132]. Таким образом, существует вероятность, что здесь данный оборот «заимствован» из делового языка Москвы, несмотря на то что документ написан местным писцом. Эта особенность рассматриваемых текстов еще раз показывает, с какой осторожностью надо подходить к анализу употребления конструкции типа *вода нити* в деловых памятниках.

Приведем некоторые примеры грамот вида I (с повелением царя в «шапке» грамоты):

- (4) *По государеву и великого князя ивана васильевича всеа русии наказу и па книгу рязанских писцов резанской писец степан иван гораздин колединской да подьячей васюк екимов отделили поместья... от старых помещиков и от вочеников **пашня похати** и хрестьяны владети... [СПИРК 2005, II: 91];*
- (5) *По государеве цареве и великого князя федора ивановича всеа русии грамоте и по выписи с книг никола зарайского городавой прикащик козарин кирилов отделил... И Крепкому Нефимонову тем своим поместьем крестьяны и всяким угодем владеть **пашня пахать**... и в истоках **рыба ловить** с чегоряны и с черьногорцы... а выпись писал никола зараскова земьской дьячок гриша еремеев сын петров [Там же, II: 126].*

В **грамотах вида II**, в «шапке» которых нет отсылок к Москве, примеры конструкции типа *вода нити* тоже по большей части стандартны. Такие сочетания, как *вотчина очищать*, *деревня ведати*, *отчина держати*⁹ и др.,

⁹ Надо сказать, что оценка этих сочетаний как стандартных произведена здесь на основе их употребительности в деловых текстах, однако пока без точной статистики, «на глаз», на основании того, что попадалось автору ранее в разных деловых документах.

являются распространенными в деловых грамотах и поэтому мало показательными в отношении употребления конструкции типа *вода пити*. Несмотря на то, что для нас эти примеры непоказательны, интересен сам факт их появления «под пером» местных рязанских писцов. Приведем некоторые такие примеры:

- (6) *Се аз резанец сава сергеев сын пелепелкин...* и в допросе сказать и **рука приложить**... А запись писал переяславля рязанского крепосных дел подъячеи савка обоносимов [Там же, II: 246];
- (7) *Се яз фетинья иванова ...* А за рость (так!) якову та наша **деревня ведати** со всем и **земля похати** и косити... А подписал великие княгини дьяк михайло мелентьев язвец¹⁰ (1501 г., докладная заемная закладная кабала рязанская Фетиньи Богдановой) [Там же, II: 317];
- (8) Господину осподарю моему великому князю витовтоу *се яз великий князь великий иван федорович рязаньски* добил есми челом... **А суд и исправа давати** ему мне о всех делех чисто... (Около 1430 г. Докончание великого князя рязанского Ивана Федоровича с великим князем литовским Витовтом) [Там же, I: 161] — самый ранний пример из рязанской грамоты, где встретила конструкция типа *вода пити*.

Приведем весь материал СПИРК в Таблице 1.

Надежных примеров свободного употребления конструкции типа *вода пити*, которые можно было бы отличить от возможных формул, встретилось мало. Приведем следующие случаи, которые кажутся наиболее «нетривиальными»:

- (9) *Се аз василей ненашев сын кондратьев* д[а]ю есми на себя запись ... и с тово пруда моим васильевым крестьянам **имать вода** ...

вых текстах. В дальнейшем мы надеемся обобщить статистику таких примеров из разных источников — соответственно, данные могут быть уточнены. На настоящий момент можно только привести некоторый ряд примеров подобных сочетаний из других источников, ср.: ...та **вотчина** своя **очищати**... (1588/89 г. — Купчая Ивана Васильевича Кобылина Грязному Андрееву сыну Ивашева на сд. Маслово Клинского у.); ...та **вотчина** половина селца беречина **очищати** (1578/79 г. — Купчая Василия Васильева с. Лагарева на проданную половину селца Беречина в Шуткине стану Юрьев-Польского уезда); ...та **деревня ведати** и **пашня покати**... (1554 г. мая 23 — Жалованная грамота ц. Ивана Васильевича арх-гу нижегородского Благовещенского м-ря Исайте); а **отчина** ми твоя **держати** подь тобою (1465 г. — Договорная грамота Ивана Васильевича с можайским кн. Михаилом Андреевичем) и др.

¹⁰ «Родоначальником Язвцевых был дьяк рязанского великого князя Михайло Мелентьев сын Язвец, упоминающийся в актах 1501–1519 гг. (АСЭИ. Т. III. № 361, 362, 368, 378, 379, 387), а в 1530-е годы рязанский судья (Памятники русской письменности. № 61). В середине XVI в. в Рязани жил Иван Федорович Язвцов. См.: С. Б. Веселовский. Ономастикон. М., 1974. С. 380» [Морозов 1988].

Таблица 1

Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV–XVII вв.

	Примеры	Кол-во	Том, страница
I			В «шапке» документа повеление царя:
	пашня пахать	12	I: 461, 478, 480; II: 14, 91, 126, 127, 128, 153, 161, 228, 351
	переложная пашня розпахати	1	II: 75
	служба служить	1	II: 154
	рыба ловить	1	II: 126
II			Нет отсылки к повелению царя:
	исправа давати	1	I: 161
	исправа держати	1	I: 162
	исправа дати	1	I: 162
	пашня пахать	1	II: 95
	имать вода	1	II: 95
	усада розписать	1	II: 95
	вотчина очищать	3	II: 103, 105, 411
	вотчина написать	1	II: 103
	пашня верстати	1	II: 196
	земля копать	1	II: 205
	земля похати	1	II: 317
	деревня ведати	1	II: 317
	рука приложить	1	II: 246
	лавка поставить	1	III: 434

а **усада**¹¹ мне василью со князь урусланом **розписать** у писцов... а подлинную запись писал Иванец Кондра[т]ьев сын земской дьячок Федякинской волости¹² лета 7000 сто четвертого году (Запись-обязательство Василия Ненашева сына Кондырева кн. Уруслану Иванову) [Там же, II: 95];

¹¹ Согласно «Словарю русских народных говоров», слово *усада* «усадьба» распространено на южнорусской территории (Калуж., Рязань) и немного восточнее (Свердл., Пенз.), большинство примеров с Рязанской территории, тогда как вариант *усад* (м. р.) имеет больший ареал распространения (Москва, северные и восточные территории) [СРНГ 2015: 34–35]. В рязанских грамотах слово *усада* повторяется многократно.

¹² Сейчас Федякино — село, административный центр сельского поселения Рыбновского района Рязанской области.

- (10) *Яз великий князь иван васильевич рязанский большия области третной* повелением божим приказал... да к тому ж храму дано место дворовое где **лавка поставить** на улицы волковой... писана в переяславле рязанском лета 6603 марта 7 (Указная грамота рязанского великого князя Ивана Васильевича Третного Большого о построении церкви Иоанна Златоуста в Переяславле-Рязанском) [Там же, III: 434].

Отметим, что в грамотах встречаются случаи варьирования И. и В. п. в одном и том же контексте (модальный инфинитив + сущ.), — это важный показатель употребления конструкции. В памятниках письменности постоянно отмечаются случаи варьирования И./В. падежей. В исследованных документах мало примеров употребления модального инфинитива с В. п. Приведем примеры вариативности, которые встретились во втором томе СПИРК, где мог бы использоваться И. п. при модальном инфинитиве, однако находим В. п.:

- (11) А **розделити** нам тое **спорную землю** меж себя... (1596/97 г. Миртовая запись-обязательство кн. Теребердея-мурзы Илышева...) [Там же, II: 77];
- (12) ...доход с крестья(н) имати и **пашню** на себя **пахати велети** а того поместья не опустошити... (1570 г. Грамота из родословной росписи князей Шиловских) [Там же, II: 423];
- (13) ...то его старинное поместье и **вотчину** ей вдове Полагее **дать**... (1634 г. Грамота из родословной росписи Щетининых) [Там же, II: 467].

Надежным подтверждением наличия конструкции в речи рязанцев, по всей видимости, могли бы быть неделовые источники, в которых отсутствовала формульность, либо наличие в деловых документах большего количества примеров «уникальных» (см. общие замечания) сочетаний конструкции типа *вода пити*.

«Писцовые книги Рязанского края XVI в.»

В ПКР встретилось немного примеров конструкции *вода пити*, но некоторые из них требуют особого внимания. В данном источнике значительно преобладает сочетание *государева служба служить* (которое, по замечанию С. И. Коткова, может являться штампом делового языка [Котков 1959]), а сочетание *пашня пахать* встретилось только один раз, что несколько нетипично для подобных источников.

В Таблице 2 представлен весь материал ПКР по конструкции типа *вода пити*.

В ПКР наше внимание привлекло такое уникальное сочетание, как *нагодчина платить*. По историческим данным *нагодчина* — термин, распро-

Таблица 2

Писцовые книги Рязанского края XVI в.

Примеры	Кол-во	Страница
служба служить	18	274, 305, 378, 385, 385, 388, 389, 390, 390, 391, 395, 398, 402, 403, 403, 406, 407, 410
пашня пахати	1	286
сестра кормить	1	385
мать своя кормить	1	403
нагодчина платить	1	422
давати полтина	2	422, 422
давати гривна	1	423

страненный только в рязанском регионе: «Среди различных форм условного землевладения в средневековой Руси особое место занимает рязанский феномен нагодчины... При ближайшем рассмотрении нагодчина предстает совершенно особым, оригинальным типом условного землевладения, распространенным на исторической карте Рязанского княжества» [Антонов 1998: 109]. Таким образом, невозможно предполагать влияние московского делового языка в следующем примере:

- (14) ...а **нагодчина** имь **платить** по книгамъ двутретныхъ писцовъ... (1553 г. июля 16. Выпись на земельные владения Богословского монастыря... из писцовых книг письма рязанских двутретных писцов князя Федора Семеновича Мезецкого да Третьяка Михайловича Дубровина с товарищами) [ПКР 1997: 422; СПИРК 2005, III: 334].

Данный термин редко встречается в И. п. и не входит в конструкцию типа *вода питу*, тогда как указанная мера оплаты входит:

- (15) ...а нагодчины имь **давати** на годъ **полтина** [ПКР 1997: 422];
 (16) ...а нагодчины имь **давати** на годъ пол **полтина** [Там же];
 (17) ...а нагодчины имь **давати** на годъ **гривна** [Там же: 423].

Заметим, однако, что употребление названий денежных единиц в примерах (15)–(17) все-таки не может считаться вполне надежным подтверждением употребления конструкции типа *вода питу* в местном диалекте, поскольку эти наименования всегда широко использовались в данной конструкции, т. е. тоже могли быть связаны с традицией¹³.

¹³ Так, 14 примеров сочетания *давати полтина* встретились в сотной из писцовых книг кн. Бориса Петровича Засекина на Кодимскую волость Важского уезда XVI в.: А за наместнич доход **давати** им оброку **полтина** [Васильев 1970: 388–397]. В том же документе встретились два сочетания *давати гривна*: А оброку им за то сено **давати гривна** [Там же: 395].

Таблица 3

Имена собственные в конструкции типа *вода пити* (материал ПКР)

Примеры	Страница
мать своя вдова полагаѣя кормити	305
сестра своя дѣвка овдотьица выдати	305
мать своя агафѣя кормити	385
мать своя вдова настасѣя кормити	390
мать своя вдова федосья кормити	391
бабка своя вдова федосья и мать своя вдова анна кормити	398
мать своя вдова олена кормити	406

Остановимся далее на тех примерах, которые имеют особую значимость для нашей работы, — это случаи употребления в конструкции *вода пити* имен собственных.

Приведенные конструкции встретились в приправочных книгах Пронска и Рязани «по письму и мере Третьяка Григорьевича Вельяминова»¹⁴ с товарищами» за 1596–1598 гг. По всей видимости, информация об этих писцах позволила бы делать более надежные и точные выводы относительно атрибуции данных примеров с собственными именами, но ее обнаружить не удалось. Приведем примеры конструкции *вода пити* с именами собственными полностью — в соответствующих контекстах:

- (18) ...а федка как будет 15 л. ему с того отца своего помѣстья государева служба служити и **мать своя вдова полагаѣя кормити** до еѣ живота и **сестра своя дѣвка овдотьица** вскормивъ замужъ **выдати** [ПКР 1997: 305];

¹⁴ «По государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии наказу **резанский писец Третьяк Григорьевич Вельяминов** с товарищи дали выпись с книг писма своего...» (1595 г. декабря 4 — Писцовая выпись Третьяка Григорьевича Вельяминова) [СПИРК 2005, II: 153]. Третьяк Вельяминов упоминается в грамотах с 1595 по 1599 г. Информации о нем крайне мало, во всех грамотах содержится одинаковая номинация: «писец». Возможно, следующая грамота может быть тоже связана с Третьяком Вельяминовым, хотя это только предварительное предположение (1606/07 г., — Вв. гр. Василию Гаврилову сыну Таптыкова на поместье отца (Гаврилы Иванова сына) и **бывшее поместье Третьяка Григорьева сына Вельяминова** жеребий д. Выкопань на рч. Выкопани в Каменском ст., жеребий с. Мотыри на рч. Мотырке в Перевицком ст., жеребий с. Микуличи в Окологородном ст. и жеребий пуст. Хихово Бахметево в Пониском ст. Рязанского у.) [Там же, I: 35].

Проблема еще заключается в том, что в книгах не упомянуты никакие другие имена писцов, поэтому неизвестно, где мог «руку приложить» Третьяк Григорьевич, а где — его «товарищи».

- (19) ...а как фетка и матюшка будутъ въ 15 лѣтъ и имь съ того отца своего помѣстья государева служба служити и **мать своя агафья кормити** до еѣ живота [Там же: 385];
- (20) ...и как будетъ гришка въ 15 лѣтъ ему с того отца своего помѣстья государева служба служити и **мать своя вдова настасья кормити** до еѣ живота [Там же: 390];
- (21) ...а по памяти за приписью дьяка ивана ефанова велѣно с того помѣстья безсонку да михалку государева служба служити и **мать своя вдова федосья кормити** до еѣ живота [Там же: 391];
- (22) ...а ивану с того помѣстья государева служба служити и **бабка своя вдова федосья и мать своя вдова анна кормити** до ихъ живота [Там же: 398];
- (23) ...и как будутъ гришка да ивашка въ 15 л имь с того отца своего помѣстья государева служба служити и **мать своя вдова олена кормити** до еѣ живота [Там же: 406].

Вполне вероятно, что данное сочетание может быть формульным, — из-за повторяемости, устойчивости контекста и того, что подобные примеры встречаются в деловых грамотах и других регионах, ср.:

- (24) ...а ему с того поместья наша служба служити и **теща своя вдова лукерья** до ее живота **кормити** (1605, мая 3 — Грамота царицы Марии Григорьевны и царя Федора Борисовича в Великий Новгород воеводе кн. В. И. Буйносову-Ростовскому...) [Селин 2008: 25];
- (25) ...а мне холопу твоему с того поместья твоя государева служба служити и **патчерица своя марья** до замужества **кормити** и замуж выдати (ЦГАДА, ф. Поместный приказ, Псков, ст. № 43295, л. 36 и об.);
- (26) ...имь съ того отца своего поместья государева служба служити и **мать своя вдова пелагея кормити** до ее живота (1613–1621 гг., 16 апреля. Отдельные книги поместья Ивана Большого, Арзамасский уезд) [СВМГ 1915: 490]¹⁵.

Тем не менее необходимо отметить, что в целом употребление конструкции типа *вода пити* в подобных контекстах встречается редко.

По мнению С. И. Коткова, сочетания с именительным падежом объекта в подобных контекстах не являются штампом делового языка: «...отметим выражения, в которых видеть формулы приказного языка абсолютно невозможно. Приводя подобные словосочетания, считаем небесполезным упоминать и о писцах и о времени написания¹⁶. И ему Исаю... племянница

¹⁵ Употребление конструкции типа *вода пити* с именами собственными встречаются не только в рязанских или южнорусских памятниках — ср. также в московских, см. [Попова 2017].

¹⁶ С. И. Котков считает, что в XVII в. конструкция типа *вода пити* была нехарактерной для делового языка Москвы, см. «Общие замечания».

своя девка Дарица кормит и поит и замуж ее выдот, 1632 (губной диячок Наумка Кобатов)...» [Котков 1959]. Тем не менее для надежного подтверждения неформальности подобных примеров, на наш взгляд, необходимы дополнительные доказательства. Обратим в связи с этим внимание на то, что в СПИРК имеется целый ряд грамот, написанных в Москве и адресованных в Рязань, в которых в указанном контексте преобладает В. п. существительного; приведем некоторые из них:

- (27) ... им с того ж отца своего поместья наша служба служить и **мать свою вдову онтонида** до ее живота и **сестру свою девку оксиньницу** и что их мать родит **кормити** и вскормив **сестру** замуж **выдати**... писан на москве 7114-го февраля в 4 день [СПИРК 2005, II: 87];
- (28) ... ему с того отца своего поместья наша служба служить и **мать свою вдову княгиню овдотью** и сест(р) **кормити**... писан на москве [Там же, II: 97];
- (29) ... а ему с того поместья служба служить и **сестру свою девку федосьицу кормити**... с того отца своего поместья наша служба служить и **мать свою вдову марью** до ее живота **кормити**... писан на москве [Там же, II: 171].

В СПИРК встречаются и примеры с винительным падежом объекта при инфинитиве в том же самом контексте: [СПИРК, I: 387, 440, 453, 568, 590, 593; СПИРК, II: 17, 111, 145, 173 (2×), 313, 370].

Приведем единственный московский пример, в котором встретился Им. п. существительного в данном контексте:

- (30) ...ему с того отца своего поместья наша служба служить и **мать своя вдова пологей** да ея живота **кормити**... писана на москве лета 7118-го году марта в 19 день [Там же, II: 364].

Судя по всему, нет оснований считать употребление конструкции типа *вода питу* в подобных контекстах формулами, заимствованными из деловой письменности Москвы, так как в исследованных грамотах, написанных в Москве и адресованных в Рязань, имена собственные в указанной конструкции в И. п. встречаются редко. Обратим также внимание на то, что в вышеприведенных однотипных контекстах встречается совершенно разное лексическое наполнение конструкции: помимо слов *мать* и *вдова*, фиксируются термины родства женского рода *сестра*, *бабка*, *теща*, *падчерица*, *племянница*. Именно в рязанских грамотах встретились сочетания *мать* (+ *вдова*), *сестра* (+ *девка*), *бабка* (+ *вдова*) *кормити*.

В некоторых примерах из рязанских документов обнаруживается вариативность И./В. падежей, ср. в пределах одного контекста:

- (31) ... а ему стога поместья государева служба служить и вотчима своего михаила и **мать свою богдану кормити** до ихъ живота и сестръ своихъ дѣвокъ акулиницу да марфицу вскормивъ замужъ выдать [Там же, II: 274];

- (32) ... а ивану съ того отца своего помѣстья государева служба служити и **мать свою вдову овдотью кормити** до еѣ живота [Там же, II: 388].

Появление окончания -у в примере (1) *свою вдову богдану*, по всей вероятности, можно объяснить тем, что до этого называется отчим, имя которого стоит в В. п. В примере (2) *свою вдову овдотью* нет оснований предполагать, что появление окончания -у обусловлено какими-то факторами, связанными с контекстом.

Следующие примеры (3) и (4) содержат имена основы на -а, которые называют лиц мужского пола. Возможно, наличие слов *свой, брат* сыграло свою роль в том, что данные слова не вошли в конструкцию типа *вода пити*, — отметим в связи с этим, что до сих пор в данной конструкции существительные с основами на -а мужского рода нам не встречались:

- (33) ... велѣно миткѣ левонову съ того дяди своего помѣстья служба служити и **дядю своего кормити** до его живота [ПКР 1997: 378];
 (34) ... а брата его замятня слѣпъ и ему с того помѣстья съ сельца храпова государева служба служити и **брата своего замятню кормити** до живота его [Там же: 395].

Таким образом, по всей вероятности, нельзя считать данные примеры только штампами делового языка, так как присутствует вариативность, что характерно для конструкции *вода пити* во многих новгородских, московских, северных памятниках письменности (см., например, вариативность в «Домострое» [Попова 2017]). Значит, имена собственные в исследуемой конструкции возможны — весьма показательный факт для характеристики ее грамматической специфики.

Действительно, в ПКР встретились «уникальные» сочетания, которые были нам необходимы для подтверждения предположения о живом употреблении конструкции типа *вода пити* в рязанском регионе. Хотя количество зафиксированных надежных примеров все-таки невелико, причем целый ряд из них отмечен в однотипном контексте, важно отметить, что местная традиция делового языка в отношении употребления конструкции *вода пити* не всегда совпадает с московской, что может быть свидетельством в пользу наличия конструкции в диалектной системе.

«Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край»

Хронологический период грамот в этой публикации С. И. Коткова — XV–XVI вв. Как и в описанных выше источниках, исследовались только те документы, которые могут быть надежно атрибутированы местным рязанским писцам. Соответственно, некоторые грамоты не учитывались,

а именно грамота № 44¹⁷, а также дарственные Троице-Сергиеву монастырю: №№ 29 (*кормля корми(т)*), 32 (*та вотчина очищати*), 35 (*та вотчина очищати*), 36 (*та вотчина очищати*), 39 (*та вотчина очищати*), 42 (*та вотчина очищати*), 81 (*та своя вотчина очищати*), 82 (*та закладная мужа моего вотчина очищати*). Хотя в указанных грамотах встретились примеры конструкции типа *вода пѣти*, есть основание предполагать, что эти тексты могли быть написаны неместными писцами, поэтому они были исключены из рассмотрения¹⁸.

В сборник вошли также деловые документы Коломны и Коломенского уезда, что расширило круг доступных для исследования грамот изучаемой диалектной зоны. Коломенские документы отмечены в таблице пометой К.

Таблица 4

Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край

Примеры	Кол-во	Страница
ведать вотчина	1	10
вотчина держати	1	12
знати моя дань	1	15
прибавка платити	1	75 — К
пашня пахати	1	75 — К
трава косити	1	75 — К
учинити цена	1	86 — К
земля отвести	1	88 — К
вотчина очищать	3	108 — К, 109, 111.
вотчина написать	1	109
деревня очищати	1	110 — К
вотчина пахати	1	113

¹⁷ Грамота № 44 — Рязская десятина детей боярских верстанья боярина князя Ивана Юрьевича Булгакова и дьяка **Дея Губастого**. В данной грамоте встретилось около 80-ти примеров сочетания *служба служити*. Вызывает сомнение, что эта грамота написана местными рязанскими писцами, — например, в числе лиц, руководивших строительством в Астрахани приблизительно в том же промежутке времени, назван дьяк **Дей Губастый** (см. Царский наказ Астраханским воеводам 1591 г. [АИ 1841: 436]). Возможно, это один и тот же человек, поэтому примеры конструкции типа *вода пѣти* в данной грамоте не учитывались.

¹⁸ Например, в грамоте № 82 указано, что писец неместный: «А даную грамоту писал подачеи помѣстног приказу Замятница Третаков снѣ Гавренев» [ПРП 1979: 116]. О писцах остальных грамот ничего не известно, тем не менее дарственные Троице-Сергиеву монастырю в общую таблицу не включены, так как велика вероятность, что они были написаны в Поместном приказе в Москве.

Приведем некоторые примеры из грамот. Самые ранние из всех указанных примеров употребления конструкции типа *вода пѣти* встретились в «княжеских» грамотах:

- (35) ...зъ братаю. **веда(т) та вотчина** по старине сами(м)... (1483–1501 гг. Жалованная грамота великой княгини рязанской Анны игумену Солотчинского монастыря Арсению...) [ПРП 1979: 10];
- (36) А **о(т)чина** ти гнѣ **моа держати** по(до) мною и блюсти... а **знати** вл(д)чни(м) людемъ **моа да(н)** и я(м)... А писано в переславли (1483–1501 гг. Договорная грамота рязанского князя Федора Васильевича со своим братом великим князем рязанским Иваном Васильевичем [Там же: 12, 15].

Интересно, что в ПРП сочетание *пашня пахать* встретилось только один раз, хотя обычно частотность этого сочетания превышает частотность остальных.

- (37) *Се яз Анофрей Степанов снѣ Лашинской*. занял... и **пашня** крестьяно(м) на Василя **пахати** и повозы возити... (1584–1585 гг. Заемная кабала на 185 рублей, взятых в долг Анофрием Степановым... за вотчину свою деревню Полубояриново в Коломенском уезде) [Там же: 75];
- (38) Переславль Резанской... *Се яз Василей Иванов снѣ Коровин* свои(м) сыно(м) з гаврило(м) заняли есмя... и петру **та нѣша вотчина приданая** на тѣ денги за ростъ **пахати**... (1564–1565 гг. Закладная кабала на сельцо Городище, данная Васильем Ивановым...) [Там же: 113].

Таким образом, как мы видим, в ПРП встретились различные примеры конструкции типа *вода пѣти*. Маловероятно, что все приведенные случаи употребления этой конструкции существовали в рассмотренных документах только как формулы делового языка (ср., например, *прибавка платити, учинити цена, земля отвести, вотчина написать*)¹⁹, тем более что все они встречаются в рязанских текстах достаточно редко, — в случае их формульности можно было бы ожидать их большей частотности.

¹⁹ Относительно примеров конструкции с зависимым инфинитивом существуют также разные точки зрения: 1) такие структуры вторичны по отношению к конструкции типа *вода пѣти* и свидетельствуют о ее разрушении (см. [Борковский 1949: 341, 350 и др.]); 2) примеры свидетельствуют не о разрушении, а о расширении конструкции и могут рассматриваться как доказательство её наличия в живом языке [Кузьмина, Немченко 1964]).

Он **вели(т)** на нем **взяти** таможником **таможня** два рубля... (Договорная грамота рязанского князя Федора Васильевича со своим братом великим князем рязанским Иваном Васильевичем) [ПРП 1979: 14].

Итоги

Несомненный вывод проведенного исследования заключается в том, что конструкция типа *вода пити* вполне регулярно встречается в рязанских деловых памятниках XV–XVII вв.

По имеющимся данным есть основания предполагать, что конструкция типа *вода пити* могла быть представлена в живом употреблении на рязанской территории. Аргументы в пользу этого предположения следующие.

1) Свобода лексического наполнения сочетаний. В исследованном материале рязанских документов встретилось 29 разных сочетаний, которые трудно считать штампами делового языка, так как большинство из них (помимо *пашня пахать*, *служба служить*, *вотчина очищати/держати*) встретились единично.

2) Уникальные примеры. Сомнительна ситуация, при которой примеры типа *нагодчина платити* и имена собственные в писцовой книге Рязани, нехарактерные для деловой переписки Москвы с Рязанью, могли бы быть заимствованы как штампы делового языка из московских документов.

С другой стороны, перечислим факторы, уменьшающие надежность аргументов наличия конструкции типа *вода пити* в живом употреблении на рязанской территории.

3) Относительно небольшое количество примеров.

4) Недостаточность сведений о писцах, о некоторых из них неизвестно ничего, кроме имени.

Сопоставив «весомость» тех и других аргументов («за» и «против»), мы видим, что аргументы (1–2) не могут быть опровергнуты аргументами (3–4): свобода лексического наполнения конструкции и уникальные примеры с местными географическими названиями и другими характерными именно для Рязанской области именами никак не могут быть обусловлены сравнительно небольшим общим количеством примеров рассматриваемой конструкции в рязанских документах; недостаточность сведений о писцах (остающаяся вероятность, что не все они местного происхождения) тоже принципиально не опровергает аргументы «за». Таким образом, есть основание предполагать, что конструкция типа *вода пити* присутствовала если не на всей, то хотя бы на какой-то части рязанской территории.

Для дальнейшего развития этого исследования необходимо изучение материалов деловой письменности нескольких южных регионов с точки зрения представленности в них конструкции типа *вода пити*. Полученные данные могут быть сопоставлены между собой, а результаты этого сопоставления можно будет сравнить с данными по употреблению конструкции *вода пити* в московских и в северных деловых документах, т. е. с данными памятников тех регионов, для которых она несомненно была (и для многих остается) живой языковой чертой. Выявление особенностей употребления этой конструкции в южнорусских источниках — с точки зрения лексиче-

ского наполнения и др. — может помочь в решении проблемы её диалектного распространения (или исконно общерусского характера) в истории русского языка.

Источники

АИ 1841 — Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1841.

АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.: [В 3 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т истории; [отв. ред. Б. Д. Греков]. М., 1952–1964.

ПКР 1997 — Писцовые книги Рязанского края XVI века. Т. 1. Вып. 1–2 / Подгот. А. И. Цепков. Рязань, 1997.

ПРП 1979 — Памятникам русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край. М., 1979.

СВМГ — Смутное время Московского государства. Вып. 4. М., 1915.

СПИРК 2005 — Свод письменных источников по истории рязанского края XIV—XVII веков. Т. 1–4 / Подгот. А. И. Цепков. Рязань, 2005.

СРНГ 2015 — Словарь русских народных говоров Вып. 48. Уроса — Ушибь. СПб., 2015.

Литература

Антонов 1998 — А. В. Антонов. Из истории нагодчины в рязанской земле // Историко-археографические исследования: Россия XV — начала XVII века. М., 2013. С. 109–119.

Блинова 2010 — О. В. Блинова. Деформация средств выражения грамматической связности как следствие воспроизводимости текста: на материале грамоток XVI—XVII вв. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2010.

Борковский 1949 — В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение). Львов, 1949.

Васильев 1970 — Ю. С. Васильев. Кодимская волость Важского уезда в XVI в. // Материалы по истории европейского севера СССР. Северный археографический сборник, Вып. I. Вологда, 1970. С. 381–397.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

Зимин 1950 — А. А. Зимин. Тысячная книга 1550 г. и Дворцовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950.

Котков 1959 — С. И. Котков. Конструкции типа «земля пахать» в истории южновеликорусских говоров // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. Т. XVIII. 1959. С. 45–53.

Котков 1978 — С. И. Котков. Конструкции типа «земля пахать» в свете южновеликорусских данных XVII в. // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978. С. 30–37.

Коткова 1987 — Н. С. Коткова. Выявление московских лексических норм XVII в. путем сравнения с периферийными данными // История русского языка и лингвистическое источниковедение. М., 1987. С. 131–142.

Крысько 1994 — В. Б. Крысько. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.

Кузьмина, Немченко 1964 — И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. К вопросу о конструкциях с формой именительного падежа имени при переходных глаголах и при предикативных наречиях в русских говорах // Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964. С. 151–165.

Ломтев 1956 — Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.

Маркова 1985 — Н. В. Маркова. Именительный падеж прямого объекта в онежских говорах // История русского языка: Лексика. Язык художественной литературы. М., 1985. С. 74–87.

Морозов 1988 — Б. Н. Морозов. Грамоты XIV–XVI вв. из копийной книги Рязанского архиерейского дома // Археографический ежегодник за 1987 год. М., 1988. С. 298–309.

Попов 2012 — А. В. Попов. Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного падежей в санскрите, древнегреческом, латинском и других языках. М., 2012.

Попова 2017 — А. В. Попова. Конструкция типа *вода пими* по данным московских памятников XVI — нач. XVIII вв. // Русский язык в научном освещении. 2017. № 1 (33). С. 251–264.

Потебня 1888 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. II. Харьков, 1888.

Ронько 2016 — Р. В. Ронько. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в инфинитивных клаузах в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. 2016. № 1 (31). С. 158–181.

Ронько 2017 — Р. В. Ронько. *Надо корова доить!* Номинативный объект в севернорусских диалектах // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН/Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. XIII. Ч. 3. СПб., 2017. С. 244–268.

Седов 1997 — В. В. Седов. Контакты балтов с финноязычными племенами в эпоху раннего железа // Балто-славянские исследования 1988–1996 / Отв. ред. В. В. Иванов. М., 1997. С. 73–80.

Селин 2008 — А. А. Селин. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008.

Соболевский 1907 — А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907.

Степанов 1984 — Ю. С. Степанов. Оборот *земля пахать* и его индоевропейские параллели // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 43. № 2. 1984. С. 128–143.

Филин 1972 — Ф. П. Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972.

Timberlake 1974 — A. Timberlake. The Nominative Object in Slavic, Baltic, and West Finnic. Munich, 1974.

Anna V. Popova

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)
anja.p-va@yandex.ru

CONSTRUCTION OF THE TYPE *VODA PITI* (INF. + NOM.) IN THE 15th–17th CENTURY RYAZAN BUSINESS WRITING

The article deals with the problem of localization of the construction of the type *voda piti* (inf. + Nom.) in the South Russian territory. 15th—17th century Ryazan documents of business writing are analyzed with special attention to the frequency of use of the construction in question and to examples containing proper names and dialect words. Conditions for the use of the construction in business texts are also considered and attention is drawn to its possible use as a business cliché. On the basis of the analyzed material, it can be concluded that in the period under consideration the construction was in use at least in some part of the Ryazan territory.

Keywords: construction *voda piti*, 15th—17th century Ryazan documents of business writing, semantics, reference, animacy.

References

- Antonov, A. V. (2013). *Istoriko-arkheograficheskie issledovaniya: Rossiya XV — nachala XVII veka*. Moscow: Drevlekhranilishche.
- Blinova, O. V. (2010). *Deformatsiya sredstv vyrazheniya grammaticheskoy svyaznosti kak sledstvie vosproizvodimosti teksta: na materiale gramotok XVI—XVII vv.* (doctoral dissertation). St. Petersburg.
- Borkovskiy, V. I. (1949). *Sintaksis drevnerusskikh gramot (prostoe predlozhenie)*. Lvov: Izd-vo Lvovskok un-ta.
- Filin, F. P. (1972). *Proiskhozhdenie russkogo, ukrainskogo i belorusskogo yazykov. Istorikodialektologicheskoy ocherk*. Leningrad: Nauka.
- Kotkov, S. I. (1959). Konstruktsii tipa «zemlya pakhat'» v istorii yuzhnovelikorusskikh govorov. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*, 38, 45–53.
- Kotkov, S. I. (1978). Konstruktsii tipa «zemlya pakhat'» v svete yuzhnovelikorusskikh dannyykh XVII v. In G. V. Belozertsev, & V. V. Ivanov (Ed.), *Vostochnoslavlyanskoe i obshchee yazykoznanie* (pp. 45–53). Moscow: Nauka.
- Kotkova, N. S. (1987). Vyyavlenie moskovskikh leksicheskikh norm XVII v. putem sravneniya s periferiynymi dannymi. In V. V. Ivanov (Ed.), *Istoriya russkogo yazyka i lingvisticheskoe istochnikovedenie* (pp. 131–142). Moscow: Nauka.
- Krysko, V. B. (1994). *Razvitie kategorii odushevlenosti v istorii russkogo yazyka*. Moscow: Lyceum.
- Kuzmina, I. B., & Nemchenko, E. V. (1964). K voprosu o konstruktsiyakh s formoy imenitel'nogo padezha imeni pri perekhodnykh glagolakh i pri predikativnykh narechiyakh v russkikh govorakh. In R. I. Vanasov (Ed.), *Voprosy dialektologii vostochnoslavlyanskikh yazykov* (pp. 151–165). Moscow: Nauka.
- Lomtev, T. P. (1956). *Ocherki po istoricheskomu sintaksisu russkogo yazyka*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

Markova, N. V. (1985). Imenitel'nyy padezh pryamogo ob'ekta v onezhskikh govorakh. In *Istoriya russkogo yazyka: Leksika. Yazyk khudozhestvennoy literatury* (pp. 74–87). Moscow.

Morozov, B. N. (1988). Gramoty XIV–XVI vv. iz kopiynoy knigi Ryazanskogo arkhieyreyskogo doma. In S. O. Schmidt (Ed.), *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1987 god* (pp. 298–309). Moscow: Nauka.

Popov, A. V. (2012). *Sravnitel'nyy sintaksis imenitel'nogo, zvatel'nogo i vinitel'nogo padezhey v sanskrite, drevnegrecheskom, latinskom i drugikh yazykakh*. Moscow: Librokom.

Popova, A. V. (2017). Konstruktsiya tipa voda piti po dannym moskovskikh pamyatnikov XVI – nach. XVIII vv. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 251–264.

Ronko, R. V. (2016). Differentsirovannoe markirovanie pryamogo dopolneniya v infinitivnykh klauzakh v drevnerusskom yazyke. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 158–181.

Ronko, R. V. (2017). Nado korova doit! Nominativnyy ob'ekt v severnorusskikh dialektakh. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, 13(3), 244–268.

Sedov, V. V. (1997). Kontakty baltov s finnoyazychnymi plemenami v epokhu rannego zheleza. In T. M. Sudnik, & E. A. Khelimsky (Ed.), *Balto-slavyanskije issledovaniya 1988–1996* (pp. 73–80). Moscow: Indrik.

Selin, A. A. (2008). *Novgorodskoe obshchestvo v epokhu Smuty*. St. Petersburg: BLITS.

Sobolevskiy, A. I. (1907). *Leksii po istorii russkogo yazyka* (4th ed.). Moscow.

Stepanov, Yu. S. (1984). Oborot zemlya pakhat' i ego indoevropeyskie paralleli. *Izvestia AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 43(2), 128–143.

Timberlake, A. (1974). *The nominative object in Slavic, Baltic, and West Finnic*. Munich: Otto Sagner.

Vasilyev, Yu. S. (1970). Kodimskaya volost' Vazhskogo uezda v XVI v. *Materialy po istorii evropeyskogo severa SSSR. Severnyy arkheograficheskiy sbornik* (Issue, pp. 381–397). Vologda.

Zaliznyak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskiy dialect* (2nd ed.). Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury.

Zimin, A. A. (1950). *Tsyyachnaya kniga 1550 g. i Dvortsovaya tetrad' 50-kh godov XVI v.* Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR.

Received on February 15, 2019

Н. В. НИКОЛЕНКОВА

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
natanik2004@mail.ru

СПРАВА КИЕВСКОГО ИЗДАНИЯ В МОСКВЕ В СЕРЕДИНЕ XVII в. КАК ИЛЛЮСТРАЦИЯ ЭТАПА ФОРМИРОВАНИЯ МОСКОВСКОЙ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ НОРМЫ

В работе рассматривается эпизод из истории формирования орфографической нормы конца 50-х гг. XVII в., когда в печатных изданиях продолжают идти процессы систематизации правописания по канонам, заданным московской грамматикой 1648 г., тогда как писцы, не связанные с деятельностью Печатного двора, применять новые принципы уметь не полностью. В центре внимания находится киевское издание 1628 г., переписанное, а потом и переизданное в Москве, — между рукописной и печатной копиями прошло два года. Сопоставление демонстрирует как различия в орфографических установках московских книжников и киевских, так и определенные расхождения в точности соблюдения рекомендаций московской грамматики. Нами рассмотрены четыре позиции, в которых наиболее ярко проявились данные различия именно в работе над созданием копии киевского издания.

Ключевые слова: церковнославянский язык XVII в., орфографические нормы, московская грамматика.

Использование книг «литовской» печати, запрещенных при патриархе Филарете [Карташов 1991: 99–102; Булычев 2004], активизируется в Москве с 1640-х гг. Переиздаются югозападнорусские книги: «Кириллова книга» (1644 г.), грамматика Смотрицкого (1648 г.), «Книга о вере» (1648 г.), Краткий Катехизис Петра Могилы (опубликован в 1649 г. в сборнике «Собрание краткия науки об артикулах веры»); в Кормчую книгу, изданную в Москве в 1650 г., включается статья «о тайне супружества», взятая из Требника Петра Могилы 1646 г. [Успенский 2002: 419]. «Югозападнорусские книги начинают играть определенную роль в книжной справе. Так, в послесловии к Учительному Евангелию 1652 г. справщики отмечают, что они пользовались для “свидетелствования и справления” и книгой острожской печати. Это предвосхищает широкое обращение к югозападнорусским книгам в процессе никоновской и послениконовской справы» [Там же].

При изучении книжной справы XVII в. на уровне языка особое внимание традиционно уделялось орфографии. В первую очередь это касалось московского издания грамматики 1648 г. (далее — ГМ), рекомендации которой были «московскими справщиками приведены (...) в соответствие с

великорусской нормой церковнославянского языка» [Там же: 413]; характер изменений, внесенных в орфографические каноны в сопоставлении с югозападнорусским изданием 1619 г., полностью исследован и описан в работах Е. А. Кузьминовой [2007; 2012: 144–191]. Изучение книгопечатания периода 1630–1640-х гг. показало, что книгоиздательская деятельность московского Печатного двора приводила к постепенному формированию орфографических норм, отличающих московскую редакцию церковнославянского языка XVII в. от югозападнорусской редакции [Кусмауль 2018: 103–105]; при этом наблюдается разная скорость проникновения отдельных орфографических явлений в печатные книги [Там же: 313], например постепенно систематизируется принцип антистиха. Орфографическое оформление текста в XVII в. является одним из проявлений отталкивания книжной нормы от разговорного языка [Живов 2017: 845–847].

Привлечение рукописных источников того же периода демонстрирует, что в них отражаются те же орфографические процессы, что и в печатных книгах. Рефлексия московских книжников над этими процессами была реализована в рукописных грамматических руководствах [Запольская 2010; Кузьминова 2012: 39–110]. Особый интерес представляют комплекты рукописей, в которых черновые варианты создаются киевскими книжниками, работающими в Москве, тогда как «беловики» переписываются московскими писцами, при этом орфографическая правка оказывается единственной новацией, вносимой в эти тексты (скажем, три первых тома перевода Атласа Блау переписаны набело именно московскими книжниками, работа над текстами идет в начале 1650-х гг. [Николенкова 2016]).

Об устойчивости именно орфографической справки говорит и работа книжников конца 1650-х — 1660-х гг. Более ранние киевские издания, попадая в Москву, переиздаются и переписываются без текстологической правки, но с обязательным изменением орфографических норм. Направление этой справки можно показать на материале двух московских копий киевского издания небольшого памятника — «Царю Юстиниану... главизны поучительны» дьякона Агапита [Киев 1628], причем одна из них рукописная, другая — печатная.

«Поучение» Агапита¹ — памятник византийской политической мысли, составленный между 527 и 548 гг. и обращенный к императору Юстиниану. Исследователи считают, что полный славянский перевод Агапита появился на Балканах: «...он был выполнен в Болгарии при царе Симеоне или — менее вероятно — его наследнике Петре», то есть входит в число преславских переводов² [Буланин 1989: 301]. «Поучение» Агапита часто сосед-

¹ Под таким названием произведение фигурирует в «Словаре книжников и книжностей Древней Руси» [Буланин 1989].

² В качестве одного из доказательств исследователи ссылаются на своеобразную лексику перевода, также относящую его к «золотому веку» болгарской литературы.

ствует в рукописных памятниках с другими наставлениями правителю [Там же: 302]. В рукописях XVI в. появляется новый (или сильно переработанный прежний) перевод; о «двух типах перевода» в своих исследованиях памятника писал еще в 20-х гг. XX в. [Вальденберг 1926: 28]. Для киевского «издания 1628 г. Петр Могила пересмотрел и сверил с греческим оригиналом существующие переводы Агапита» [Буланин 1989: 302]. По тексту предисловия к «Поучению» можно установить дату работы над этой переработкой: **Ў Невеществнаго оґна въ вѣществномъ естѣвѣ гавленіа, минѣшимъ стѣ шестѣдсѣтъ и двѣмъ десѣтицамъ, и сѣмимъ лѣтѣмъ къ сѣмъ приложившимъса. Дека: а. днѣ. Текѣщѣ жѣ речѣнномъ Куріу-Пасха лѣтѣ** [Киев 1628: 3 об.], то есть предисловие написано в 1627 г.³, вероятно, это и есть год работы Петра Могилы над редактурой.

В конце 1650-х гг. киевское издание оказалось в Москве и было дважды скопировано. Один из текстов — переписанный московским книжником с югозападнорусского оригинала — содержится в рукописи собрания ГИМ, Син. 353. Сама рукопись не раз привлекала внимание исследователей. В хрестоматии Буслаева помещен фрагмент «Изъ Азбуковника» [Буслаев 1861/2004: 1111–1116], выписки сделаны автором именно из Син. 353; «Книга глаголемая алфавит...» занимает большую часть рукописи (лл. 7–156). Полное описание Син. 353 дано Т. Н. Протасьевой: это рукопись в 4°, написанная русским каллиграфическим мелким полууставом и скорописью, в 244 листа [Протасьева 1970: 3]. Полууставом, кроме Азбуковника, в Син. 353 переписаны «Книга глаголемая от орфографии» (лл. 165–177), фрагмент «О азбуце» (лл. 177 об. — 181 об.), «Предисловие пяти чувств» (лл. 186–203 об.) [Там же: 4]. Далее на лл. 207 об. — 218 тот же писец переписал с печатного издания Киево-Печерской лавры 1628 г. «Изложения главизн поучительныхъ» диакона Агапита.

Рукопись датируется Т. Н. Протасьевой и по филиграммам (голова шута 1646 г. и тот же знак 1651–1658 гг.), и по двум датам, имеющимся в тексте. Вторая из записей заканчивает переписанное «Поучение»; после приписки, скопированной из издания (**Лѣто вытїю міра, ꙗꙋлѣ. Индікта, аї. слнцѣ крѣ, кд. лѣны аї. кюѣ, х. вісѣтѣвое. Лѣто вѣщѣ, в.**), писец этой части Син. 353 дописал: **съ сегѣже списасѣ издѣ вкнигѣ, лѣта ꙗꙋлѣ. годѣ: нояврѣ въ зї, днѣ.** (л. 218), то есть 1658 г. Другая запись о датировке содержится на л. 18: скорописью XVII в. написано: «Книгу алфавит писал Волопас своею рукою 7162 (1654)» [Там же: 4]. Скорописным почерком в конце Син. 353 переписано «Сказание о семи свободных мудростях» (лл. 224–244), полностью опубликованное в [Спафарий 1978] именно по этой рукописи.

О рукописной копии киевского издания в истории изучения «Поучения» Агапита не сообщается; есть информация о вторичной (после киевской) публикации данной редакции перевода («с несущественными заменами»),

³ Кириопасха, по календарным данным, действительно была в 1627 г.

в сборнике «Анфологион»⁴, выпущенном московским Печатным двором в 1660 г. [Буланин 1989: 302]. Рукописная копия, содержащаяся в Син. 353, предвзает печатное московское издание.

«Списание» книги и перепечатка издания, на наш взгляд, привели к тому, что рассматриваемый текст оставался вне сферы интересов исследователей. Копирование довольно долго предполагало абсолютно точную передачу оригинала. Е. А. Кузьминова считает это основной причиной малого внимания медиевистов к Библии 1663 г. Сформированное представление о тождестве ее с Острожской Библией привело к фактическому пренебрежению первой печатной Библией в Московской Руси, однако сегодня становится ясно, как много существенных, грамматически и орфографически обусловленных изменений было внесено издателями [Кузьминова 2017: 20–21].

Сопоставление рукописной копии «Поучения» Агапита с оригинальным киевским изданием и далее с печатным московским показывает, что направление правки у обоих московских вариантов совпадает. И писец, и справщики Печатного двора воспринимают как ошибочные многие киевские написания, изменяя их в соответствии со сложившимися в московской практике, а частично уже зафиксированными в ГМ нормами. Различие связано с тем, что автор рукописного варианта несколько меньше ориентируется на каноны ГМ; его орфографическая выучка, как будет показано, несколько отстает от отраженной в печатных изданиях 1650–1660-х гг., но имеет сходство с предшествующим периодом 1640-х гг.

Рукописный текст из Син. 353 отличается от киевского издания уже на уровне оформления⁵. На л. 207 об. отдельно переписан титульный лист: Любоуѣишаго кѣрь - / Агапита діакона, / влѣннѣишемъ / и влѣттивѣишемъ / царю іоустініану: / Пачеже всѣмъ Праведнохотѣи / надъ страстми царствовати. / Главнѣиши почтѣли, покрае/неію (так!) еллински изложени. / Славѣнски прѣвѣ Напечатани, / Встѣи великой чудотворной / лаврѣ Печѣрской кѣвской, / Ставропігѣи стѣиша патріархи вселѣ: / архіеп: квѣстагѣинобского Новоу рим: / Лѣта Гнѣи ахѣи⁶. При копировании московский писец в большей степени, чем киевский из-

⁴ «Анфологион: сие есть цветословие: страдальчества и мучения св. великомученицы Екатерины, Феодора Стратилата и Житие Алексея человека божия», сборник переводов Арсения Грека; между этими переводами и помещен текст «Поучения» [Москва 1660: 82–114].

⁵ Б. А. Успенский пишет, что с 1640-х гг. «югозападнорусское влияние сказывается (...) и на оформлении книги» [Успенский 2002: 420]. Появляется титульный лист, хотя широкое его применение начинается лишь с 1660 г.

⁶ Передача рукописного текста дается буква в букву, однако по техническим причинам мы отказались от передачи всех диакритических знаков, кроме оксии, вари и титла. Прописные буквы передаются в соответствии с рукописью (то же при передаче изданий), кроме написанного прописными слова целиком. Слитные и раздельные написания даются в соответствии с оригиналом.

датель, использовал двуклеточное оформление. Повторяется и словоделение, за исключением **нѣлѣгѣтвѣѣишеѣмѣ** (в [Киев 1628] союз напечатан отдельно, прилагательное с прописной буквы); **Пѣчеже** (в издании отдельно: **Пѣче же**); в [Там же] отдельно напечатано **по Краегранѣсїю**⁷, **Прѣвѣнѣ хотѣщим**. В издании более последовательно употребляются прописные буквы: **Вѣ Сѣой Велїкѣ Чюдотворной Лѣврѣ**⁸. На л. 210 также с минимальными изменениями скопировано начало «Поучения»: **Изложѣнїе главїизнѣ поучїтельныхъ, написанное Ѡ агѣпїта діакѣна**, между ними в рукописи переписано «Предисловие к читателю» [Там же: 2–3 об.]; в печатном московском издании [Москва 1660] предисловие опущено.

Характер изменений, которые вносит писец уже при работе с титулом / при копировании титульного листа, определяют всю его дальнейшую правку. К примеру, переписывая процитированную выше приписку о времени создания редакции перевода, писец Син. 353 копирует ее точно, однако допускает слитное, а не отдельное написание знаменательного слова с частицей: **тѣкѣщѣже** (209 об.).

Сопоставляя оригинал и рукописную копию фрагмента **Прѣдѣсловїе къ блѣгочестївомѣ читателю**, мы отмечаем единственную лексическую корректуру: в колонтитуле издания читаем «до Читѣлнїка» (3), исправленное на л. 209 на нейтральное «до читатѣла»⁹. Еще одна правка, типичная в том случае, когда необходимо снять фонетический украинизм, встречается на л. 208 об.: **по свѣдїтельствѣ** (2 об.) → **по свидѣтельствѣ**. Правка этого типа (замена **н** на **ѣ** и наоборот) в тот же период времени регулярно встречается в словах общеупотребительных при копировании московскими писцами черновики Атласа Блау, сделанных Епифанием Славинецким и его товарищами; самым частотным примером будет как раз правка **свѣдїтель** → **свидѣтель** [Николенкова 2018а]. В тексте «Поучения» есть и

⁷ В данном значении ‘начало стихов’ встречается в Алфавитах XVII в. [СлРЯ XI–XVII 8: 6]. В рукописи Син. 353 в составе Алфавита также есть: **сїцѣвоже замышлѣнїе грѣчески наричѣтѣсѣ акрѣстїхїсѣ. Апорѣски, краѣстрѣчїе, нїлї краѣгранѣсїе** (со ссылкой на Максима Грека, л. 77–77 об.).

⁸ Прописные буквы в рукописных московских текстах в середине XVII в. пока редкость [Николенкова 2018б].

⁹ Никакой иной лексической правки ни писец рукописи, ни наборщик издания не совершают, хотя встречаются с мало употребительной в Московской Руси лексикой. К примеру: **со всѣкимъ опѣствомъ цѣтовати поучѣетъ** [Киев 1628: 2; Син. 353: л. 208], **исправїжесѣ Ѡ елїнїскагѣ ндїѣматѣ** (лексема отсутствует в [СлРЯ XI–XVII 6: 85]) **сѣ многїѣмъ ѡпѣствѣ** (л. 209 об.), **аще чтѣ прѣзрїѣ ѡподѣающїѣ, сомногїмъ ѡпѣствѣмъ, и да глѣтѣ всѣ ндѣ творїтѣ** (л. 211), где отмечена лексема «опас(с)тво» в значениях ‘тщательность, старательность; осторожность’, до XVII в. в московской письменности практически не употреблявшаяся и получившая распространение во второй половине века, в том числе в Делах патриарха Никона [Там же, 13: 9–10].

неисправленные южнорусизмы (Одежда неветшаемаа есть блготвореніа рѣза, 216 об.; то же осталось в [Москва 1660: 17]).

Рассмотрим регулярные орфографические изменения, внесенные писцом Син. 353 и далее наборщиком московского издания и отражающие их представления о московской орфографии.

1. Слитные /раздельные написания (энклитики и служебные слова). В московских печатных изданиях с 1620-х по 1640-е гг. наблюдается постепенная эволюция слитного/раздельного написания знаменательных и служебных слов. Уже в 20-х гг. XVII в. происходит отделение энклитических форм местоимений от предшествующей словоформы [Кусмауль 2018: 96]; в 1640-х гг., не без влияния печатных киевских книг, московские издатели также начинают делать пробел между служебным и знаменательным словами [Там же: 121]. В исследовании С. М. Кусмауль показано, что этот процесс идет постепенно. Так, колеблется написание предлогов (они чаще еще печатаются слитно), частица **да** почти всегда отделяется от знаменательного слова, частотнее становится раздельное написание **не** с глаголом, слитное/раздельное написание **же**, **во**, **ли** колеблется по разным изданиям [Там же: 122–126].

Московское печатное издание и писец Син. 353 устойчиво отделяют энклитику от предшествующей словоформы. Для московского писца это позиция, где он строго соблюдает уже установившуюся норму (причем употребляет не камору, как в печатных изданиях 1620-х гг., а варию, что характерно для 1630-х гг. [Там же: 96–97]), то есть местоимения **ми**, **ти**, **ма** воспринимаются им как самостоятельные в тексте: **по подобію нѣнаго Црѣвіа даде ти скипетръ земнаго начальства** (210); **блгое ти хотѣніе** (210 об.), **Царѣ та понстиннѣ оуставляю** (212), **Данепремѣнѣтъ ти ниже вѣсѣхъ** (213 об.) и т. д.¹⁰

При написании служебных слов киевский оригинал и его московские версии отражают разные нормы. Для [Киев 1628] мы предполагаем ориентацию на рекомендацию грамматики Зизания (далее — ГЗ): **вѣдати же подобѣтъ тако всѣко реченіе єдинослѣбно кракими же пименѣ състалѣно свѣще, єгоже ничто ѿ сѣгланы писменъ преварѣ ѿтѣаєса. іако, но же во по** [Кузьминова 2000: 39]. В соответствии с этим правилом в киевском издании «Поучения» служебные слова регулярно написаны раздельно, над ними ставится вариа: **но блгоприличнѣ, овъ во какъ страсти повѣдѣти, съи же Црѣвіа, неслышателѣе во закона, доброхотна во** и т. д. [Киев 1628].

По канонам ГМ служебное (односложное) слово в постпозиции не требует постановки акцентного знака: **да оувѣстьса реченіа єдинослѣжна**

¹⁰ Хочется поблагодарить рецензента данной работы за идею проверить орфографические установки писца Син. 353 в остальных частях текста. Как мы и ожидали, орфографические установки писца стабильны: энклитики пишутся раздельно (да воудетъ ми разѣмни, л. 76 об.; тазыкъ стѣ сотворилъ та бѣтъ, л. 148), однако сплошное исследование рукописи в нашу задачу не входило.

единсложнымъ изостраемымъ, или утажаемымъ либо влачимымъ едина единымъ послѣдующаа безъ просѣдина полагаема бывати; такъ, что се, что есть, мы во [Кузьминова 2007: 70]. Наборщик печатного московского издания довольно последовательно выполняет эту грамматическую рекомендацию, в [Москва 1660] энклитики обычно не отмечены диакритикой: овѣи во тѣлесѣ ископоваю очеса; еже во слагатиса вещьѣ предложѣнїа; овѣи во ѿ сытости разсѣдаютъ са, тѣи же, ѿ глѣда растлѣваютъ и т. д. Односложные частицы в препозиции оформляются по-разному: и сѣмъ не равенство есть; Царствующе не встѣписте философїи; аки не имѣай на зѣлїи могѣца; тѣмже да не вперстнѣмъ хвалѣмса рѣдѣ; специального правила в ГМ нет, но в разделе «во просѣдїи» частица не напечатана без диакритических знаков (то же относится к предлогам ко, во, на, по [ГМ 1648: 67–69]).

В рукописи Син. 353 нет однообразия в написании служебных слов в пре- и постпозиции. Тенденция к отделению служебных слов от знаменательных, которая в 1640-е гг. уже становится маркером орфографического узуса для печатных изданий [Кусмауль 2018: 313], в рукописную традицию еще не перешла. Копируя киевский печатный оригинал, писец может повторить его, но чаще собственная выучка преобладает над новыми тенденциями и он склоняется к слитному написанию: по іажѣ ѿ Дара вѣїа (1 об.) → поіажѣ ѿдара вѣїа (208); съ всѣкимъ опѣствомъ (1 об.) → совсѣкимъ впѣствомъ (208); прѣво же члѣволюбнаа и хотѣти и творїти (3) → прѣоже члѣволюбнаа и хотѣти итворїти (210 об.); Такоже и въ Градѣ, аще оубо нѣкто ѿ иже по властїю сѣгрѣшитъ, не толико общее елику себе вѣиди[на полях — бесправдѣ]тъ (4) → Такоже и въ градѣ, аще оубо нѣкто ѿиже по властїю согрѣшитъ, не толику общее елику себе вѣидитъ (211). Издание 1660 г. характеризуется большей последовательностью и в соответствии с продолжающейся в печатных книгах традицией дает предлоги и союзы раздельно: Такоже и во градѣхъ, аще оубо нѣкто ѿ иже по властїю согрѣшитъ, не толику общее елику себе вѣидитъ [Москва 1660: 86–87], однако и в нем можно найти отдельные случаи нераздельного употребления предлога (пример есть выше — вперстнѣмъ).

Частицы в препозиции в печатных текстах 1640-х гг. также чаще употреблены раздельно, хотя определенный процент слитного написания присутствует [Кусмауль 2018: 123–124]. Печатное издание 1628 г. представляет киевскую традицию раздельного употребления, однако московский писец чаще правит на привычное слитное: іажѣ не сѣт (2) → іажѣ несоутъ (208 об.); не изъобрѣтай же (2) → Нѣизъобрѣтайже (208 об.); Нѣ прѣстѣпенъ оубо еси члѣмъ высоты ради нижнаго Царства (3) → Нѣпрѣстѣпенъ оубо еси члѣмъ высоты ради нижнаго Царства (211); Подовѣетъ оубо томъ и аки бѣ не гнѣватиса, и аки смрѣтнѣ не возноситиса (7) → Подовѣетъ оубо томъ наки бѣ негнѣватиса, и аки смрѣтнѣ невозноситиса (212 об.), реже копируется киевское написание: Прїемли иже блгаа совѣтовати хотѣщихъ, но не ласкати всегда тѣшѣщихса (212 об.); Самѣмъ

себѣ еже храни́ти за́коны наложи́ нѣждѣ, акѣ нѣ имѣай на землѣи могѣ
цагѣ понѣждати (9) → **Самомѣ себѣ еже храни́ти за́коны наложи́ нѣждѣ,
акинемѣай наземлѣи могѣцагѣ понѣждати** (213). Для частицы да про-
цент раздельного написания намного выше, однако, в отличие от киевского,
московский писец может не акцентировать ее: **никтѣже да велича́етсѣ** (2 об.)
→ **никтѣже да велича́етсѣ** (210 об.), и **Ѡверъза́еши оушесѣ иже ницетѣю
Ѡвдръжимъ да Ѡвращеши Бжїй слѣхъ Ѡврѣстѣ** (3) → и **Ѡверъза́еши
оушесѣ иже ницетѣю Ѡвдержимъ да Ѡвращеши Бжїй слоухъ Ѡверѣстѣ**
(211); и **да таритсѣ въ мѣрѣ, и да нѣ таритсѣ** (16) → и **да таритсѣ
въмѣрѣ, и да не таритсѣ** (216¹¹); и **Ѡтебѣ Ѡждиай, да прѣчеѣ Ѡ бѣа про-
повѣданъ боудеши** (216).

Постпозитивные частицы **же** и **во**, печатающиеся в Киеве раздельно и с
диакритическим знаком (варией), московский писец пишет преимущественно
без знака ударения; достаточно часто он привычно исправляет киев-
ского автора и использует слитное написание: **Иночествѣюциѣ тѣомѣ, Ѡвал
же Царствѣюциѣмъ** (2) → **иночествѣюциѣ тѣомѣ, Ѡвалже цѣтвѣюциѣмъ**
(208); **сїа вѣ естѣ гѣвѣтелница всѣхъ добродѣтелей** (2) → **сїа вѣ естѣ
гѣвѣтелница всѣхъ добродѣтелей** (208 об.); **тѣй вѣ прѣнѣ и влѣтемъ
Ѡвладаетъ** (2) → **тѣй вѣ прѣнѣ и влѣдате Ѡвладаетъ** (210 об.); **вѣди
всѣмъ влѣтъ Ѡвцїй. ничтѣже вѣ тѣко** (7) → **вѣди всѣмъ влѣтъ Ѡвцїй.
ничтѣже вѣ тѣко** (212). Встречаем в рукописи и раздельные написания,
однако акцентный знак чаще не копируется: **ѣковѣи вѣ аще вѣдемъ
нашимъ клеверѣтѣмъ** (3) → **ѣковѣи вѣ аще боудемъ нашимъ клеверѣ-
тѣмъ** (211), **тѣко вѣ и за́кономъ покажеши пѣчестѣ** (9) → **тѣко вѣ и
за́кономъ покажеши пѣчестѣ** (213) и т. д. В московском издании **же** и **во**
печатаются раздельно¹² (С. М. Кусмауль пишет о том, что разрыв в этом
случае может быть меньше, чем между знаменательными словами [Кусмауль
2018: 121]).

На основе наших наблюдений можно сделать предварительный вывод:
создатели рукописных текстов несколько отстают от готовящихся печатные
издания сотрудников московского Печатного двора. Грамматические уста-
новки им, по всей видимости, стали известны позднее, чем сформирова-
лись их правописные навыки, поэтому правила, сформулированные изда-
телями ГМ, еще не вошли в практику писцов.

2. Употребление графемы Ъ. После второго южнославянского
влияния изменилось употребление графемы Ъ за счет возвращения напи-
саний южнославянского типа с буквами Ъ и Ъ после плавных в словах с
корневыми сочетаниями редуцированных с плавными. Однако даже в ве-

¹¹ В этом примере особенно заметно совмещение в представлении писца старых
умений и новых тенденций.

¹² Последний пример в [Москва 1660: 86]: **ѣковѣи вѣ аще вѣдемъ нашимъ
клеверѣтѣмъ**, где «ѣ» после шипящего в строгом соответствии с правилом ГМ
[Кузьмина 2007: 64], о котором речь пойдет ниже.

ликорусских памятниках XV в. они встречаются в меньшем количестве, чем другие орфографические признаки. При этом несоответствие таких написаний живому произношению в восточнославянских говорах довольно скоро привело к почти полному их исчезновению [Гальченко 2001: 364–366]. В московских печатных изданиях 40-х гг. XVII в. встречаются только написания, соответствующие произношению, например: *пёрвыи, чёрна лицёмъ, ѿ пёрвыхъ, мёртва* [Пролог 1643].

Однако в киевском издании «Поучения» отмечено значительное число по типу южнославянских написаний: *прѣвѣе, Самодръжцѣ, съдръжачицѣхъ, къ исплънѣнїю, съврѣшенїа, зръцалѣ* и т. д. [Киев 1628: 2–4]¹³. Переписчик иногда копирует эти написания, но в подавляющем большинстве случаев вносит правку: *самодержцѣ, содержачицѣхъ, къ исполненїю, съвершенїа, зерцалѣ* (208–209, предисловие), восстанавливая привычную московскую норму. Та же правка с незначительным сохранением киевских форм отмечается в основном тексте «Поучения»: *даже корабѣцѣ* [на полях — *ладїа, чолнѣ*] *всемїрнагѣ жител[на полях — граждан]ства не шпроврѣжетса влѣнами неправды* (2) → *даже корабѣцѣ* [на полях — *ладїа, чолнѣ*] *всемїрнагѣ жител[на полях — граждан]ства не шпровѣрѣжетса влѣнами неправды* (210)¹⁴; *Многѣ печалѣной Царѣвой дшїи, акї зръцалѣ вѣрѣстїса достѣнтѣ* (4) → *Многѣ печалѣной Царѣвой дшїи, акї зерцалѣ вѣрѣстїса достѣнтѣ* (211); и *овїи оубѣ содръжатѣ мїрѣ концы: тїи же не имѣтѣ гдѣ поставити стопы* (4) → *їовїи оубѣ содержатѣ мїрѣ концы: тїи же не имѣтѣ гдѣ поставити стопы* (211) и т. д.

Еще чаще в киевских изданиях (в том числе в «Поучении» Агапита) графема Ъ употребляется в приставках *съ-*, *въз-* и подобных, что характерно для многих югозападнорусских памятников. Широко отмечены они и в ГЗ (*възбранѣетѣ, съставленно, съшивати* и т. д.) [Кузьминова 2000: 40–41]. В нашей паре издание/рукопись происходит правка в соответствии с нормами московского варианта церковнославянского языка: *съкровицѣ* →

¹³ Подобные написания типичны для киевских изданий 20-х гг. XVII в. К примеру, они отмечены в «Слове на латинов преподобного Максима Грека», изданном в Киеве около 1620 г.: *прѣвое, млѣчанїе, съдръжїмы, съврѣшитїи, дрѣзостнѣ* [Слово 1620: 3–6].

¹⁴ Интересен этот фрагмент перевода и лексически: нельзя не обратить внимания на использование вместо лексемы «жительство» глоссы «гражданство». [СлРЯ XI–XVII 4: 118] фиксирует употребление последней лексемы (в значении «гражданское устройство») только в переводе Епифания Славинецкого «Гражданство обычаев детских», выполненном не ранее 1663 г., далее — в «Арифметике» Магницкого. В Лексиконе Беринды отмечается синонимия лексем «жительство» и «гражданство» [Німчук 1961: 37–38]. Любопытно, что то же чтение фиксирует [Вальденберг 1926: 29] в более раннем переводе «Поучения» Агапита: «корабль всемирнаго гражданства». В «Поучении» лексема «гражданство» в значении «совокупность жителей» отмечена еще несколько раз: *всемѣ граждаствѣ содѣлаваецѣ пѣгѣвѣ* (211); *Глѣва же вѣтѣвнаго жител[граждан]ства* (211 об).

зѧповѣди х҃а сп҃са нѧшего всѣмъ оу҃ще дѧшасѧ къ еже творити ѧ (2 об.) → всѧво зѧповѣди х҃р҃та сп҃са нѧшегѧ всѣмъ оу҃ще дѧшасѧ къ еже творити ѧ (208); емаѧ оу҃бо ѿ б҃га тебѣ дарована сила, еѧже тревоваше насъ ради бл҃гоу҃ ти хотѣнїе (2) → емаѧ оу҃бо ѿ б҃га тебѣ дарована сила, еѧже тревоваше насъ ради бл҃гоу҃ ти хотѣнїе (210 об.); Да оу҃бо оубои здравїе полоу҃чатъ, ѿѧтѣмъ и приѧтѣмъ, тыхъ исцѣлїти, и къ равенство принести подобаетъ (6) → Да оу҃бо оубои здравїе полѹчатъ, ѿѧтѣмъ и приѧтѣмъ, тыхъ исцѣлїти, и къ равенство принести подобаетъ (212)¹⁷ и т. д. Печатное издание не повторяет традиций предшествующего периода: еѧже (85), ѿѧтѣ^м и приѧтѣмъ (89–90) [Москва 1660].

Одним из показателей правки, осуществляемой по орфографическим канонам, является упорядочивание использования **о** и **ѡ** в определенных позициях. Сформулированное в ГМ правило [ГМ 1648: 61] постепенно начинается выполняться в печатной продукции 1640-х гг. [Кусмауль 2018: 151–164] и продолжается во время справки более позднего времени [Кузьминова 2017: 28–31]. Автор рукописной копии, на наш взгляд, не овладел указанным правилом в полной мере. Часто употребление им графемы **ѡ** нельзя объяснить вовсе, например, на л. 210 об. отмечаем **непостоѧнное богаѣство**, также **кѣѡ живеть** (213).

Иногда он правит то, что в соответствии с рекомендациями ГМ оказывается напечатанным в оригинале верно. Более подробно рассмотрим это на примере окончаний прилагательных. ГМ требует различать окончания **-аго/-агѡ** в родительном и винительном падежах [ГМ 1648: 29], однако даже верные с точки зрения такой рекомендации написания из [Киев 1628] писец не сохраняет: **по подобїю неѧагѡ Цр҃твїа** (1) → **по подобїю неѧаго Цр҃твїа** (210); **корабѣцъ всемірнагѡ жителства** (2) → **корабѣцъ всемірнаго жителства** (210); **бл҃агѡ житїа лѣѣто** (6) → **бл҃аго житїа лѣѣто** (212) и т. д. В киевском издании правило Смотрицкого, которое требует разделения родительного и винительного падежей [Кузьминова 2007: 527], не выполняется; издатель, очевидно, ориентируется на ГЗ, где эта норма отсутствует. В [Киев 1628] можно встретить **множаѣшаго въздѧнїа длѣженъ еси** (2), исправленное в Син. 353 на орфографически корректную форму **множайшагѡ** (210 об.), но такие примеры следует отнести скорее к исключениям. В подавляющем большинстве случаев писец копирует издание, к примеру: **ѿ возлюбленнаго сѣннослаѣжителѧ** (208), **ѿ возлюбленнаго оу҃сѣрдно прїѧмї** (208 об.), **сегѡ б҃любѣзнаго слаѣжителѧ**; **нх҃ртїанскаго Прѣѧаго царствованїа истинный и свойственный ѡбразъ** (209) и под.; **реже оу҃ма неизвѣстнагѡ знаменїе выѡаетъ** (211 об.), та же форма в [Там же: 5]. Заметим, что печатная продукция с 1640-х гг. характеризовалась устойчивой тенденцией к противопоставлению форм род. и вин. па-

¹⁷ В этом случае обращает на себя внимание и обычная для московской нормы замена **и** в приставке перед гласной на **ї**, что является одним из наиболее регулярно соблюдаемых правил [ГМ 1648: 60; Николенкова 2017: 111].

дежей [Кусмауль 2018: 189–191], таким образом, автор рукописи отстает от тенденций наборщиков книг. То есть если позиционные правила употребления букв писец освоил, то грамматические параметры (определение падежей, к примеру) для него пока недоступны. Он предпочитает в большинстве случаев копировать ту форму, которая отмечена в печатном издании.

Автор печатного издания владеет грамматикой и, будучи способным различить формы род. и вин. падежей, использует разные окончания. В вин. п. ед. ч. стабильно **-аго**: **Црѣ тѣ по истинѣ оуставляю, такъ црѣтовати и владѣти надѣстрастми могѣща, и вѣнцѣ Цѣломѣдрѣа вѣнчаннаго, и Порфѣрою правды одѣбаннаго** [Москва 1660: 90]; и на себѣ согрѣшившаго нещѣй (98). Род. пад. оформлен с помощью **-агw**: по подобію **небагw Црѣтѣа** (82); **кораблѣ всемірнагw жителства** (83); и **видѣ хѣд[на полях — мал]ость своегw естѣтва, краткое же и скорое здѣшнагw животѣ** (88); **блѣгагw житѣа лѣто** (90); **Дѣ не премѣнѣетъ тѣ великомѣнагw рѣзѣма, земнагw сегw могѣтства величество** (97); **аще не рѣмышленіе само ѿсамагw согрѣшившагw подвигнетса** (98)¹⁸.

Противопоставление **о** и **w** в соответствии с принципом антистиха предполагает отражение противопоставления форм ед. и мн. чисел. Формы окончаний сущ. с **w** есть и в ГЗ, и в первом издании грамматики Смотрицкого (далее — ГС), и в ГМ (**-wвъ, -wmъ**), но ГЗ допускает выражение множественности в корне (**вwзи**), от чего московская орфография с 1640-х гг. начинает постепенно отказываться [Кусмауль 2018: 162–164]. Можно предположить, что писец рукописного варианта знает о принципе использования **w** для выражения множественного числа в окончаниях существительных. Эти формы из киевского издания он копирует без исправлений; сохраняются **дарwвъ, члѣkwмъ, клеврѣтwmъ, вранwвъ, дрѣгwвъ**, тогда как отмеченное **въ плwвцѣхъ** (4) исправляется на **въпловцѣхъ** (211).

Грамматические знания книжника, готовившего издание 1660 г., позволяют ему последовательно выполнить еще один грамматический канон, предлагаемый ГМ. Во множественном числе причастий мужского рода, в дательном падеже рекомендуется употребление **ы** после шипящих (**вѣющымъ**) [ГМ 1648: 64], однако это правило стараниями издателей ГМ распространяется и на прилагательные и местоимения [Кусмауль 2018: 216–217]. С конца 1640-х до середины 1650-х гг. в московских изданиях происходит существенный рост употребления этого правила [Там же]. Киевское издание не использует **ы** даже в формах причастий: **давѣи всѣмъ нещѣдно, просѣшимъ ѿ тебе** (13). Не знает правила и писец Син. 353 — он копирует киевские написания. Последовательная правка в этой позиции характеризует создателя московского издания: **въ малѣ оубw притичѣ имѣти мнѣшымъ; сокровище постолнно есть стажавшымъ е, иво блѣихъ дѣла блѣтъ ко творѣшымъ вoвращаетса** (85); **нашымъ клеврѣтwmъ** (86); **комнѣшымъ (!) державнымъ възирѣютъ** (92); **сѣце и прѣвнѣй вѣй сѣдъ,**

¹⁸ Оба примера с л. 98 [Москва 1660] в издании [Киев 1628] напечатаны с **-аго**.

на́шымъ дѣ́лїи^М оуподоблѣтсѧ (93); Ибо готовое имѣнїи изъвѣстїе, не възбранно есть къ нїщымъ по бл҃готворенїю (102).

Итак, проведя сопоставление киевского оригинала с двумя его московскими переработками, сделанными приблизительно в одно время, мы можем предположить, что грамматическая выучка и соблюдение орфографических канонов требовались именно для книжников, участвующих в издательской деятельности. Создатели рукописных текстов, следуя утвердившимся в письменности принципам, несколько отстают от создателей печатных книг того же времени. Анализ употреблений **ѣ** в начале слов и в формах множественного числа, **ѡ** в формах наречий и некоторых других орфографических позиций подтверждает наши выводы.

4. Исправление акцентуации. Преобразование церковнославянского языка в середине XVII в. связывается с югозападнорусским влиянием. При этом в первую очередь такое влияние отмечается в области орфоэпии [Успенский 2002: 437–440], изменения связаны с заимствованными словами, собственными именами, отмечаются изменения в принципах постановки ударения во фразе. Однако, сопоставляя черновые автографы киевских книжников и белые их копии, сделанные московскими писцами, мы уже отмечаем неточность этого утверждения. Переписывая мало акцентуированную рукопись Епифания Славинецкого, московский копиист расставлял акценты, исключительно сообразуясь с принципами своей орфоэпической нормы, лишь в некоторых случаях следуя за киевскими авторитетами [Николенкова 2016: 17–18]. Сопоставляя киевский печатный оригинал, последовательно проставляющий диакритические знаки, и его две московские копии, мы приходим к тому же выводу. Московские книжники не копируют киевские нормы, а широко исправляют их, проставляя акценты в соответствии с московской нормой¹⁹. Важным нам кажется и то, что расходящиеся по ряду параметров рукописный и печатный тексты в данном случае демонстрируют единообразие. Рассмотрим лишь некоторые случаи.

Изменения в орфографии названия связаны со сменой акцентуации в имени: **Агапїтъ** киевского издания меняется на **Агапїтъ** рукописного варианта (и то же ударение в [Москва 1660: 82]). История трансформации ударения в именах собственных в церковнославянском языке середины XVII в. описана как одна из особенностей книжной sprawy, которая в значительной мере носит искусственный характер [Успенский 1969: 81]. В период никоновской sprawy исправления в формах имен собственных обусловлены стремлением приблизить церковнославянскую форму к иноязычному прототипу. Изменение происходит через традицию Юго-Запад-

¹⁹ Нами не ставится вопрос о соответствии этой нормы живому московскому произношению XVII в., его соответствии произношению предшествующего времени и т. д. В данной статье мы хотим лишь собрать примеры, где последовательное исправление места акцентного знака очевидно указывает не на стремление соответствовать киевским нормам, а на следование своим традициям.

ной Руси [Там же: 82]. Однако в нашем примере мены ударения не происходит, так акцентуируется форма и в более поздних московских изданиях ([Пролог 1661; 1675]). Может быть, ее отсутствие в XVII в. оказалось причиной того, что и в современных церковнославянских текстах ударение в форме **Ага́питъ** относится к вариативным, колебания продолжают вплоть до современных изданий [Корнилаева 2018: 128–129].

Киевские формы превосходной степени **Бл̑ж̑енн̑ѣйшеѡ** и **Бл̑г̑читив̑ѣйшеѡ** в заголовке «Поучения» в рукописи меняются на **бл̑ж̑енн̑ѣйшеѡ** и **бл̑г̑читив̑ѣйшеѡ**. Такое смещение ударения мы наблюдаем при внесении изменений при редактировании ГС для издания ГМ. Так, в правиле третьем ГС приведены примеры **смир̑ен̑ѣйш̑ій**, **ока̑нн̑ѣйш̑ій** [Кузьминова 2000: 161], в ГМ формы меняются на **смир̑ен̑ѣйш̑ій**, **ока̑нн̑ѣйш̑ій** [Кузьминова 2007: 80]. В самом тексте мы также видим смену ударения в некоторых прилагательных в превосходной степени: **и сов̑ѣтомъ раз̑ум̑н̑ѣишимъ** (8) → **исов̑ѣтомъ раз̑ум̑н̑ѣишимъ** (213); **Вним̑ай дро̑гвѣ истин̑н̑ѣишихъ** (10) → **Вним̑ай дро̑гвѣ ѡстин̑н̑ѣишихъ** (213 об.); **пр̑ѣпочтен̑н̑ѣйшеѡ** (10) → **пр̑ѣпочт̑ен̑н̑ѣйшеѡ** (214); **гр̑н̑ѣйш̑ю ч̑сть** (11) → **г̑ор̑н̑ѣйш̑ю ч̑сть** (214) и т. д. В московском издании мы отмечаем те же варианты ударений, что и в рукописи. Для московских печатных памятников «обнаруживается постепенный переход от акцентных систем с заметным числом западных черт к более последовательной восточной системе» [Зализняк 2014: 58]. А. А. Зализняк отмечает это эволюционное изменение книжной нормы, которая постепенно «признавала допустимым для книжного произношения все большее число черт живой московской акцентуации» [Там же]. Судя по нашим наблюдениям, данное утверждение можно отнести и к рукописной книжной традиции середины века.

Исправление места постановки акцентного знака, совпадающее в обоих московских текстах — и рукописном, и печатном (в сравнении с киевским), можно обнаружить еще в целом ряде случаев. Последовательно исправляется место знака акцента в глаголах на **-овати** и в производных от них причастиях и существительных, к примеру: **над̑ стра̑ст̑ми цар̑ство-в̑ати** (1) → **над̑ стра̑ст̑ми ца̑р̑ствова̑ти** (207 об.); **ниже глаголи такъ с̑а иноч̑еств̑ющи̑ т̑окмо, ова̑л же ц̑р̑т̑в̑ю̑щимъ** (1 об.) → **ниже глаголи такъ с̑а иноч̑еств̑ющи̑ т̑окмо, ова̑л же ц̑р̑т̑в̑ю̑щимъ** (208); и **х̑р̑т̑анскаго Пр̑в̑наго цар̑ствова̑н̑а** (2 об.) → **их̑р̑т̑анскаго Пр̑в̑наго ца̑р̑ствова̑н̑а** (209) в предисловии; в тексте «Поучения»: **с̑ъими ѡ̑ него̑ цар̑ств̑ѡем̑ за̑коны** (1) → **с̑ъими ѡ̑ него̑ ца̑р̑ств̑ѡем̑ за̑коны** (210, то же в [Москва 1660: 82²⁰]); **егда̑ или̑ филосо̑фи Цар̑ствова̑ти б̑жд̑тъ, или̑ ца̑р̑е̑ филосо̑фств̑ова̑ти: и̑во филосо̑фств̑ю̑ще, сподо̑бист̑еса̑ Цар̑ства, и̑ цар̑ств̑ю̑ще не̑ ѡ̑ст̑п̑и̑те̑ филосо̑ф̑и̑** (1) → **егда̑ или̑ филосо̑фи Ца̑р̑ствова̑ти бо̑жд̑тъ, или̑ ца̑р̑е̑ филосо̑фств̑ова̑ти: и̑во филосо̑фств̑ю̑ще, сподо̑бист̑еса̑ Цар̑ства,**

²⁰ Имеется в виду тождество ударения рассматриваемых слов, написание других слов может отличаться в рукописи и московском печатном варианте.

и царствѹюще неѡстѹпнѣ философѣи (210, то же в [Там же: 90]); трѣпнѣтъ же живѹщѣи беззаконнѣ, споспѣшникъ сѹгѹбо бл҃гискѹствовати (9) → терпѣтъ же живѹщѣи беззаконнѣ, споспѣшникъ сѹгѹбо бл҃гискѹствовати (213, то же в [Там же: 95]); ибо съжителствѹющемѹ всегда съ слѣбыи человекѣи, или пострадати, или навѣкнѣти нѣжда нѣчто слѡ (9) → ибо съжителствѹющемѹ всегда съ слѣбыи человекѣи, или пострадати, или навѣкнѣти нѣжда нѣчто слѡ (213, со жителствѹющемѹ [Там же: 95]); иже ѡческѹю началствѹемымъ показѹющѣи любовь, иначальствѹемѹ ѡ нѣхъ противопрѣмлюще боѡзнь (17) → иже ѡческѹю началствѹемымъ показѹющѣи любовь, иначальствѹемѹ ѡ нѣхъ прѡтиво прѣмлюще боѡзнь (216 об., то же в [Там же: 108]). Необходимо отметить, что слова на -овати и их образования, без всякого сомнения, относятся к книжной лексике, широкого распространения в текстах они не имеют, поэтому проследить их употребление в иных текстах не всегда возможно (скажем, «цѣрствовати» в [Зализняк 2014: 258] есть, а некоторые другие глаголы не представлены).

Регулярная перестановка ударения может быть связана с отдельными словами. Одной из лексем, где перенос ударения обязателен, является книжный союз **ниже**. В [СлРЯ XI—XVII 11: 366–367] **ниже**¹ определено как 1) частица отрицательная; выражает отрицание сказуемого ‘также... ни’; 2) союз, выражающий отрицание сказуемого ‘и не...ни’; 3) союз присоединительный и перечислительный ‘ни...ни’; **ниже**³ как сравнительный союз в значении ‘нежели’. В перечне союзов ГЗ этой лексемы нет [Кузьминова 2000: 104], хотя в тексте ГЗ она встречается (всегда с каморой): **тогда нѣже ѡбѡстрѣса нѣже ѡтѣчѣетъса** [Там же: 39]; **нѣже тѣкѹ радѣлаѣ тѣкѹ запѣтѡю, или срокѡю, нѣже съвершаѣемъ нѣю понѣже въпрѡса ждѣтъ** [Там же: 42]. В перечне ГС этот союз дан в разделительных: **ниже**²¹. Именно такое написание мы отмечаем в [Киев 1628]. ГМ, сохранив список разделительных союзов, меняет оформление и дает вариант **ниже** [ГМ 1648: 315]. Именно этот вариант используют и писец Син. 353, и издатель [Москва 1660].

Правка по московскому варианту в рукописном варианте есть уже в тексте предисловия: **ниже глаголи** (1 об.) → **ниже глаголи** (208); далее в «Поучении»: **и ниже къ гордыни превъзносѣтѣса, ниже къ печѣли низносѣтѣса** (5) → **иниже къ гордыни превозносѣтѣса, ниже къ печѣли низносѣтѣса** (211 об., то же в [Москва 1660: 88]); **ниже въ бл҃годѹшествахъ възвышаѣса, ниже въ тѣб҃гахъ смѣрѣса** (10) → **ниже въ бл҃годѹшествахъ възвышаѣса, ниже въ тѣб҃гахъ смѣрѣса** (213 об., то же в [Там же: 97]) и т. д.

Безусловно, часть акцентных изменений, проведенных московскими писцами, нуждается в дополнительном изучении и привлечении большего числа акцентуированных церковнославянских рукописей и печатных изданий.

²¹ В издании [Кузьминова 2000: 387] при сохранении акцентного знака слово набрано раздельно, что нелогично с точки зрения использования знаков оксии и вари в самом правиле. В оригинальном тексте ГС на л. 193 мы ожидаемо находим слитное написание.

Таким образом, копирование киевских книг в Московской Руси середины XVII в. показывает, что орфографическая и орфоэпическая адаптация иной системы проходила иначе, чем лексическая. Принимая новую лексику, московские книжники стремились, во-первых, сохранить графико-орфографическое своеобразие московского варианта церковнославянского языка и, во-вторых, последовательно выстраивали принципы этого противопоставления с югозападнорусской в отношении орфоэпии. Последовательность характеризовала и работников Печатного двора, и писцов рукописей, хотя последние в целом ряде случаев отставали, хуже знали и орфографические каноны, и грамматику вообще. Эта работа московских справщиков в середине XVII в., по всей видимости, уже к 1680-м гг. приводит к жалобам украинского духовенства на уничтожение книг киевских и замену их московскими [Успенский 2002: 426–427].

Источники

ГИМ Син. 353 — «Любовѣишаго кѣрѣ — Агапита діакона, вѣженнѣишемѣ и вѣтнѣишемѣ царю юстиніанѣ: Пачеже всѣмѣ Праведнохотѣици на страсти царствовати. Главизны поучителны, по краенесію еллински изложены». Лл. 207 об. — 218.

Киев 1628 — *Agatum* (диакон; VI в.). Царю Юстиниану... главизны поучительны по краегранесію еллински изложены, славенски же перее напечатаны. Киев: Типография Лавры, 1628 [7136]. 1 титульный лист, [2], 1–22.

Москва 1660 — *Изложѣніе главизнъ поучителныхъ, написанное Ѡагапита діакона // Арсеній Грек* (иеромонах). Сборник переводов Арсения Грека «Анфологион». М.: Печатный двор, 1 октября 1660 г. [7169]. С. 82–114.

Пролог 1643 — Пролог. Первая половина (март — август). М.: Печатный двор, 6 декабря 1643 г. [15.12.7151 — 06.12.7152].

Пролог 1661 — Пролог. Первая половина (сентябрь — февраль). М.: Печатный двор, 17 августа 1661 г. [18.01. — 17.08.7169].

Пролог 1675 — Пролог. Первая половина (сентябрь — февраль). М.: Печатный двор, март 1665 г.

Слово 1620 — *Прѣгнаго Мѣзѣма Грека, Инока Ѡ Сѣтъа Аѣдѣскіа горы, Слово на латїншвѣ*. Киев, ок. 1620 г.

Литература

Буланин 1989 — Д. М. Бу л а н и н. «Поучение» Агапита // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2 (Л—Я). Л., 1989. С. 300–303.

Булычев 2004 — А. А. Бу л ы ч е в. История одной политической кампании XVII века: Законодательные акты второй половины 1620-х годов о запрете свободного распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России. М., 2004.

Буслаев 1861/2004 — Ф. И. Бу с л а е в. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков (репринт). М., 2004.

Вальденберг 1926 — В. Е. В а л ь д е н б е р г. Наставление писателя VI в. Агапита в русской письменности // Византийский временник. Л., 1926. Т. 24 (1923–1926). С. 27–34.

Гальченко 2001 — М. Г. Г а л ь ч е н к о. Второе южнославянское влияние в древнерусской книжности // Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. М., 2001. С. 325–382.

ГМ 1648 — Грамматика 1648 г. / Предисл., науч. коммент., подгот. текста и сост. указателей Е. А. Кузьминовой. М., 2007.

Живов 2017 — В. М. Ж и в о в. История языка русской письменности. Т. II. М., 2017.

Зализняк 2014 — А. А. З а л и з н я к. Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь. М., 2014.

Запольская 2010 — Н. Н. З а п о л ь с к а я. Неизвестная грамматика церковнославянского языка XVII в. // *Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij*. Napoli, 2010. С. 267–282.

Карташев 1991 — А. В. К а р т а ш е в. Очерки по истории русской церкви. Т. 2. М., 1991. [Париж, 1959].

Корнилаева 2018 — И. А. К о р н и л а е в а. Об акцентных вариантах в источниках «Большого словаря церковнославянского языка Нового времени» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 16. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2016–2017. М., 2018. С. 119–136.

Кузьминова 2000 — Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подгот. текста, науч. коммент. и указатели Е. А. Кузьминовой. М., 2000. С. 29–527.

Кузьминова 2007 — Е. А. К у з ь м и н о в а. Научный комментарий // Грамматика 1648 г. / Предисл., науч. коммент., подгот. текста и сост. указателей Е. А. Кузьминовой. М., 2007. С. 493–612.

Кузьминова 2012 — Е. А. К у з ь м и н о в а. Развитие грамматической мысли России XVI—XVIII вв. М., 2012.

Кузьминова 2017 — Е. А. К у з ь м и н о в а. Грамматика 1648 г. как регулятор библейской книжной справки второй половины XVII в. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 5. С. 21–46.

Кусмауль 2018 — С. М. К у с м а у л ь. Становление орфографических норм церковнославянского языка во второй половине XVI — первой половине XVII в. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2018.

Николенкова 2016 — Н. В. Николенкова. Орфографические особенности двух рукописей XVII в.: об авторстве черновика и беловика // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. № 1. С. 8–19.

Николенкова 2017 — Н. В. Николенкова. Московская орфография в рукописных и печатных текстах 1650–1660 гг. К вопросу о югозападнорусском влиянии // *Die Welt der Slaven. Beiträge zum 20. Arbeitstreffen der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav)*. Т. 62. Wiesbaden, 2017. С. 109–114.

Николенкова 2018a — Н. В. Николенкова. Переводческая деятельность в московском Чудовом монастыре: новые данные о кружке Епифания Славинецкого // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2018. № 6. С. 88–98.

Николенкова 2018b — Н. В. Николенкова. Употребление прописной буквы в практике письма на фоне формирования орфографической нормы в XVII веке // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2018. № 6. С. 3–10.

Німчук 1961 — [В. В. Німчук]. Лексикон словеноруський Памви Беринди. Київ, 1961.

Протасьева 1970 — Т. Н. Протасьева. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1970.

СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 4. М., 1900; Вып. 6. М., 1900; Вып. 8. М., 1900; Вып. 11. М., 1900; Вып. 13. М., 1900.

Спафарий 1978 — Николай Спафарий: Эстетические трактаты / Подгот. текстов и вступит. ст. О. А. Белобровой. Л., 1978.

Успенский 1969 — Б. А. Успенский. Никоновская справа и русский литературный язык (Из истории ударения русских собственных имен) // Вопросы языкознания. 1969. № 5. С. 80–103.

Успенский 2002 — Б. А. Успенский. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). 3-е изд. М., 2002.

Статья получена 17.02.2019

Natalia V. Nikolenkova

Lomonosov Moscow State University

(Moscow, Russia)

natanik2004@mail.ru

KIEV EDITIONS IN MOSCOW IN THE MID-17TH CENTURY AND THE DEVELOPMENT OF MOSCOW ORTHOGRAPHIC NORM

The paper deals with an episode from the orthographic norm formation history in the late 1650s, when systematization of the spelling in accordance with the prescriptions of the 1648 Moscow Grammar was in full progress, while scribes not involved in the activities of the Printing Court were not completely able to apply the new principles. The focus is on a 1628 Kiev edition, which was rewritten and then reissued in print two years later in Moscow. The comparison demonstrates both the differences in the spelling rules of Moscow and Kiev scribes, and certain differences in the accuracy of compliance with the recommendations of the Moscow Grammar. We consider four positions in which these differences were most clearly manifested in the two copies of the Kiev edition.

Keywords: Church Slavonic language of the 17th century, spelling norms, Moscow grammar.

References

Belobrova, O. A. (Ed.). (1978). *Nikolay Spafaryi: Esteticheskie traktaty*. Leningrad: Nauka.

Bulanin, D. M. (1989). «Pouchenie» Agapita. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vyp. 2 (vtoraya polovina XIV—XVI v.)* (Vol. 2, pp. 300–303). Leningrad: Nauka.

Bulychev, A. A. (2004). *Istoriya odnoy politicheskoy kampanii XVII veka: Zakonodatel'nye akty vtoroy poloviny 1620-kh godov o zaprete svobodnogo rasprostraneniya «litovskikh» pechatnykh i rukopisnykh knig v Rossii*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury.

Buslaev, F. I. (2004). *Istoricheskaya khrestomatiya tserkovnoslavyanskogo i drevnerusskogo yazykov*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury.

- Galchenko, M. G. (2001). *Knizhnaya kul'tura. Knigopisanie. Nadpisi na ikonakh Drevney Rusi*. Moscow: Aleteiia.
- Kartashev, A. V. (1991). *Ocherki po istorii russkoy tserkvi* (2nd ed., vol. 2). Moscow: Nauka.
- Kornilava, I. A. (2018). Ob aktsentnykh variantakh v istochnikakh «Bol'shogo slovarya tserkovnoslavyanskogo yazyka Novogo vremeni». In M. S. Mushinskaya (Ed.), *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* (Issue 16, pp. 119–136). Moscow.
- Kusmaul, S. M. (2018). *Stanovlenie orfograficheskikh norm tserkovnoslavyanskogo yazyka vo vtoroy polovine XVI — pervoy polovine XVII v.* (doctoral dissertation). Moscow.
- Kuzminova, E. A. (2012). *Razvitie grammaticheskoy mysli Rossii XVI—XVIII vv.* Moscow: MAKS Press.
- Kuzminova, E. A. (2017). Grammatika 1648 g. kak regul'yator bibleyskoy knizhnoy spravy vtoroy poloviny XVII v. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, 5, 21–46.
- Kuzminova, E. A. (Ed.). (2000). *Grammatiki Lavrentiya Zizaniya i Meletiya Smotritskogo*. Moscow: MGU.
- Kuzminova, E. A. (Ed.). (2007). *Grammatika 1648 g.* Moscow: MGU.
- Nikolenkova, N. V. (2016). Orfograficheskie osobennosti dvukh rukopisey XVII v.: ob avtorstve chernovika i belovika. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly*, 1, 8–19.
- Nikolenkova, N. V. (2017). Moskovskaya orfografiya v rukopisnykh i pechatnykh tekstakh 1650–1660 gg. K voprosu o yugozapadnorusskom vliyani. *Die Welt der Slaven. Beiträge zum 20. Arbeitstreffen der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav)*, 62, 109–114.
- Nikolenkova, N. V. (2018). Perevodcheskaya deyatel'nost' v moskovskom Chudovom monastyre: novye dannye o kruzhke Epifaniya Slavinetskogo. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, 6, 88–98.
- Nikolenkova, N. V. (2018). Upotreblenie propisnoy bukvy v praktike pis'ma na fone formirovaniya orfograficheskoy normy v XVII veke. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly*, 6, 3–10.
- Nimchuk V. V. (1961). *Leksikon slovenoros'kiy Pamvi Berindi*. Kiiv: Vidavn. Akad. nauk URSS.
- Protasyeva, T. N. (1970). *Opisaniye rukopisey Sinodal'nogo sobraniya (ne voshedshikh v opisaniye A. V. Gorskogo i K. I. Nevostrueva)*. Moscow.
- Uspenskiy, B. A. (1969). Nikonovskaya sprava i russkiy literaturnyy yazyk (Iz istorii udareniya russkikh sobstvennykh imen). *Voprosy jazykoznanija*, 5, 80–103.
- Uspenskiy, B. A. (2002). *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI—XVII vv.)* (3rd ed.). Moscow: Aspekt Press.
- Valdenberg, V. E. (1926). Nastavlenie pisatelya VI v. Agapita v russkoy pis'mennosti. *Vizantiyskiy vremennik*, 24, 27–34.
- Zaliznyak, A. A. (2014). *Drevnerusskoe udarenie. Obshchie svedeniya i slovar'*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury.
- Zapolskaya, N. N. (2010). Neizvestnaya grammatika tserkovnoslavyanskogo yazyka XVII v. In S. Bertolissi, & R. Salvatore (Eds.), *Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij* (pp. 267–282). Napoli: M. D'Auria Editore.
- Zhivov, V. M. (2017). *Istoriya yazyka russkoy pis'mennosti*. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo.

С. М. КУСМАУЛЬ

Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Россия)
kusmauls@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ ОРФОГРАФИИ В XVII В.

В статье описывается история формирования принципов церковнославянской орфографии в XVII в. От начала книгопечатания до конца XVII в. орфографическая система стандартного книжного регистра проходит четыре этапа развития. Принципы орфографии, которые определяют графический облик современного церковнославянского языка, в основном формируются в 1640-е гг., во время правления патриарх Иосифа (1642–1652). Применение принципа антистиха, принципа транслитерации основ греческих лексем и позиционного принципа изменяет церковнославянскую орфографию в середине XVII в. и формирует ученую разновидность (по терминологии В. М. Живова) стандартного книжного языка. Эти принципы определяют выбор дублетных букв в начале / в середине и конце слова у исконных лексем, а также в лексемах, заимствованных из греческого языка. Иногда разные принципы на некоторых участках графической системы пересекаются, что создает условия для вариативности написания. Выбор нужной дублетной буквы осуществляется на основе знания грамматических характеристик слова. В результате изменений, произошедших в 1640-х гг., орфография ученой разновидности книжного языка начинает отличаться от орфографии рукописных церковнославянских памятников того времени. Некоторые орфографические правила и принципы церковнославянского языка переходят и в светскую орфографию, которая формируется после Петровской реформы азбуки.

Ключевые слова: принципы церковнославянской орфографии, принцип антистиха, история орфографии, патриарх Иосиф, 1640-е гг.

Орфография церковнославянского языка в период, предшествующий формированию русского литературного языка, в последнее время привлекает внимание исследователей как печатных, так и рукописных текстов [Николенкова 2017; 2018]. При этом в одних случаях отмечается совпадение норм книгопечатной и рукописной орфографии, а в других — их отличие, которое объясняется прежде всего целенаправленной нормализаторской работой справщиков на Московском Печатном дворе в XVII в.

Книжная справа XVII в. довольно подробно рассмотрена с точки зрения текстологии и грамматики (например, [Успенский 2002: 411–471]), однако орфографические изменения во второй половине XVII в. остаются всё еще мало изученными. Период XVII в. важен как промежуточный этап между рукописной эпохой и началом формирования русского литературного языка.

С одной стороны, видно, как развивающаяся орфографическая норма печатных книг постепенно начинает отличаться от рукописной традиции; с другой стороны, можно рассмотреть орфографическую норму, которая будет противопоставлять церковнославянский язык русскому литературному языку в XVIII в. По мнению В. М. Живова, в середине XVII в. формируется ученая разновидность стандартного церковнославянского языка [Живов 2017: 874–887], отличающаяся от простого церковнославянского языка своей обработанностью и ориентацией на грамматику. Эта ученая разновидность, пятый регистр письменного языка, станет важной вехой на пути создания русского литературного языка нового типа. В дальнейшем было бы интересно проследить соотношение орфографических систем «ученого» церковнославянского языка и других регистров письменного языка XVII в.

Цель данного исследования — выявить эволюцию орфографических принципов церковнославянского языка в процессе развития книгопечатания и показать их применение на практике в XVII в. Нами был проведен анализ орфографических изменений в печатных изданиях начиная с Апостола 1564 г. до середины XVII в. [Кусмауль 2018]. В выборках из различных богослужебных книг сделан статистический подсчет изменений в распределении дублетных букв, что позволило увидеть степень введения новой орфографической нормы и ее соответствия нормам грамматики 1648 г. Дальнейшее изучение орфографических изменений в процессе книжной sprawy XVII в. требует понимания того, на каких принципах основывалась церковнославянская орфографическая система и как эти принципы сформировались. Видимые противоречия в употреблении дублетных букв в разные периоды развития книгопечатания в Московской Руси объясняются применением разных орфографических принципов, которые изменялись одновременно с совершенствованием книгопечатного дела.

Принципы орфографии — это закономерности, лежащие в основе орфографической системы, общие основания для написания слов при наличии выбора, предоставляемого графикой.

Формирование принципов орфографии современного русского литературного языка начинается с момента создания гражданской азбуки в начале XVIII в. При создании гражданского шрифта меняется не только конфигурация букв, но и состав азбуки, что приводит к появлению новых орфографических правил и устранению старых правил и принципов, которые выработались в XVII в. в рамках строгой нормы книжного языка. Чтобы понять, от каких правил и принципов отказались при реформе азбуки в Петровскую эпоху, а какие сохранились и перешли в гражданскую азбуку, надо иметь представление о системе и принципах церковнославянской орфографии в XVII в. Кроме того, принципы церковнославянской орфографии, сформировавшиеся в XVII в., определяют орфографические правила и церковнославянского языка Нового времени, который существует парал-

тельно русскому литературному языку в XVIII–XXI вв., являясь источником обогащения последнего.

Основным орфографическим принципом современного русского литературного языка является фонематический принцип (по терминологии Московской фонологической школы), согласно которому буквы передают фонемный состав слова. Этому принципу сопутствуют традиционный (или исторический), фонетический и принцип дифференцированного написания.

Фонематический принцип является основным и для церковнославянского языка. В сочетании с традиционным принципом (сохранение буквы *z* на конце слова и иногда в середине слова, написание буквы *n* после шипящих и некоторые другие особенности) он регулирует написание церковнославянского слова в том случае, если не возникает ситуации выбора графических средств. Например, для записи фонетической последовательности [или́] илѣ не требуется знания никаких дополнительных правил, кроме правил постановки надстрочных знаков, а для записи фонетической последовательности [живо́т] жнѣчѣ надо помнить о традиционности написания буквы *n* после шипящих и о написании буквы *z* на конце слова после твердых согласных. В тех случаях, когда возникает возможность выбора, предоставляемая графической системой, применяются другие принципы орфографии. Эти принципы формируются в процессе книгопечатания и развиваются на протяжении второй половины XVI — первой половины XVII в.

Графическая система церковнославянского языка для передачи одной и той же фонемы предоставляет выбор следующих дублетных букв: *o/w* для /o/, *i/n* для /i/, *ny/ŷ* для /y/, *ra/ra* для /ʳa/ или /ja/, *a/ra* после шипящих для /a/, *ы/n* после шипящих для /и/, *ф/ѣ* для /ф/, *з/с* для /з/, а для выделения ударного слога три вида акцентных знаков: оксия (´), вария (˘), каюра (ˆ)¹.

После возникновения грамматического подхода к книжному языку в XV в.² начинаются попытки регламентации употребления дублетных букв и надстрочных знаков, порождающие различные грамматические (по большей части орфографические) сочинения³. В конце XVI — начале XVII в. в Юго-Западной Руси создаются две грамматики: Лаврентия Зизания (1596) и Мелетия Смотрицкого (1619), где орфографическим вопросам посвящаются специальные разделы. В Московской Руси в 1648 г. переиздается грамматика Смотрицкого, в которой существенно переработан орфографический и в некоторой степени морфологический разделы, а кроме того, до-

¹ Эти три акцентных знака проникают в восточнославянскую книжность в период «второго южнославянского влияния» с конца XIV в., см. [Гальченко 2000: 134].

² См. об этом, например, [Живов 2017: 821–865].

³ Многие из этих орфографических трактатов опубликованы в [Ягич 1895].

бавлены новые⁴. Московские справщики, хотя и опирались на уже имеющийся опыт кодификации церковнославянского языка, но всё же стремились создать свою норму. Это позволяет современным исследователям считать грамматику 1648 г. отдельным изданием, а не переизданием грамматики Смотрицкого. Именно грамматика 1648 г. является важной вехой в кодификации орфографической нормы церковнославянского языка великорусского извода. В ней кодифицируются орфографические нормы, сложившиеся в изданиях Московского Печатного двора (далее — МПД) в первой половине 1640-х гг.

Поскольку печатный текст требует определенного единообразия, орфография становится первостепенным вопросом при издании книг. Сначала орфографической регламентацией занимаются печатники, а потом справщики МПД. Развитие книгопечатания в Московской Руси и смена печатников и справщиков на МПД обуславливают изменение орфографических правил, смену этапов в развитии орфографической нормы и развитие орфографических принципов церковнославянского языка великорусского извода.

В истории становления орфографической нормы церковнославянского языка великорусского извода периода книгопечатания можно выделить четыре этапа: 1) вторая половина XVI — начало XVII в.; 2) 1620–1630-е гг.; 3) 1640-е гг.; 4) вторая половина XVII в. Со второй половины XVII в. орфографические нормы не изменяются, за исключением частных правил.

Первый этап орфографической справы начинается одновременно с возникновением книгопечатания в Московской Руси. В середине XVI в. в Москве работает анонимная типография, в 1564 г. выходит первая датированная печатная книга Апостол Ивана Федорова и Петра Мстиславца, затем в 1565 г. их же Часовник. После Ивана Федорова в Москве работают Андроник Невежа (1587–1602), Иван Невежин (1603–1611), Анисим Радишевский (1606–1610), Никита Фофанов (1609–1618), их работа завершается в период Смутного времени. Возобновляется работа МПД в 1614 г.

Второй этап начинается в начале 1620-х гг., когда на МПД появляется отдельная должность справщика, благодаря чему книжная справа приобретает систематический характер. Главными справщиками становятся Арсений Глухой и Антоний Крылов, благодаря которым справа приобретает грамматический характер.

На третьем этапе — в начале 1640-х гг. — на МПД меняется состав справщиков: вместо Арсения Глухого и Антония Крылова работают Иван Наседка, Михаил Рогов, Шестак Мартемьянов, старец Савватий и Захар Афанасьев. Даты выхода первых изданий с новой орфографической системой совпадают с началом патриаршества Иосифа (1642–1652): Псалтирь 1642 г., Службы и житие Николая Чудотворца 1643 г. и Пролог (вторая

⁴ Сравнение двух грамматик см. [Норбач 1964; Кузьмина 2007].

половина) 1643 г., поэтому эту справу можно назвать иосифовской. Именно в начале 1640-х гг. формируются основные принципы церковнославянской орфографии, которые применяются и в современное время. В орфографической справе 1640-х гг. можно выделить два направления: 1) переход от фонетического к лексико-морфологическому членению текста на слова и 2) ориентация на греческий язык. В рамках первого направления развивается позиционный принцип орфографии, в рамках второго — принцип транслитерации основ греческих лексем и принцип антистиха. Орфографические правила, выработанные в процессе книжной справы 1640-х гг., затем фиксируются в московской грамматике 1648 г.⁵, но орфографические принципы в грамматике эксплицитно не выражаются. Имплицитное существование орфографических принципов позволяет изменять и добавлять орфографические правила в последующие годы, но не отступать от установленных принципов.

Четвертый этап начинается с реформ патриарха Никона в 1653–1655 гг. В это же время меняется состав справщиков: на МПД теперь работают Евфимий Чудовский, Арсений Грек, Иосиф Белый, игумен Сергей, иеромонах Тимофей, священник Никифор, старец Моисей. Несмотря на грандиозные реформы в богослужении, на редактирование текстов и изменение грамматического строя церковнославянского языка во второй половине XVII в., в орфографии церковных книг происходят совсем небольшие изменения по сравнению с 1640-ми гг. Кардинально меняется только одно правило у дублетов ѡ/Ѡ. Остальные изменения касаются устранения ошибок и недочетов предыдущего периода, а также развития принципа антистиха, то есть добавления позиций для противопоставления омонимичных форм.

Проследим развитие орфографических принципов церковнославянского языка печатных изданий со второй половины XVI в. до середины XVII в. по разным этапам. Поскольку во второй половине XVII в. принципы церковнославянской орфографии не меняются, то орфографические изменения этого периода мы подробно рассматривать не будем⁶.

Краткая характеристика принципов

Позиционный принцип основан на противопоставлении букв и графических вариантов по отношению к позиции в слове. Это именно орфографический принцип, не равный позиционному принципу графики в современном русском литературном языке, суть которого в том, что фонемное соответствие букве может быть установлено только с учетом ее позиции. По позиционному принципу церковнославянской орфографии распределе-

⁵ Об орфографической справе 1640-х гг. см. [Кусмауль 2014].

⁶ Об этом периоде см. [Кусмауль 2013].

ние дублетных букв зависит от позиции в слове: начало/начало слова/ слога, перед гласной/согласной, в ударном/безударном положении.

Маркирующий принцип направлен на выделение с помощью маркирующего графического средства определенной грамматической формы или определенной грамматической категории. В великорусском изводе церковнославянского языка маркирование осуществлялось по категории числа и не учитывало категорию падежа.

Принцип антистиха (от *греч.* ἀντίστοιχόν — противопоставление) представляет собой противопоставление омонимичных грамматических форм. Этот принцип приходит в московскую книжность из греческого языка через югозападнорусское посредство. В греческом языке византийского периода принцип антистиха был связан с этимологией слова, например, звук [i] передавался буквами и сочетаниями букв: ι, η, ει, υ, υι, οι, что приводило к омофонии и к орфографическим ошибкам. Чтобы запомнить правописание одинаково звучащих слов, в византийском школьном обучении составлялись списки словесных пар — антистихов [Кузьмина 2001: 549]. В церковнославянском языке омонимичные грамматические формы совпадают не только по звучанию, но и по написанию. Для противопоставления грамматических и лексических омонимов в славянской традиции используются дублетные буквы и акцентные знаки. В 1640-х гг. принцип антистиха в московских изданиях осложняется принципом маркирования некоторых форм мн. ч. имен существительных, что во многом является подражанием греческой грамматике или происходит по аналогии.

Ориентация на греческий язык приводит к формированию принципа транслитерации основ греческих лексем: при передаче заимствованного слова выбирается та славянская дублетная буква, которая соответствует греческой.

Употребление одних и тех же дублетных букв может осуществляться по нескольким принципам в разных орфографических ситуациях. Орфографические принципы пересекаются и дополняют друг друга, а иногда осложняются некоторыми дополнительными правилами.

Рассмотрим сначала формирование каждого орфографического принципа по отдельности, а потом их пересечение.

Позиционный принцип

Развитие позиционного принципа в книгах церковной печати обусловлено переходом от фонетического к лексико-морфологическому членению текста на слова, постепенным освобождением от семантической и грамматической идеографичности и возникновением грамматического подхода к слову. Эволюция позиционного принципа у каждой пары дублетов происходит по-своему.

На первом этапе развития книгопечатной орфографической нормы (вторая половина XVI — начало XVII в.) основной позицией для распреде-

ления дублетных букв *ї/и* является позиция перед гласной/согласной. Приведем примеры из московского Апостола 1564 г. Ивана Федорова. Буква *ї* употребляется перед гласными (*оѣжїніѣ* 134 об.), а буква *и* перед согласными (*многїи* 135 об.). Для распределения дублетных букв *ѣ/а* и *ѡ/Ѹ* основными позициями являются начало/неначало слова/слога. Буква *ѣ* употребляется в начале слова (*ѣко* 139), изредка в начале слога (*поѣдѣтъ* 144, *надѣѣ*/ѣѣ 213), но чаще в начале слога стоит буква *а* (*поѣти* 221 об., *коѣзьнѣ* 139 об.), как и не в начале слога (*вѣѣлѣѣ* 135), то есть в позиции неначала слова независимо от других условий преимущественно употребляется буква *а*. Буква *ѡ* ставится в начале слова/слога (*ѡчїти* 8, *поѡчїшиѣ* 9), буква *Ѹ* в середине и конце слова, если это не начало слога (*рѸкѸ* 7). Исключением в отношении дублетов *ѡ/Ѹ* является Евангелие 1606 г. Анисима Радишевского, в котором в начале слова употребляется диграф *ѡѸ*, а в середине и конце слова независимо от начала/неначала слога — диграф *ѡѸ* и лигатура *Ѹ* с перевесом в сторону *ѡѸ* (80 и 20% примеров соответственно в выборке из 50 листов⁷), например: *роѸкоѸ* 52 об. и *рѸкоѸ* 51 об., *ѣѡѸ* 56 и *ѣѸ* 57, *ѡѸтъ* 60 об. и *Ѹтъ* 60 об. и др.

В распределении же дублетов *ѡ/о* у каждого печатника прослеживается своя традиция. Иван Федоров не противопоставляет начало/неначало слова с фонемой /о/ и во всех позициях ставит букву *о*: *оѣѣпї* 137, *ѣѣò*, *дòндеѣѣ* 212 об. Андроник Невежа в начале слова преимущественно печатает букву *ѡ*, а в середине и конце слова только букву *о*, например в Минее общей 1600 г.: *ѡѣразомѣ* 3, *ѡпоѡчїи* 8 об., *ѡтрокѣ* 141, *ѡчн* 324. Такой же традиции придерживается и его сын Иван Невежин, например в Триоди Цветной 1604 г., Апостоле 1606 г. Печатники Анисим Радишевский и Никита Фофанов выбирают другие системы распределения *ѡ/о*. В Евангелии 1606 г. Анисима Радишевского данные дублеты передают две фонемы /ò/ «закрытое» (*ѡ*) и /о/ «открытое» (*о*) по «украинскому» принципу, а в Минее общей 1609 г. Никиты Фофанова в середине слова присутствует sporadическое выделение буквой *ѡ* форм мн. ч. разных частей речи (подробнее о распределении дублетов *о/ѡ* в изданиях второй половины XVI — начала XVII в. см. [Кусмауль 2016а]).

На позиционный принцип в первопечатных книгах накладываются другие второстепенные принципы, поэтому возникают на первый взгляд отступления от описанного распределения. Например, буква *ѡ* иногда могла быть в середине слова, но это происходило только в заимствованных словах (прежде всего в имени *їѡѡннѣ*, в остальных словах практически не встречается). Буква *ї* печаталась перед согласными, но только в корне *-един-* как идеографическое средство передачи значения единичности (например, в Апостоле 1564 г.: *ѣдїнодѸшнѣ* 3 об., *ѣдїного* 4, *їѣдинорòднѣго* 223). При этом значимый перевес написаний *-ѣдїн-* над написанием *-ѣдїн-* наблюдается только у Ивана Федорова: Апостол 1564 г. 89,2 и 10,8% соответ-

⁷ Исследованы лл. 40–89.

венно (выборка 53 листа⁸). В последующих изданиях других печатников процент написания корня *-един-* с буквой *ї* постепенно сокращается, пока в 1640-х гг. не сводится к нулю. Например, в Апостоле 1597 г. Андроника Невежи написание корня *-един-* с буквой *ї* составляет 25,7% (выборка 61 лист⁹) от общего числа слов с этим корнем, в Минее общей 1600 г. Андроника Невежи 38,6% (выборка 101 лист¹⁰), а в Минее общей 1618 г., изданной на МПД, — 16% (выборка 135 листов¹¹); в Октоихе 1638 г. — 11,2% (выборка 45 листов¹²), а в Октоихе 1649 г. в той же выборке листов¹³ не остается ни одного примера.

На втором этапе развития орфографической нормы (1620-е гг.) у дублетов *ї/н* применение общего правила расширяется, включая запись союза *и*, печатавшегося слитно со знаменательными словами: как *ї* перед гласными, как *н* перед согласными. Например, в февральской Минее 1622 г.: *їуїкїрепї* 53 об., *нїуїкїма* 29. В это же время из позиционного противопоставления начала/начала слова исключаются дублиеты *ω/σ*, которые распределяются уже по маркирующему принципу (см. ниже). Но одновременно в это противопоставление вовлекаются дублиеты *ѣ/ѣ*, на употребление которых накладываются дополнительные ограничения. В 1620-х гг. буква *ѣ* *широкое* употребляется в основном в начале полнозначных слов (например, в февральской Минее 1622 г.: *ѣгїгїгкò* 31), тогда как в презенсе глагола *бїгї* и в связках перфекта преимущественно употребляется буква *ѣ* *узкое* (там же: *ѣгїг* 30, *бїлїз ѣгї* 31). В связи с этим процент примеров с буквой *ѣ* оказывается невысоким. Количество таких примеров в 1620–1630-х гг. постепенно увеличивается, но всё же и во второй половине 1630-х гг. лишь немногим превышает 60% (например, в февральской Минее 1622 г. — 33%, в Апостоле 1631 г. и в декабрьской Минее 1636 г. — 60,6%). Принцип распределения дублетов *ѣ/ѣ* относительно начала/начала слова реализуется на этом этапе не до конца.

На третьем этапе развития орфографической нормы (1640-е гг.) происходят различные изменения в позиционном распределении дублетов. Переход от фонетического к лексико-морфологическому членению текста на слова, постепенно осуществлявшийся в печатных книгах с начала книгопечатания [Осипов 2010: 261], в 1640-х гг. приводит к отделению пробелом служебных слов от знаменательных. Это в свою очередь активизирует внимание к позиции начала слова и к морфеме слова.

В 1640-х гг. употребление *ѣ* *широкого* распространяется на все слова с начальным *е-* (например, в декабрьской Минее 1636 г. это 60,6%, а в изда-

⁸ Исследованы лл. 3–20 об., 134–146 об., 159–165 об., 212–226 об.

⁹ Исследованы лл. 1–21, 153–167 об., 181–188 об., 241–258.

¹⁰ Исследованы лл. 1–20 об., 134–163 об., 282–332 об.

¹¹ Исследованы лл. 1–28, 179–218, 375–442.

¹² Исследованы лл. 301–345 об.

¹³ Исследованы лл. 307–352.

(п^ра^зд^нѣ^мз 4, т^рѣ^пѣ^цѣ^ѣ 7). В ударном положении лигатура ѣ появляется после слога с гласными о/ѡ (мо^лѣ^ѣ 7, б^го^мѣ^ѣд^ра^гѡ 8). На месте безударного ѡ, печатавшегося ранее в начале слога, появляется ѣ (по^ѣч^ѣх^ѣѣ^ѣ 437). Два последних случая являются графическим расподобием (избеганием повтора двух о как в контактном написании ѡѡ, так и в дистантном употреблении о и ѡ в соседних слогах).

Дублеты *ї/и* освобождаются от дополнительных правил употребления, которые существовали в предыдущие периоды. Во-первых, союз *и* одновременно с отделением от знаменательной словоформы начинает печататься единообразно независимо от последующей гласной или согласной (например, в декабрьской Минее 1636 г.: *ї*н^їп^їо^їб^їл^їн^їт^їи 1 об., *ї*ѡ^їм^їл^їн^її^їѣ 204 об., а в издании 1645 г.: *и*н^ип^ио^иб^ил^ин^ит^ии 1 об., *и*ѡ^им^ил^ин^иї^їѣ 238 об.). Во-вторых, буква *ї* перестает использоваться в sg. словоформе *їже*, которая печаталась таким образом в 1620-х гг. (см. об этом ниже), sg. и pl. словоформы печатаются теперь одинаково как *їже* (например, в февральской Минее 1622 г. sg. — *їже* 28, а в издании 1646 г. — *їже* 45). В-третьих, московские справщики не следуют указаниям грамматики Смотрицкого 1619 г. (л. 10–10 об.), в которой предлагалось использовать как исключение букву *и* перед гласными в двух случаях: 1) в префиксе *прн-* для сохранения единообразного написания данной морфемы; 2) во флексии прилагательных в форме ж. р. Р. п. ед. ч. (бл^гн^їѣ^ї ж^нї^ї) для противопоставления формам мн. ч. м. р. В. п. и ж. р. И.-В.-Зв. п. Хотя издатели грамматики 1648 г. перепечатывают это правило из грамматики 1619 г. без изменений, но на практике не соблюдают его как в самой грамматике, так и в издаваемых текстах. В результате распределение дублетов *ї/и* относительно позиции перед гласной/согласной ничем не осложняется. Это правило оказалось наиболее устойчивым в русской письменности, оно соблюдалось и в гражданской печати XVIII — начала XX в.¹⁵ вплоть до орфографической реформы 1918 г., когда буква *ї* была устранена из алфавита.

Таким образом, в 1640-х гг. позиционный принцип церковнославянской орфографии в целом формируется в том виде, в каком он существует и в церковнославянском языке Нового времени.

На четвертом этапе (вторая половина XVII в.) изменяется правило употребления дублетов ѡ^ѡ/ѣ. Справщики отказываются от сложного правила предыдущего периода и выбирают распределение относительно начала (ѡ^ѡ) / неначала (ѣ) слова, которое предлагалось в грамматике Смотрицкого 1619 г. (л. 10 об.). Таким образом, употребление дублетов ѡ^ѡ/ѣ подгоняется под принцип распределения относительно начала/неначала слова, подобно дублетам ѡ/ѡ, ѣ/ѣ, ѣ/ѣ.

¹⁵ Об орфографической регламентации в 1730-х гг. может свидетельствовать правка русского текста немецкой грамматики М. Шванвица В. Е. Адодуровым и Я. Штелином, которая касалась, в частности, «распределения букв *и* и *ї* (*ї* перед гласной, *и* в прочих случаях; этимологическое написание в заимствованных словах), *ф* и *ѣ*. (этимологический принцип) и т. п.» [Живов 2017: 996].

Маркирующий принцип

Маркирующий принцип появляется в начале 1620-х гг. и в чистом виде применяется только в 1620–1630-х гг. Этот принцип определяет употребление дублетов *ω*/о и *ї*/н в зависимости от грамматической характеристики слова, прежде всего от категории числа. Если до этого этапа распределение букв *ω*/о зависело от позиции в слове (*ω* в начале слова, о в середине и конце слова), то в 1620-х гг. употребление *ω*/о подчиняется грамматической характеристике слова (*ω* в начале и в середине pl. словоформ, о в начале и в середине sg. словоформ). Например, в Апостоле 1623 г. буква *ω* в начале sg. словоформ (*ωїи*мени 7 об., *ωбразз* 156, *ωикорєн* 154 об.) и pl. словоформ (*ωбсѣххз* 1, *ωбладдѣмз* 154 об.), а в Апостоле 1631 г. в начале sg. словоформ буква *о* (*оїи*мени 7 об. *bis*, *образз* 156, *оикорєн* 154 об.), а в начале pl. словоформ буква *ω* (*ωбсѣххз* 1, *ωбладдѣмз* 154 об.). В середине слова буква *ω* активно вводится в pl. словоформы там, где ее до этого не было. Например: в Апостоле 1623 г. было *градбвз* 9, *грѣхбмз* 10, *поглїннцы* 161 об., *икорєн* 160, *нехѡцємз* 153 об., *прѣтивльшнмєа* 243 об., а в Апостоле 1631 г. — *градωвз* 9, *грѣхωмз* 10 *пωглїннцы* 161 об., *икωрєн* 160, *нехѡцємз* 153 об., *прѣтивльшнмєа* 243 об. Буква *ω* ставится в любую морфему pl. словоформы любой части речи, где есть фонема /о/.

В sg. словоформе *иже* печатается буква *ї*, а в pl. словоформе *иже* — буква *н*, что является первым опытом снятия грамматической омонимии в Московской Руси. Такое нововведение впервые появляется в февральской Минее 1622 г., и оно связано с деятельностью справщика Арсения Глухого (подробнее об этом см. [Кусмауль 2016б]).

Норма употребления *ω*/о и *ї*/н является не строго обязательной. Например, употребление буквы *ω* в февральской Минее 1622 г. в начале слова составляет 77,8%; в середине слова — 55,6% от общего числа pl. словоформ с /о/, а в Апостоле 1631 г. в начале слова — 84%; в середине слова — 44%. Употребление буквы *ї* в sg. словоформах *иже* в февральской Минее 1622 г. составляет 92,7%, в декабрьской Минее 1636 г. — 3,2%, а в Апостоле 1631 г. таких примеров не встретилось вовсе. Кроме того, данная норма является однонаправленной: в pl. словоформах могла быть как буква *ω*, так и буква *о*, но в sg. словоформах буква *ω* не использовалась; в sg. словоформе *иже* могла быть как буква *ї* (*їже*), так и буква *н* (*нже*), но в pl. словоформе *иже* буква *ї* никогда не печаталась.

Таким образом, формируется маркирующий принцип церковнославянской орфографии, когда определенной буквой маркируется определенная форма. Следствием применения этого принципа является, во-первых, изменение оформления начала слова с фонемой /о/: о или *ω* в зависимости от числа словоформы, а во-вторых, графическое расподобление ед. ч. и мн. ч. в словоформах *иже*. Однако в том виде, в каком сложился маркирующий принцип в начале 1620-х гг., он просуществовал недолго, уже в начале 1640-х гг. от него отказываются, заменяя позиционным принципом и принципом антистиха.

Принцип антистиха

В употребление по принципу антистиха вовлекаются пары *о/ω, ε/ϕ, з/ь, н/ы* и *л/л* после шипящих, а также акцентные знаки оксия/камора. По этому принципу происходит выбор дублетной буквы или акцентного знака в середине и конце слова.

Принцип антистиха возникает в великорусских печатных изданиях в 1640-х гг. (на третьем этапе становления орфографической нормы), а во второй половине XVII в. (на четвертом этапе) дополняется новыми противопоставлениями омонимичных грамматических форм.

Введение принципа антистиха выглядит как постановка букв *ω, ϕ, ы, л, ь* на месте букв *о, ε, н, л, з*, которые были в предыдущих изданиях 1620–1630-х гг. Это происходит во вторых членах пар, данных ниже. В первых членах пар по сравнению с предыдущими изданиями изменений не происходит.

По принципу антистиха противопоставляются следующие омонимичные грамматические формы (примеры даем из декабрьской Минеи 1645 г., дополнительные источники указываются отдельно):

1) существительные м. и ср. р. Т. п. ед. ч. с флексиями *-омз, -емз* / Д. п. мн. ч. с флексиями *-омз, -емз*: добрымиз подвигомз подвижица 78 об. / њ к подвигомз 240, сна... сощемз сощмо 212 об. / стихъры ощемз 220 об.;

2) существительные м. р. И. п. ед. ч. в основе с *о, ε*, оксией / Р. п. мн. ч. в основе с *ω, ϕ*, каморой: глаголз мчнтелевз понеже превозможе 273 / њ глаголз бжественныхз сна 8, пеленамн повнбаетца лкв млденецз 130 / лнкз млденецз 442, князь нзз нды ωкдѣ 313 / њ ѡметаетз совѣты князь (Псалтирь 1645 г., л. 44);

3) адъективы и местоимения В. п. ед. ч. с флексией *-го* / Р. п. ед. ч. с флексией *-гв*: возжелѣз ѣн ѣже констнѣ сощмо 202 об. / щмо ѣннѣ 5 об., превозноите ѣго во вѣки 233 / повозвращеннѣ ѣго ѡвѣча 222;

4) краткие прилагательные ср. р. ед. ч. И.-В. п. с флексией *-о* / наречия с суффиксом *-ω*: чюдо ѡжано 221 об. / њ ѡвѣрднω зовѣщи 440;

5) причастия, прилагательные с основой на шипящий и притяжательные местоимения *нашз, башз* Т. п. ед. ч. с флексией *-нмз* / Д. п. мн. ч. с флексией *-ымз*: соблюдѣ ѡмз стѣмз жнвоущимз вназ 257 / разѡмно бытъ вѣмз жнвоущѣ во ѣрѣллимѣ 17, исполните ѣрѣллимз ѡчненемз башимз 26 / ѡвѣтованнѣ њ чдωмз башимз 20 (Апостол 1653 г.);

6) глаголы настоящего/будущего времени 1 л. мн. ч. с флексией *-емз, -нмз* / краткие страдательные причастия настоящего времени ед. ч. м. р., оканчивающиеся на *-емь, -нмь*: прѣидите видимз 397 / њмнѣз видимь бытъ 434;

7) притяжательные местоимения *нашз, башз* ед. ч. ж. р. И. п. *наша, баша* / мн. ч. м. р., ср. р., ж. р. И.-В. п. *наша, баша*: паха наша (Апостол 1653 г., л. 158 об.) / њ ѡвѣлѣвѡмз... болѣзни наша 264, прѣвѣтнѣ наша разѡмы 18 об.;

8) краткие действительные причастия м. и ср. р. ед. ч. Р. п. и В. п. с флексией *-а* / В. п. мн. ч. всех трех родов с флексией *-а*: конѧ нѣсѧдникъ вѣбѣ чернѣмъ... хѣ нѣтрѧлѣзъ ѣтъ, нѣзрѧнѧ же спѣе, побѣдѧнѣю поѣца 2 / дѣтъ тѣже прохладѧлѣ ѣнѣ ѣдно глѧнѣю поѣца 4.

По этому же принципу противопоставляются и семантические омонимы *нѣзѣкъ* ‘народ’ (греч. ἔθνος) / *нѣзѣкъ* ‘орган речи, речь, язык пламени’ (греч. γλῶσσα): ‘народ’ плѣнѣнѣшѣ ѣмоу вѣеъ нѣзѣкъ ѣнѣрѣнѣнѣн (Пролог 1643 г. л. 731) / ‘орган речи’ вѣлѣкъ нѣзѣкъ глѧкословѣнѣтъ (там же, л. 798 об.), ‘речь’ ѧще нѣзѣкѣн чѣловѣчѣскѣмн глѣю (Апостол 1644 г., л. 143 об.), ‘язык пламени’ вѣеъ ѡѣвѣ ѡгнь ѡтѣшнѣтѣлѣ снѣде нѣземлю, ѧкъ вѣндѣнѣн нѣзѣкъ (Триодъ Цветная 1648 г., л. 512 об.).

Во второй половине XVII в. (на четвертом этапе становления орфографической нормы) добавляется противопоставление семантических омонимов *мѣръ* ‘покой, спокойствие, тишина’ (греч. εἰρήνη) / *мѣръ* ‘космос, вселенная’ (греч. κόσμος): ‘покой, спокойствие, тишина’ ѡ вѣнѣшнѣмѣ мѣрѣ... гѧѣ помѡнѣмѣ (Службник 1655 г., л. 52) / ‘космос, вселенная’ ѡ мѣрѣ вѣгѣ мѣрѣ... гѧѣ помѡнѣмѣ (там же).

По принципу антистиха в церковнославянском языке противопоставляются не просто омонимичные словоформы, а именно грамматические формы. Например, у существительного *пѡдвѣнѣ* формы Т. ед. и Д. мн. противопоставляются местом ударения *пѡдвѣнѣмъ* / *пѡдвѣнѣмъ*, однако буква *ш* ставится во флексию Д. мн. *-омъ*, так как она становится признаком этой формы. Кроме того, иногда трудно найти омонимичную форму ед. ч. или другой части речи. Например, согласно церковнославянскому подкорпусу Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ)¹⁶, словоформа Д. мн. *тѣрѣждѧнѣщѣмѣ* встречается 24 раза, тогда как словоформа Т. ед. *тѣрѣждѧнѣщѣ* — ни разу; наречие *ѡтѣрѣднѣ* встречается 670 раз, тогда как краткое прилагательное *ѡтѣрѣдно* — ни разу. Местоимение *он* в форме В. п. употребляется в сочетании с предлогом. Словоформы *нѧнѣ*, *зѧнѣ*, *внѣ* (декабрьская Минея 1645 г.: *ѡповѧнѣ нѧнѣ* 367, *иконѧлѣ зѧнѣ* 254 об., *внѣ предвѣрѣнѣ* 257 об.) не омонимичны форме Р. п. *ѣгѣ* (*нѣгѣ*), однако в этой форме ставится *ш*, как и в остальных формах Р. ед. у адъективов (например, там же: *ѡ нѣгѣ провѣщѣлѣмъ* 8). Притяжательное местоимение *его* не изменяется по падежам, однако у него на конце ставится буква *ш*, так как в XVII в. это слово воспринималось как форма Р. п. (*нѣ ѡтѣроцы ѣгѣ* там же, л. 222); на формальном уровне *ѣгѣ* в последнем примере ничем не отличается от формы Р. п. личного местоимения в словосочетании *повозвѣрѣнѣнѣн ѣгѣ ѡтѣчѣ* (там же).

Итак, чтобы правильно употребить нужную дублетную букву по принципу антистиха, надо прежде всего знать грамматическую форму слова. Противопоставление форм является вторичной задачей, так как для этого иногда надо сконструировать не встречающуюся в текстах вторую проти-

¹⁶ См. <http://www.ruscorpora.ru/search-orthlib.html>.

вопоставленную форму. Таким образом, по принципу антистиха не столько противопоставляются омонимичные словоформы, сколько дается указание графическими средствами на определенную форму мн. ч. (у сущ. буквы *ω*, *Ϸ* в Д. мн., Р. мн., у прич. буква *ы* в Д. мн. и т. д.), или ед. ч. (у адъективов буква *ω* в Р. ед.), или на определенную часть речи (буква *ω* в наречиях, буква *ь* на конце причастий). Таким образом, буквы *ω*, *Ϸ*, *ь*, *л* и *ы* после шипящих и акцентный знак камора становятся признаками определенных грамматических форм и частей речи, что позволяет не задумываться о противопоставлении, а употреблять данные графические средства в нужных формах. Именно эту имплицитную особенность принципа антистиха восприняли московские справщики 1640-х гг. и распространили на другие формы, что явилось уже их маркированием.

В 1640-х гг. маркирование не представляет отдельного орфографического принципа, являясь дополнением к принципу антистиха, оно отличается от маркирования предыдущего периода. Если в 1620–1630-е гг. буквой *ω* выделялись формы мн. ч. любой части речи в любой морфеме слова (по маркирующему принципу, см. выше), то в 1640-х гг. буква *ω* устраняется из форм мн. ч., кроме форм, которые омонимичны формам ед. ч. Например, в февральской Минее 1622 г. с буквой *ω* печатались словоформы: *кωдѣмн* 33 об., *ѣнѡшѡ* (И. мн.) 34 об., 44 об., *кωбѣзплѡтными* 30, 40, *ѣспѡлнншѡ* 31 об. *bis*, *кωпѣѡцнхѡ* 44, *тѡкѡнхѡ* 105, а в издании 1646 г. эти же словоформы печатаются с буквой *о*: *кωдѡмн* 50 об., *ѣношн* 51 об., *ѣношы* 60 об., *кωбѣсплѡтными* 47, 56 об., *ѣпѡлнншѡ* 48 об. *bis*, *кωпѣѡцнхѡ* 60 об., *тѡкѡнхѡ* 142. Но буква *ω* остается в формах Р. п. и Д. п. мн. ч., где она употребляется уже по принципу антистиха (например: *ѣнѡложѣкѡ ѣнѡныѡ ѣзпѣрѣтѡлѡз* Минея 1622 г., л. II 16 — Минея 1646 г., л. 163 об.; *кѡмѣѣлннныѡ прѣѣдѣ двѡрѡмѡз* Минея 1622 г., л. II 15 об. — Минея 1646 г., л. 163 об.). Кроме того, буква *ω* остается в форме Р. п. мн. ч. у существительных ж. и ср. р., где омонимии с формами ед. ч. не возникает. То есть формы существительных ж. и ср. р. маркируются по аналогии с теми же формами существительных м. р. Маркирование формы Р. п. мн. ч. связано с ориентацией на греческий язык, начавшейся в 1640-х гг.

В греческом языке во флексии формы *gen. pl.* существительных всех трех родов употребляется буква *omega* (-ων), например: *ἀνθρώπων*, *δύρων*, *ἐλλίδων*; если флексия ударная, то над *омега* ставится обложенное ударение (-ὼν), например: *ὑραφῶν*, *υἰῶν*, *νυκτῶν*. Эти формы не омонимичны формам *nom. sg.* Московские книжники заимствуют идею выделения формы Р. п. мн. ч.: в основе и во флексии этой формы ставятся буква *ω* и/или акцентный знак каморы, которые соотносятся с греческой буквой *ω* и знаком обложенного ударения. При этом справщики расширяют графические средства по сравнению с греческим языком: по аналогии используется буква *Ϸ* *широкое*, соответствия которой нет в греческом языке. Это происходит у существительных всех трех родов, в результате чего принцип антистиха дополняется маркированием.

Приведем примеры маркированных форм Р. п. мн. ч. из декабрьской Минеи 1645 г.:

— существительные ж. и ср. р. Р. п. мн. ч. в основе с буквами *ω*, *Ϸ*, с акцентным знаком каморой: *н̄полн̄ω̄же̄тъѡ* *ц̄едр̄ω̄тъ* 362, *ѡ̄ гла̄га в̄ѡд̄ъ* 385, *ѡ̄д̄ш̄ѣ̄н̄н̄х̄ъ* *сокр̄ω̄вн̄ц̄ъ* 368, *н̄ же̄н̄ъ* *ѣ̄гол̄ѣ̄п̄ѣ̄м̄ъ* 236, *ч̄юд̄ѣ̄г̄ъ*... *под̄л̄н̄н̄* 439, *гд̄ь* *ѣ̄л̄ъ* *н̄н̄ам̄н̄* 358, *пл̄а̄ч̄ю̄щ̄н̄а* *чд̄д̄* *ѣ̄о̄н̄х̄ъ* 376;

— существительные м. р. Р. п. мн. ч. с флексией *-ωв̄ъ*, *-Ϸв̄ъ*¹⁷: *вр̄од̄ѣ̄х̄ъ* *род̄ω̄в̄ъ* 8 об., *мл̄ад̄ѣ̄н̄ц̄Ϸв̄ъ*... *мл̄н̄ω̄же̄тъѡ* 442;

— существительные ж. р., м. р. и pl. tantum Р. п. мн. ч. с флексией *-Ϸ̄н̄*: *з̄а̄пов̄ѣ̄д̄Ϸ̄н̄* 2, *ц̄ар̄Ϸ̄н̄* 222, *мо̄щ̄Ϸ̄н̄* 242.

Маркирование существительных ж. и ср. р. в основе слова (типа *ц̄едр̄ω̄тъ*) по образцу греческой грамматики долго сохраняется в текстах (вплоть до XX в.¹⁸), хотя эти примеры и являются спорадическими, чаще всё-таки подобные словоформы печатаются с буквой *о*. Эта особенность не оговаривается в грамматиках и орфографических руководствах последующих веков. Флексии *-ωв̄ъ*, *-Ϸв̄ъ* входят в норму церковнославянского языка Нового времени¹⁹, а флексия *-Ϸ̄н̄* исчезает из текстов приблизительно в середине 1670-х гг.

К форме Р. п. мн. ч. добавляются еще некоторые формы мн. ч. существительных с маркирующей буквой *Ϸ*, употребление которой не связано с греческой грамматикой:

— существительные ж. р. и pl. tantum Д. п. мн. ч. с флексией *-Ϸ̄м̄ъ*: *к̄̄* *з̄а̄пов̄ѣ̄д̄Ϸ̄* 361 об., *л̄юд̄Ϸ̄м̄ъ* 3, *д̄ѣ̄т̄Ϸ̄м̄ъ* 29 (это происходит по аналогии с той же формой существительных м. и ср. р.);

¹⁷ В грамматике Смотрицкого 1619 г. после парадигмы склонения слова *жр̄ѣ̄ц̄ъ* дан орфографический комментарий об употреблении буквы *Ϸ* во флексии формы Р. п. мн. ч. для отличия от формы краткого прилагательного на *-ѣ̄в̄ъ*: *жр̄ѣ̄ц̄ѣ̄в̄ъ* *пр̄н̄т̄я̄ж̄а̄т̄ель̄на* *н̄м̄ен̄н̄т̄ел̄ный* на *ѣ̄*. *Жр̄ѣ̄ц̄ѣ̄в̄ъ* *ѣ̄щ̄е̄т̄в̄н̄т̄ел̄на* *род̄н̄т̄ел̄ный* *мн̄*: на *Ϸ* (л. 51). Это указание опускается в грамматике 1648 г., но снова воспроизводится в переиздании 1721 г., осуществленном Федором Поликарповым (л. 47). Данное указание повторяется и в дальнейшем, например в справочнике по церковнославянской орфографии начала XX в. [Соколов 1907: 9]: Р. п. мн. ч. *ѣ̄р̄ѣ̄ѣ̄в̄ъ*, *в̄р̄л̄ч̄ѣ̄в̄ъ* / притяж. прил. *ѣ̄р̄ѣ̄ѣ̄в̄ъ*, *в̄р̄л̄ч̄ѣ̄в̄ъ*. Тем не менее употребление буквы *Ϸ* во флексии *-Ϸв̄ъ* мы не относим к принципу антистиха, поскольку, как представляется, формы прилагательных были искусственно созданными. Например, в церковнославянском подкорпусе НКРЯ прилагательные *жр̄ѣ̄ц̄ѣ̄в̄ъ*, *в̄р̄л̄ч̄ѣ̄в̄ъ* не встречаются, а прилагательное в форме *ѣ̄р̄ѣ̄ѣ̄в̄ъ* встречается 1 раз. Системных противопоставлений не возникает. А существительные с флексией *-ωв̄ъ* не противопоставляются притяжательным прилагательным. В грамматике Смотрицкого 1619 г. и в московской грамматике 1648 г. флексии *-ωв̄ъ*, *-Ϸв̄ъ* являются вариантными к нулевой флексии только у некоторых существительных, а активное распространение они получают уже в период никоновской справы, то есть после издания двух грамматик.

¹⁸ Например, в Октоихе 1906 г.: *к̄̄ω̄з̄л̄н̄ц̄ъ* 123 об., *ц̄едр̄ω̄тъ* 64, 107.

¹⁹ См., например, [Соколов 1907: 9, 12; Алипий 1991: 43–44, 46].

— существительные м. р. и pl. tantum И. п. мн. ч. с флексией *-īę*: *пѣтырѣ* 221 об., *сѣѣрѣ* 429, *лѣдѣ* 8 об. (в данном случае употребление буквы *ę* во флексии является отражением своего рода моды на букву *ę* *широкое*, которая возникла в 1640-х гг.; ср. выше об употреблении *ę* в середине и конце слова после гласных, которое связано с позиционным принципом);

— существительные м. р., ж. р. и pl. tantum II. п. мн. ч. с флексией *-ęхъ*: *вѣ днѣхъ* *днѣхъ* 222 об., *вѣ пѣснѣхъ* 17, *вѣ лѣдѣхъ* 433. Здесь буква *ę* выделяет формы мн. ч.

Итак, маркирование некоторых форм мн. ч. является дополнением принципа антистиха. Оно проходит следующее развитие: от (1) маркирования (1620–1630-х гг.) всех возможных морфем любой части речи (буквой *ω*), учитывающего только число словоформы, до (2) маркирования (1640-е гг.) только определенных грамматических форм, где учитывается число и падеж словоформы. При этом в 1620–1630-х гг. маркирование является отдельным орфографическим принципом, а в 1640-х гг. оно становится только дополнением к принципу антистиха. Характерно, что в 1640-х гг. маркирование осуществлялось только у существительных и для этого использовалась чаще буква *ę* *широкое*, чем другие графические средства.

Принцип антистиха становится одним из основных принципов распределения дублетных букв в церковнославянском языке начиная с 1640-х гг. Этот принцип становится признаком того варианта церковнославянского языка, который В. М. Живов назвал ученой разновидностью, формирующейся во второй половине XVII в. [Живов 2017: 874–887]. Реализация противопоставления омонимичных грамматических форм с помощью дублетных букв и акцентных знаков возможна только при специальной выучке, которая требует умения грамматического анализа слова. В результате эти навыки становятся собственностью справщиков МПД и критерием, определяющим элитарную книжную культуру. В Петровскую эпоху при создании «простого» языка происходит отказ от признаков книжности (см. об этом [Живов 1996: 98–124; 2017: 954–970]), куда, помимо грамматических особенностей, входит также принцип антистиха. Устранение из гражданской азбуки дублетных букв автоматически приводит к отказу от принципа антистиха, так как отсутствуют графические средства для противопоставления словоформ. Единственным наследием церковнославянского принципа антистиха в русском литературном языке Нового времени является употребление буквы *і* в корне *мір-* в значении ‘*космос, вселенная*’ в противоположность корню *мир-* в значении ‘*покой, спокойствие, тишина*’. Данное противопоставление утрачивается в 1918 г. после устранения из алфавита буквы *і*.

Принцип транслитерации основ греческих лексем

Принцип транслитерации основ греческих лексем в зачаточном виде существовал и в рукописной традиции, и в первопечатных книгах, но его

окончательное формирование приходится на 1640-е гг. После этого только добавляются новые лексемы, которые выверяются по греческому образцу: церковнославянские буквы ѡ, і, н, в/ѵ(ѵ́, ѵ́), ф, д, ѓ, Ѳ соотносятся с греческими буквами ω, ι, η, υ, φ, θ, ξ, ψ. В соответствии с этим в 1640-х гг. изменяется написание заимствованных слов. Сравним два издания одних и тех же богослужебных книг:

— декабрьская Минея 1636 г. — декабрьская Минея 1645 г.: о заменяется на ѡ: іѡна 9, 207 об. — іѡна 8, 241 об. (*греч.* Ἰωνᾱς), іѡрѡна 225 — н ѡрѡна 223 об. (*греч.* Ἀαρὼν); ф заменяется на д: ѡнѡміе 401 об. — ѡнѡміе 439 (*греч.* Ἀνθίμοϛ);

— Триодъ Цветная 1640 г. — Триодъ Цветная 1648 г.: ф заменяется на д: вѡнѡніѡ 4 об. — вѡнѡніѡ 3 (*греч.* Βηθανία); н заменяется на ѵ: ѡнѡпѡртѡнаго 589 — ѡнѡпѡртѡнаго 530 об., трѡнѡпѡртѡнаго 591 — трѡнѡпѡртѡнаго 532 (*греч.* ὑπόστασιϛ); н заменяется на і: нѡрѡніѡ 5 — нѡрѡніѡ 3 об. (*греч.* Ἰσραήλ);

— Пролог (вторая половина) 1643 г., который вышел на МПД впервые: в тексте слово печатается с буквой в *ѡѵѡміѡ 57 bis, 59 об., а на полях дана глосса под звездочкой с буквой в *ѡѵѡміѡ (*греч.* Εὐθύμοϛ).

Когда в начале XVIII в. Петр I решает устранить из азбуки буквы ѡ, ѡ, Ѳ, ф, ѓ, н, з, Ѹ, в, А. И. Мусин-Пушкин просит Федора Поликарпова объяснить, зачем нужны эти буквы (два его письма и выдержки из третьего опубликованы В. М. Живовым в [1986: 65]). Ответное письмо Федора Поликарпова В. М. Живову обнаружить не удалось, поэтому исследователь восстанавливает его позицию по этому вопросу из предисловия к «Букварю» 1701 г. [Живов 2017: 940], в котором Ф. Поликарпов требует от учеников правильного употребления букв ѓ, Ѳ, д, и ф, в соответствии с греческим написанием в словах ѓніѡ, Ѳмѡлѡз, дѡдѡрѡз, трѡфѡнѡ [Поликарпов 1701: 6–7]. Эти же мысли высказывались Ф. Поликарповым и в рукописных грамматическом трактате 1724 г. [Поликарпов 2000: 159] и «Технологии» 1725 г. [Там же: 252]. Интересно, что наличие дублетных букв в азбуке Федор Поликарпов обосновывает не принципом антистиха, а именно принципом транслитерации основ греческих лексем.

Но несмотря на то, что Петр I стремился порвать с традиционной славяно-греческой образованностью и ученой орфографией, буквы ф, в, ѓ, н, з, Ѹ были оставлены в окончательном варианте гражданской азбуки, утвержденной в 1710 г. Наличие в гражданской азбуке дублетных букв потребовало в дальнейшем их регламентации. Это осуществилось в нормализаторской деятельности академических переводчиков. Так, например, В. Е. Адодуров, подвергая правке русский текст немецкой грамматики М. Шванвица в 1734 г., употребляет буквы і/н и ф/д, в соответствии с принципом транслитерации греческих лексем²⁰ (В. М. Живов называет это этимологическим

²⁰ Кроме того, В. Е. Адодуров в этой грамматике устанавливает употребление *i* перед гласной, *u* в прочих случаях [Живов 2017: 996], что соответствует распределению этих букв в церковнославянском языке по позиционному принципу (см. выше сн. 15).

принципом), что затем входит в практику Академии наук [Живов 2017: 996]. Таким образом, принцип транслитерации основ греческих лексем имманентно сохраняется и в гражданской орфографии XVIII — начала XX в. После постепенного исчезновения из русской азбуки букв ѣ, ѵ и устранения букв і и ѱ в 1918 г. данный принцип перестает действовать, однако в современной орфографии существует специальный раздел, регулирующий написание заимствованных слов, хотя это осуществляется уже и по другим принципам.

Принцип распределения акцентных знаков

Правила, по которым распределяются акцентные знаки, заимствуются славянскими книжниками из греческого языка: гравис (вария) ставится над последним слогом (в церковнославянском языке это оказывается последний неприкрытый слог), акут (оксия) — в остальных случаях. Особая ситуация возникает с облеченным ударением (каморой), изменения в употреблении которого происходят на всех четырех этапах становления орфографической нормы. Подробнее об эволюции функций знака каморы в изданиях второй половины XVI — первой половины XVII в. см. [Кусмауль 2017]. Кратко опишем эти этапы.

На первом этапе (вторая половина XVI — начало XVII в.) вариативными оказываются знаки каморы и вари́и или каморы и отсутствие акцентного знака над односложными словами и словоформами, оканчивающимися на гласную (например, *вѣи* и *вѣи̑*, *что* и *чѣо* и др.).

На втором этапе (1620-е гг.) эта вариативность сменяется однозначным распределением относительно признака «количества» гласных, искусственно введенного в грамматику и тексты по модели греческого языка. Этот признак не имеет реального фонетического смысла в церковнославянском языке. Над условно «долгими» гласными (*и*, *ы*, *ѣ*, *а*, *оу*, *Ѹ*) ставится камора, а над условно «краткими» гласными (*ѣ*, *о*) — вари́я, то есть слова и словоформы *вѣи̑*, *лѣи̑*, *ѣи̑*, *ѣы̑*, *лѣы̑*, *ѣы̑*, *лѣѣ̑*, *гѣѣ̑*, *злѣ̑*, *ѣѣ̑*, *ѣлѣ̑*, *ѣѸ̑* и некоторые другие печатаются с каморой, а словоформы *вѣѣ̑*, *ѣѣ̑*, *кѣѣ̑*, *чѣѣ̑*, *ѣѣ̑*, *нѣ̑* — с вари́ей. В 1620-х гг. это распределение затрагивает только односложные слова с открытым слогом, что не является точной копией греческой акцентной системы, но соотносится с ней классификацией гласных по признаку количества.

На третьем этапе (конец 1630-х — первая половина 1640-х гг.) распределение акцентных знаков относительно «долготы/краткости» ударной гласной распространяется и на неодносложные слова. Правила грамматик о распределении акцентных знаков над неодносложными словами берут за основу греческую акцентную систему: камора ставится над последним или предпоследним «долгим» ударным слогом, если рядом находятся «краткие» слоги (например, *ѣмоу̑*, *родѣвѣ̑*, *вѣвѣ̑ше̑*, *зѣвоу̑ѣ̑*, *ѣѣ̑ѣ̑ѣ̑*). Если эти ус-

ловия не соблюдаются, то ставятся вария или оксия (прѣимнѣ, моѣгѣ, про-
ндѣгѣ, гѣдѣннѣѣ). В связи с этим над «долгими» гласными вариативными
оказываются оксия/камора в середине слова и вария/камора над конечной
неприкрытой гласной, но не в одной и той же словоформе, а в разных. На-
пример, моѣгѣ, но ѡѣгѣши, вогѣгѣхъ, но прѣгѣжнѣѣ. При этом на практи-
ке могли быть и отступления от правил грамматик (например, в словах
нѣмѣѣ, нѣн, в которых камора стоит над «долгим» гласным, находящимся
рядом с «долгим», а не «кратким» гласным; или в слове чѣдо, где буква ю
не относится ни к «долгим», ни к «кратким» гласным).

Подражательная система не может долго существовать в текстах. Упо-
требление каморы, обусловленное этими искусственными правилами, ис-
чезает из текстов уже в конце 1640-х гг. Однако в церковнославянском
языке сохраняется позиция для каморы в Р. п. мн. ч. существительных, где
она употребляется по аналогии с греческим языком. Принцип подражания
греческой акцентной системе в употреблении каморы сменяется принци-
пом антистиха (см. выше), который применяется на четвертом этапе во
второй половине XVII в.

Пересечение принципов церковнославянской орфографии

В результате применения разных принципов орфографии у некоторых
дублетных букв существуют разные правила их употребления, иногда про-
тиворечащие друг другу. Например, дублеты ѣ/ѣ и ї/н не используются
для противопоставления омонимичных грамматических форм, основным
принципом их распределения является позиционный принцип. Но дублеты
ѣ/ѣ в начале слова используются для различения семантических омонимов
ѣзыкъ 'народ' / ѣзыкъ 'орган речи, речь, язык пламени', поэтому у букв
ѣ/ѣ возникает дополнительное правило, применяющееся только к двум
лексемам и производным от них. Иначе говоря, буква ѣ в начале слова
становится маркером корня с определенным значением. Это дополнитель-
ное правило противоречит основному правилу, согласно которому буква ѣ
должна стоять только в середине и конце слова. Дублеты же ї/н употре-
бляются, помимо позиционного принципа, еще и по принципу транслитера-
ции основ греческих лексем и для различия семантических омонимов: бук-
ва ї ставится перед согласными в заимствованных словах и в корне мѣр-
в значении 'космос, вселенная', что противоречит общему правилу «ї перед
гласными».

Дублетные буквы ѡ/о/ѡ и ѣ/ѣ распределяются в соответствии с разны-
ми принципами. Согласно позиционному принципу дублеты распределя-
ются относительно начала (ѡ, ѣ) / неначала (о, ѣ) слова. У дублетов ѣ/ѣ
к этому распределению в начале 1640-х гг. добавляется графическое рас-
подобление (употребление ѣ в середине и конце слова после гласных ї, о, ѣ).
Распределение же дублетов ѡ/о осложняется ограничением: буква ѡ ис-

пользуется только в начале корня, тогда как префиксы (и предлоги) *о*, *об* оформляются с помощью буквы *ѡ*.

Распределение дублетов *о/ѡ* и *ѣ/ѣ* не в начале слова строится по принципу антистиха: буквы *о*, *ѣ* употребляются в формах ед. ч., а буквы *ѡ*, *ѣ* — в формах мн. ч., омонимичных формам ед. ч. К этим дублетным буквам присоединяется противопоставление акцентных знаков оксии (вари) / каморы. Кроме того, буквы *о*, *ѣ* и акцентные знаки оксия и вари ставятся в формах мн. и дв. ч., не омонимичных формам ед. ч. Другими словами, буквы *о*, *ѣ*, знаки оксия и вари являются основными графическими средствами передачи фонемного состава церковнославянского слова и выделения ударного слога в нем, а буквы *ѡ*, *ѣ* в середине слова и знак ударения камора — маркирующими графическими средствами. В середине слова распределение дублетов *о/ѡ* может также зависеть от принципа транслитерации основ греческих лексем: буква *о* ставится на месте греческой буквы *ο* *омикрон*, буква *ѡ* — на месте греческой буквы *ω* *омега*.

Основной функцией букв *ѣ/ь* после падения редуцированных становится обозначение твердости/мягкости согласных на конце слова, кроме того, иногда в середине слова буква *ь* ставится после мягких согласных, а буква *ѣ* во второй половине XVI — XVII в. ставилась на стыке морфем после твердых согласных. Употребление этих букв по принципу антистиха на конце слова противоречит основному принципу их употребления. Постановка буквы *ь* после твердой согласной *м* на конце причастий изменяет затем произношение слова, что противопоставляет омонимичные формы не только на уровне орфографии, но и на уровне фонетики.

После шипящих по традиционному принципу печатались в основном буквы *и* и *ѧ*. Произношение букв *и/ы* и *ѧ/ѧ* после шипящих не различается, что дает возможность использовать эти пары для противопоставления омонимичных грамматических форм. Однако употребление букв *ы* и *ѧ* после шипящих является нарушением традиционного принципа церковнославянской орфографии.

Таким образом, распределение разных дублетных букв подчиняется следующим принципам:

- *ѡ/ѡ* позиционному принципу,
- *ѧ/ѧ* позиционному принципу и принципу антистиха (противопоставления семантических омонимов),
- *ѣ/н* позиционному принципу, принципу антистиха и принципу транслитерации греческих основ (в этом принципе к паре *ѣ/н* добавляется еще буква *ѣ*),
- *ѡ/о/ѡ* позиционному принципу с добавлением противопоставления начала морфем, принципу антистиха, принципу транслитерации греческих основ,
- *ѣ/ѣ* позиционному принципу и принципу антистиха,
- *ѣ/ь* традиционному принципу и принципу антистиха,

— н/ы и л/ѡ после шипящих традиционному принципу и принципу антистиха,

— ф/ѡ, кс/ѣ, пс/ѡ принципу транслитерации греческих основ.

Особое отношение возникает между буквами з/з. Буква з употребляется только в начале слов зѣло, зѡ, змиѡ/змиѡ, зѣлѣ, зѣбрь, зѣзда и их однокоренных, что делает эту букву маркером определенной семантики корневой морфемы. А буква з является основным графическим средством для передачи фонемы /з/.

Акцентные знаки оксия и вария распределяются относительно позиции ударной гласной: над последней неприкрытой гласной ставится вария, в остальных случаях — оксия. Распределение оксии (варии) и каморы подчиняется принципу антистиха.

Знание о принципах церковнославянской орфографии и их пересечении позволяют прогнозировать выбор дублетной буквы и акцентного знака в слове. Современный носитель русского языка при создании церковнославянских текстов отталкивается прежде всего от русского алфавита, который вырос из созданной в начале XVIII в. гражданской азбуки. Продемонстрируем механизм перехода с гражданской орфографии на церковнославянскую орфографию. Основные принципы записи слов, не предоставляющие выбора, — это фонематический и традиционный. Остальные орфографические принципы предоставляют выбор графических средств. Например, дано слово *отец*. Согласно фонематическому и традиционному принципам орфографии графическая запись слова церковнославянскими буквами с учетом выбора будет следующей: Ѡ/ѡ/ѡтѣ/ѣ/ѣцѣ. По позиционному принципу в начале слова выбираем букву Ѡ *широкое*, так как это начало корня, а не префикс. Чтобы выбрать написание в середине слова, надо знать грамматическую характеристику слова, то есть применить принцип антистиха. Если это форма И. п. ед. ч., то выбираем букву ѣ с оксией (Ѡтѣцѣ). Если это форма Р. п. мн. ч., то возможен выбор между ѣ *узким* с каморой и ѣ *широким* с оксией (Ѡтѣцѣ или Ѡтѣцѣ). В данном случае выбор зависит от предпочтений справщика. В церковных изданиях XVII–XX вв. встречаются оба варианта. Или, например, словоформа *творити*. Церковнославянская графика предлагает такую вариативную запись: тѡо/ѡрн/ѣтн. По позиционному принципу буква ѡ *широкое* не может стоять в середине слова и буква ѣ находится перед согласными, поэтому получаем запись тѡорѣтн.

Возьмем словоформу *иссопом*. По фонематическому, традиционному и позиционному принципам возможна запись ѣ/ѣ/ѣсо/ѡпо/ѡмѣ. Знание того, что это слово заимствовано из греческого языка, позволяет сделать выбор по принципу транслитерации основ греческих лексем между тремя начальными буквами в пользу буквы ѣ, которая соответствует греческой букве ѡ, и в середине слова между буквами ѡ и ѡ в пользу буквы ѡ, которая соответствует греческой букве ѡ (ἴσσοπος). Выбор между ѡ и ѡ во флексии осуществляется согласно принципу антистиха: если это форма Т. п. ед. ч.,

вуют три принципа: позиционный, антистиха и транслитерации. Если слово заимствованное, то для выбора нужной буквы необходимо знать правописание греческого образца. Если слово не заимствованное, то смотрим, нужно ли применять принцип антистиха, то есть не является ли это одной из грамматических форм или частей речи, которые необходимо выделить (см. список выше). Если же такой необходимости нет, то по позиционному принципу выбираются буквы ѡ, ѧ, Ѣ, ѣ, а также по традиционному принципу буквы и, л после шипящих и буква з на конце слова после твердых согласных.

Вывод

Подведем итог становления принципов церковнославянской орфографии в период книгопечатания. На первом этапе развития орфографической нормы — во второй половине XVI — начале XVII в. — основным принципом распределения дублетных букв является позиционный принцип (начало/нена начало слова/слога и перед гласной/согласной); иногда применяется идеографическая передача значения единичности в корне *-един-*. На втором этапе развития нормы — в 1620–1630-х гг. — к позиционному принципу добавляется принцип маркирования, от которого потом отказываются в 1640-х гг. На третьем этапе — в 1640-х гг. — позиционный принцип изменяется у некоторых дублетов и дополняется ударной/безударной позицией. В это же время формируются принцип транслитерации греческих основ и принцип антистиха с маркирующим дополнением. Этот этап является основным, когда закладываются принципы орфографии церковнославянского языка, определившие его орфографическую систему в Новое время. На четвертом этапе — во второй половине XVII в. — в рамках уже заложенных принципов изменяется употребление дублетов ѡ/ѡ по позиционному принципу, добавляются новые позиции противопоставления в рамках принципа антистиха, выверяются новые лексемы по греческому образцу.

Дублетные буквы употребляются по разным принципам, поэтому у одной буквы может быть много различных правил употребления. Эти правила требуют знания орфографии греческого языка и умения делать грамматический анализ словоформы.

Принципы орфографии, введенные в стандартный книжный язык в середине XVII в., создают ученую разновидность традиционного книжного языка, от которой потом отказываются в Петровскую эпоху. Создание гражданского алфавита и отказ от некоторых дублетных букв приводит к отказу и от ученой орфографии, которая тем не менее продолжает существовать в книгах церковной печати до настоящего времени. В гражданской орфографии XVIII — начала XX в. от церковнославянского наследия сохраняется несколько правил: употребление буквы і перед гласными и в корне *-мір-* (в значении *'космос'*), а также распределение букв і/и и ф/ѣ в заимствованных словах в соответствии с орфографией языка-источника.

Источники**Старопечатные книги**

Апостол, Москва, Иван Федоров, 1 марта 1564. РГБ НИОРК, 2°, 8-й экз., инв. № 6233.

Апостол, Москва, Андроник Тимофеев Невежа, 1597. РГБ НИОРК, 2°, 3-й экз., инв. № 1362.

Апостол, Москва, Иван Андроников Невежин, 1606. РГБ НИОРК, 2°, 3-й экз., инв. № 1365.

Апостол, Москва, Печатный двор (печ. Иосиф Кириллов), 1623. РГБ НИОРК, 2°, 2-й экз., инв. № 4468.

Апостол, Москва, Печатный двор, 1631. 2°. РГБ НИОРК, 3-й экз., инв. № 3957.

Апостол, Москва, Печатный двор, 1644. 2°. РГАДА, БМСТ/СПК 34.

Апостол, Москва, Печатный двор, 1653. 2°. РГБ НИОРК, 3-й экз., инв. № 4078.

Евангелие, Москва, Анисим Михайлов Радишевский, 29.VI.1606. РГБ, НИОРК, 2°, 3-й экз., инв. № 2241 (лл. 40–89, всего 50 листов).

Миняя общая, Москва, Андроник Тимофеев Невежа, 19.VIII.1600. РГБ НИОРК, 2°, 4-й экз., инв. № 1906.

Миняя общая, Москва, Никита Федоров Фофанов, 6.XI.1609. РГБ НИОРК, 2°, 3-й экз., инв. № 2347.

Миняя общая, Москва, Печатный двор (печ. Иосиф Кириллов), 1618. РГБ НИОРК, 4°, 3-й экз., инв. № 2861.

Миняя служебная, декабрь, Москва, Печатный двор, 1636. РГБ НИОРК, 2°, 6-й экз., инв. № 4073.

Миняя служебная, декабрь, Москва, Печатный двор, 1645. РГАДА, БМСТ/СПК 676, 2°.

Миняя служебная, февраль, Москва, Печатный двор, 1622. ГИМ. Син. печ. № 50, 2°.

Миняя служебная, февраль, Москва, Печатный двор, 1646. РГБ НИОРК, 2°, 2-й экз., инв. № 2156.

Октоих, Москва, Печатный двор, 1638. Часть 2 (гласы 5–8). РГБ НИОРК, 2°, 3-й экз., инв. № 4668.

Октоих, сиречь Осмогласник. С 1-го гласа по 4-й. М.: Синодальная типография, 1906.

Октоих, Часть 2 (гласы 5–8), Москва, Печатный двор, 1649. РГБ НИОРК, 2°, 2-й экз., инв. № 1833.

Пролог, 2-я половина (март—август), в 2-х частях, Москва, Печатный двор, 6.XII.1643 (издание А). РГБ НИОРК, 2°, 1 часть (март—май) — 5-й экз. инв. № 8454, 2 часть (июнь—август) — 2-й экз., инв. № 2595.

Псалтирь, Москва, Печатный двор, 31.XII.1642. РГБ НИОРК, 4°, 1-й экз., инв. № 4968.

Псалтирь, Москва, Печатный двор, 6.XII.1645. РГБ НИОРК, 4°, 6-й экз., инв. № 8930.

Службы и житие Николая Чудотворца, Москва, Печатный двор, 7.VIII.1643. РГБ НИОРК, 4°, 6-й экз., инв. № 9162.

Служебник, Москва, Печатный двор, 1655. 4°. [Электронный ресурс:] <http://old.stsl.ru/manuscripts/staropechatnye-knigi/21>.

Триодъ Цветная, Москва, Иван Андроников Невежин, 30.VIII.1604. РГБ НИОРК, 2°, 5-й экз., инв. № 1911.

Триодъ Цветная, Москва, Печатный двор, 1640. РГБ НИОРК, 2°, 3-й экз., инв. № 3360.

Триодъ Цветная, Москва, Печатный двор, 1648. РГАДА, БМСТ/СПК, 1823, 2°.

Г р а м м а т и к и

Лаврентий Зизаний. Грамматика словеника *Сзвершѣннѣ искѣства ѡбѣи члстѣи глѡба, ѡ ѡныи нѣднѣи*. Вильно, 1596.

Мелетий Смотрицкий. Грамматика Славѣника прѣвнлноѣ Сѣнтагма. Евѣе, 1619.

Грамматика. М.: Печатный двор, 1648.

Грамматика *Син734* — рукописная анонимная грамматика, М., примерно конец 1620 — начало 1630-х гг. ГИМ, Синодальное собрание, № 734, 4°, лл. 1–102.

Грамматика. М.: Печатный двор, 1721.

Л и т е р а т у р а

Алипий 1991 — А л и п и й (Г а м а н о в и ч), и е р о м о н а х. Грамматика церковно-славянского языка. М.: Паломник, 1991.

Гальченко 2000 — М. Г. Г а л ь ч е н к о. О времени появления и характере распространения ряда графико-орфографических признаков второго южнославянского влияния в древнерусских рукописях конца XIV — первой половины XV вв. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. Сборник статей. М.: Древлехранилище, 2000. С. 123–152.

Живов 1986 — В. М. Ж и в о в. Азбучная реформа Петра I как семиотическое преобразование // Труды по знаковым системам. Вып. 19. Тарту, 1986. С. 54–67 (= Ученые записки Тартуского университета. Вып. 720).

Живов 1996 — В. М. Ж и в о в. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Живов 2017 — В. М. Ж и в о в. История языка русской письменности: В 2 т. М.: Русский фонд содействия образованию и науки, 2017.

Запольская 2010 — Н. Н. З а п о л ь с к а я. Неизвестная грамматика церковно-славянского языка XVII в. // *Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij*. Napoli, 2010. С. 267–282.

Кузьминова 2001 — Е. А. К у з ь м и н о в а. Антистих // Православная энциклопедия. Т. II. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. С. 549–552.

Кузьминова 2007 — Е. А. К у з ь м и н о в а. Предисловие. Научный комментарий // Грамматика 1648 г. / Предисл., науч. коммент., подгот. текста и сост. указателей Е. А. Кузьминовой. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 3–5, 495–612.

Кусмауль 2013 — С. М. К у с м а у л ь. Нормализация употребления дублетных букв по принципу антистиха в процессе книжной sprawy середины XVII в. // Русский язык в научном освещении. 2013. № 1 (25). С. 223–243.

Кусмауль 2014 — С. М. Кусмауль. Книжная справа 1640-х гг. // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. Vol. 3. № 1. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 72–101.

Кусмауль 2016а — С. М. Кусмауль. Эволюция принципов употребления буквы *w* во второй половине XVI века — первой половине XVII века // Fontes Slavica Orthodoxa: Сборник научных статей / Под ред. Е. А. Потехиной и А. Г. Кравецкого. Olsztyn, 2016. С. 89–134.

Кусмауль 2016б — С. М. Кусмауль. Анонимная грамматика XVII в. и книжная справа 1620-х гг. // Русский язык в научном освещении. 2016. № 1 (31). С. 227–248.

Кусмауль 2017 — С. М. Кусмауль. Эволюция функций знака каморы в богослужебных изданиях конца XVI — первой половины XVII в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология. Вып. 51. М., 2017. С. 21–47.

Кусмауль 2018 — С. М. Кусмауль. Становление орфографических норм церковнославянского языка во второй половине XVI — первой половине XVII в. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2018.

Левшенко 2015 — Т. А. Левшенко. Графико-орфографическая система богослужебных книг: Справочные материалы и методические рекомендации. Буквы *ѡ*, *ѣ* // Журнал Московской Патриархии. 2015. № 6. С. 92–95.

Николенкова 2017 — Н. В. Николенкова. Московская орфография в рукописных и печатных текстах 1650–1660 гг. К вопросу о югозападнорусском влиянии // Die Welt der Slaven. Beiträge zum 20. Arbeitstreffen der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav). Т. 62. 2017. С. 109–114.

Николенкова 2018 — Н. В. Николенкова. Употребление прописной буквы в практике письма на фоне формирования орфографической нормы в XVII веке // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2018. № 6. С. 3–10.

Осипов 2010 — Б. И. Осипов. Судьбы русского письма: История русской графики, орфографии и пунктуации: монография. М.: Ин-т русского языка РАН; Омск: ИЦ «Омский научный вестник», 2010.

Поликарпов 1701 — [Ф. П. Поликарпов]. Книга букварь славянскими, греческими, римскими писменами, учиться хотящим, и любомудрие в пользу душеспасительную обрести тщашься. М.: Печатный двор, 1701.

Поликарпов 2000 — Ф. Поликарпов. Технологія. Искусство грамматики / Издание и исследование Е. Бабаевой. СПб.: ООО «ИНАПРЕСС», 2000.

Соколов 1907 — Д. Д. Соколов. Справочная книжка по церковнославянскому правописанию. СПб., 1907.

Успенский 2002 — Б. А. Успенский. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд. М., 2002.

Ягич 1895 — И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. (Исследования по русскому языку). Т. 1. Отд. вып. СПб., 1885–1895.

Horbatsch 1964 — O. Horbatsch. Die vier Ausgaben der kirchenslavischen Grammatik von M. Smotryc'kyj. Wiesbaden, 1964.

Статья получена 28.03.2019

Svetlana M. Kusmaul
Russian state University for the Humanities
(Moscow, Russia)
kusmauls@yandex.ru

FORMATION OF THE PRINCIPLES OF CHURCH SLAVONIC SPELLING IN THE 17th CENTURY

The article describes the formation of the principles of Church Slavonic spelling in the first half of the 17th century. From the beginning of book printing to the end of the 17th century, standard bookish spelling went through four stages of development. Spelling principles which define the orthographic appearance of the modern Church Slavonic language were mainly formed in the 1640s, during the reign of Patriarch Joseph (1642-1652). In mid-17th century, the application of the principle of “antistikh” (orthographic differentiation of homonyms), the principle of transliterating stems of Greek lexemes, and the positional principle changed Church Slavonic spelling and formed a learned variety (in the terminology of V. M. Zhivov) of the standard book language. These principles determine the choice of doublet letters at the beginning / in the middle and at the end of a word in originally Slavonic lexemes as well as in lexemes borrowed from Greek. Sometimes different principles in some parts of the graphic system overlap, which creates conditions for variation. The choice of the correct doublet letter is made according to the grammatical characteristics of the word. As a result of the changes which occurred in the 1640s, spelling of the “learned” book language began to differ from the spelling of handwritten Church Slavonic texts. Some spelling rules and principles of the Church Slavonic language were also transferred into secular spelling, which began to form after Peter the Great’s reform of the alphabet.

Keywords: principles of Church Slavonic spelling, principle of “antistikh” (orthographic differentiation of homonyms), history of spelling, Patriarch Joseph.

References

- Alipiy (Gamanovich). (1991). *Grammatika tserkovno-slavyanskogo yazyka*. Moscow: Palomnik.
- Galchenko, M. G. (2000). O vremeni poyavleniya i kharaktere rasprostraneniya ryada grafiko-orfograficheskikh priznakov vtorogo yuzhnoslavyanskogo vliyaniya v drevne-russkikh rukopisyakh kontsa XIV — pervoy poloviny XV vv. In *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka* (pp. 123–152). Moscow: Drevlekhranilishche.
- Horbatsch, O. (1964). *Die vier Ausgaben der kirchenslavischen Grammatik von M. Smotryc'kyj*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Kusmaul, S. M. (2013). Normalizatsiya upotrebleniya dubletnykh bukv po printsipu antistikh v protsesse knizhnoy spravy serediny XVII v. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 223–243.
- Kusmaul, S. M. (2014). Knizhnaya sprava 1640-kh gg. *Slověne. International Journal of Slavic Studies*, 3(1), 72–101.
- Kusmaul, S. M. (2016). Evolyutsiya printsipov upotrebleniya bukvy w vo vtoroy polovine XVI veka — pervoy polovine XVII veka. In E. A. Potekhina, & A. G. Kravetsky (Eds.), *Fontes Slavia Orthodoxa* (pp. 89–134). Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego.

- Kusmaul, S. M. (2016). Anonimnaya grammatika XVII v. i knizhnaya sprava 1620-kh gg. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 227–248.
- Kusmaul, S. M. (2017). Evolyutsiya funktsiy znaka kamory v bogoslužhebnykh izdaniyakh kontsa XVI — pervoy poloviny XVII v. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya III: Filologiya*, 51, 21–47.
- Kusmaul, S. M. (2018). *Stanovlenie orfograficheskikh norm tserkovnoslavyanskogo yazyka vo vtoroy polovine XVI — pervoy polovine XVII v.* (doctoral dissertation). Moscow.
- Kuzminova, E. A. (2001). Antistikh. In *Pravoslavnaya entsiklopediya* (Vol. 2, pp. 549–552). Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya.
- Kuzminova, E. A. (Ed.). (2007). *Grammatika 1648 g.* Moscow: MGU.
- Levshenko, T. A. (2015). Grafiko-orfograficheskaya sistema bogoslužhebnykh knig: Spravochnye materialy i metodicheskie rekomendatsii. Bukvy n, w. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii*, 6, 92–95.
- Nikolenkova, N. V. (2017). Moskovskaya orfografiya v rukopisnykh i pechatnykh tekstakh 1650–1660 gg. K voprosu o yugozapadnorusskom vliyani. *Die Welt der Slaven. Beiträge zum 20. Arbeitstreffen der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav)*, 62, 109–114.
- Nikolenkova, N. V. (2018). Upotreblenie propisnoy bukvy v praktike pis'ma na fone formirovaniya orfograficheskoy normy v XVII veke. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly*, 6, 3–10.
- Osipov, B. I. (2010). *Sud'by russkogo pis'ma: Istoriya russkoy grafiki, orfografii i punktuatsii*. Moscow: In-t russkogo yazyka RAN; Omsk: Omskiy nauchnyy vestnik.
- Babaeva, E. (Ed.). (2000). *F. Polikarpov. Tekhnologia. Iskustvo grammatiki*. St. Petersburg: INAPRESS.
- Sokolov, D. D. (1907). *Spravochnaya knizhka po tserkovno-slavyanskomu pravopisaniyu*. St. Petersburg.
- Uspenskiy, B. A. (2002). *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI—XVII vv.)* (3rd ed.). Moscow: Aspekt Press.
- Yagich, I. V. (1885–1895). *Rassuzhdeniya yuzhnoslavyanskoy i russkoy stariny o tserkovnoslavyanskom yazyke. (Issledovaniya po russkomu yazyku)* (Vol. 1). St. Petersburg.
- Zapolskaya, N. N. (2010). Neizvestnaya grammatika tserkovnoslavyanskogo yazyka XVII v. In S. Bertolissi, & R. Salvatore (Eds.), *Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij* (pp. 267–282). Napoli: M. D'Auria Editore.
- Zhivov, V. M. (1986). Azbuchnaya reforma Petra I kak semioticheskoe preobrazovanie. *Trudy po znakovym sistemam*, 19, 54–67.
- Zhivov, V. M. (1996). *Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
- Zhivov, V. M. (2017). *Istoriya yazyka russkoy pis'mennosti*. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo.

Received on March 28, 2019

В. М. КРУГЛОВ

Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)
vmkruglov@yandex.ru

**ИЗ ИСТОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНОГО ПОДЧИНЕНИЯ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
ПОВТОР СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО ПРИ МЕСТОИМЕНИИ
КОТОРЫЙ В ТЕКСТАХ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ ***

Статья посвящена проблеме формирования новых норм русского литературного языка в начале XVIII в. На материале четырех текстов, напечатанных гражданским шрифтом в 1709–1726 гг., исследуется употребление синтаксической конструкции с повтором существительного при относительном местоимении *который* в постпозитивных придаточных предложениях. Как показывает анализ материала, в текстах, в разной степени демонстрирующих признаки простого церковнославянского языка, данный канцеляризм встречается существенно реже, чем в тех, что ориентированы на новые языковые нормы. В рассматриваемый период определенную поддержку употреблению повтора оказывают переводы с латинского языка, в котором аналогичные конструкции были представлены достаточно широко и имели ту же стилистическую окраску.

Ключевые слова: русский язык, история русского литературного языка, исторический синтаксис, относительное подчинение, Петровская эпоха.

**1. Вводные замечания:
объект исследования и задачи работы**

Настоящее исследование посвящено постпозитивным придаточным предложениям с местоимением *который*, где при местоимении повторяется существительное из главного предложения, а само местоимение согласуется с этим существительным в роде, числе и падеже. Данная конструкция¹,

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 16-04-00385-ОГН-А «Эволюция норм русского литературного языка в эпоху Петра I (на материале газеты “Ведомости” 1703–1719 гг.)».

¹ В научной литературе ее принято называть «повторением определяемого имени» [Коротчаева 1964: 57; Троицкий 1968: 150], либо атрибутивным употреблением местоимения *который* [Зализняк, Падучева 1979: 293].

получив распространение в приказном языке XVI–XVII вв. и став характерным признаком этого языка, продолжала употребляться в текстах, относящихся к первому десятилетию XVIII в. Поэтому ее история может пролить свет на роль канцелярской традиции в процессе образования новых норм русского литературного языка и, шире, — на механизм формирования русского литературного языка нового типа.

В дальнейшем изложении рассматриваемый тип предложений будет условно обозначаться терминами «повтор» и «конструкция с повтором». Близкие к нему по значению и структуре явления, такие, например, как повтор существительного при других местоимениях, повтор существительного в препозитивном придаточном, разновидность повтора с отсылкой к существительному и т. п., могут тоже обозначаться термином «повтор», но при этом обязательно снабжаются уточнениями: «повтор в препозиции», «повтор при местоимении *кой*», «собственно повтор» и т. п.

Цель настоящего исследования — проследить закономерности употребления повтора в текстах петровского времени, напечатанных гражданским шрифтом, так как именно здесь новые нормы литературного языка должны были прежде всего найти свое непосредственное воплощение. В заключительной части статьи будут последовательно рассмотрены несколько типичных условий использования повтора в русском языке первых десятилетий XVIII в. Это, во-первых, его употребление в оригинальном тексте, язык которого ориентирован на нормы нового литературного языка, еще только находившегося в стадии формирования. Во-вторых, в оригинальном тексте светской тематики, написанном на гибридном церковно-славянском языке, — письменной традиции, для которой употребление конструкции с повтором было не характерно. В-третьих, в переводном тексте, оригинал которого не содержал синтаксических конструкций, сходных по структуре с повтором. И наконец, в-четвертых, в переводном тексте, иноязычный оригинал которого подобные конструкции, напротив, широко демонстрировал и который, следовательно, мог оказывать определенное влияние на синтаксис русского перевода. С этой целью были привлечены следующие источники: «Рассуждение» П. П. Шафирова о причинах войны со Швецией (СПб., 1717); составленное преподавателями Славяно-греко-латинской академии издание «Политиколепная апофеосис» — описание триумфальных врат, построенных к торжественному входу войск в Москву после Полтавской битвы (М., 1709) [Быкова, Гуревич 1955: 96]; «Краткое описание о войнах из книг Цезариевых» Анри де Роана (М., 1711) — извлечения из «Комментариев о Галльской войне» Юлия Цезаря, переведенные с французского языка на русский Б. Волковым [Там же: 117–118]; трактат «О должности человека и гражданина по закону естественному» С. Пуфендорфа (СПб., 1726) — перевод с латинского языка, выполненный И. Кречетовским и отредактированный Г. Бужинским [Пекарский 1862: 139].

2. Общая характеристика конструкции с повтором

2.1. Структурные типы и семантика

Наличие повтора существительного при местоимении *который* в постпозитивном придаточном предложении придает последнему большую самостоятельность, ослабляя его связь с главным [Стеценко 1960: 222; Потеня 1968: 381; Кершиене 1973: 15]. Указательная (анафорическая) функция местоимения при этом усиливается, а союзная ослабляется [Коротаяева 1964: 56]. Иными словами, при наличии повтора можно говорить о типе связи, переходном между сочинением и подчинением. Эта связь может реализовываться как на уровне отдельного предложения, так и на уровне текстового фрагмента (нескольких самостоятельных предложений).

В памятниках петровского времени интересующая нас конструкция представлена тремя структурными типами.

1. Первый тип — это собственно повтор, когда существительные присутствуют и в придаточном, и в главном предложениях, как правило, совпадая в форме числа. Например:

- (1) В Кольвань тридесять галанских *кораблей* пришло, *из которых кораблей* осмь в Шлотбурх пойдут [Ведомости 1703: 85]².

В отдельных случаях в придаточном предложении может повторяться не одно, а несколько существительных, являющихся в главном предложении однородными членами. Например:

- (2) ...шведских *офицеров и рядовых* нам отдано, *за которых офицеров и рядовых* мы <...> в стекхолме обретающихся московских офицеров <...> выменить хоцем [Ведомости 1706: 356].

Иногда в придаточном предложении может повторяться не только существительное, но и согласованное с ним определение. Например:

- (3) ...съехався на Реку Нарову, учинили Трактат *вечного миру* <...>. *Которои вечной мир* со обоих сторон от Государеи подтвержден ратификациями [Шафилов 1717: 18–19].

Иногда повтор существительного может быть дополнен местоимением *весь*, которое, так же как и местоимение относительное, в этом случае согласуется с существительным в роде, числе и падеже и подчеркивает анафорическое значение местоимения *который*, уже усиленное наличием повтора. Например:

² Примеры из источников XVII–XVIII вв. приводятся в упрощенной орфографии: «парные» буквы и «ъ» в конце слова не воспроизводятся. Особенности слитного и раздельного написания слов, употребление заглавных и строчных букв, расстановка пунктуационных знаков сохраняются. Курсив в примерах принадлежит автору статьи.

- (4) Воинским *амунициям*, которые нашлись в городе и в Цитаделе росписи еще де ненаписали, ⟨...⟩ *которые все амуниции* баркированы де в Вигосе городе со флота [Ведомости 1719: 358] — ср. ниже пример (40).

2. Второй тип рассматриваемой конструкции объединяет контексты, где существительное при местоимении *который* повторяет не существительное из главного предложения, а отсылает к имеющемуся в нем однокоренному соответствию. В таких случаях речь, как правило, идет об отсылке к глагольной форме (личной форме, инфинитиву и причастию). Например:

- (5) ⟨Его Царское Величество⟩ ⟨...⟩ повелел им *предложить* о мире. *Которое предложение*, они ⟨...⟩ с радостью приняли [Шафиров 1717: 184];
 (6) ...*возведен* на Престол на десятом лете, после которого *возведения* многим подлежал опасностям [Там же: 11].

Иногда существительное придаточного предложения может отсылать и к согласованному определению. Например:

- (7) В контрактах *содружественных* или компанейных, две или многие персоны, денги, вещи, или инные труды между собою слагают ⟨...⟩ *В котором содружестве* или компании, должно таковое прилежание и верность иметь, что безвременно и для обманы друга от онаго содружества отставать не должно [Пуфендорф 1726: 300–301].

3. Третий тип объединяет случаи, когда в главном предложении отсутствует и повторяющееся существительное, и какое-либо однокоренное соответствие, а существительное при местоимении *который* в придаточном предложении обобщает смысл сказанного в главном. Подобные контексты отличаются тем, что в них значение конструкции с повтором может существенно отличаться от чисто указательного (анафорического) и становиться указательно-определятельным.

Указательное значение, не осложненное определятельным, реализуется тогда, когда посредством повтора сказанное в главном предложении обобщается универсальным способом, то есть способом, применимым практически ко всем возможным действиям (например, посредством существительного *случай*). Ср.:

- (8) В том городе швецкой король смотрел роту волохов, которым велел экзерцицию свою показать, как они в акциях бьются и атакуют. И с ними сам чинил нападение на свой лагерь, *при котором случае* учинилось ему нещастие, что, упавши с лошади, зело жестоко розшибся [Гистория 2004: 222].

Указательное значение свойственно также контекстам, где сказанное в главном предложении посредством повтора включается в какие-либо отношения сопоставления (например, когда описанное действие постулируется в качестве образца, или начинает выступать в роли временного ори-

ентири, либо включается в причинно-следственные связи). Ср. соответственно:

- (9) ...⟨посланных за провиантом. — *В. К.*⟩ против права публичного задержали надеясь возвращения заложениев своих; *по которому образцу* також и соседы их учинили [де Роан 1711: 27];
- (10) Губернатор, принужден просить, дабы для доволного разсуждения настоящего дела на 10 дней армистициум был учинен, *в которое время* могли б то надлежащее дело окончать [Гистория 2004: 348];
- (11) Картагинцы: [в Африке] держали болшую часть воинских людеи иностранных, *за которую причиною* не имели хуже тех салдат как своєї земли [де Роан 1711: 183].

Что касается определительного значения, то оно присуще семантике конструкций третьего типа в тех случаях, когда посредством повтора действие, о котором рассказывается в главном предложении, обобщается, а также тогда, когда этому действию (или его результату) дается оценка. Ср. соответственно:

- (12) ...и поплыл в африку, куды было ево цезарь определил. *В котором путешествии* он утонул при устье реки иберусы [Там же: 164];
- (13) ...и дав баталию оных побил, *по которому безсчастию* здались они под власть цезариеву [Там же: 29].

То же относится к предложениям, где повтор отсылает к существительному в главном предложении и классифицирует его, то есть называет класс предметов или явлений, к которому это существительное относится. Ср. в следующем примере «копья — оружие»:

- (14) В корпусе баталии употребляют *копья, которое оружие* зело угодно есть к сопротивлению против кавалерии [Там же: 190–191].

Довольно часто в контекстах подобного типа в роли объекта классификации выступают имена собственные. Ср. в следующем примере «Прованция — земля»:

- (15) ...не присвоили себе те их места к *прованции, которая земля* погранична была [Там же: 26].

Иногда в роли объекта классификации может выступать и количественное числительное, которое в придаточном предложении классифицируется посредством существительного «число»:

- (16) ...из 368000 человек *в котором числе* 92000 человек было под ружьем возвратилось в свою землю токмо с 11000 человек [Там же: 7].

Таким образом, рассмотренные выше три типа конструкции с повтором отличаются друг от друга как по структуре, так и по семантике: при опре-

деленных условиях конструкциям третьего типа, наряду с анафорическим значением, может быть присуще определительное значение.

Следует учесть, что, несмотря на наличие четких формальных критериев, маркирующих границы каждого из рассмотренных трех типов повтора, иногда отнесение того или иного случая к определенному типу может вызывать некоторые трудности. Рассмотрим два таких примера. В первом имеется предложение, сходное по структуре с конструкциями первого типа: в придаточном повторяется существительное *случай*, употребленное выше в главном. Ср.:

- (17) Должно приметить его поспешность во всех *случаях*, а наипаче во взятии града безансона предъуспевши неприятели своих *которым случаем* и пропитанием запаса на войско [де Роан 1711: 13].

При ближайшем рассмотрении, однако, повтор здесь может быть отнесен и к конструкциям третьего типа, так как, строго говоря, указывает не на первое существительное, а на фрагмент, находящийся между существительными, где говорится о взятии города Безансона (во время которого Цезарь опередил своих неприятелей), и, следовательно, обобщает действие, о котором говорится в этом фрагменте. Обратим также внимание на то, что формы числа у обоих существительных не совпадают.

Второй пример демонстрирует предложение, сходное по структуре с конструкциями третьего типа: в главном предложении отсутствует как соответствующее существительное, так и какое-либо однокоренное соответствие, с которым существительное из придаточного могло бы обнаружить связь. Ср.:

- (18) Одно победоносное оружие Его Царскаго Величества под Полтавою, главную армию Шведскую *победило*. *По которой виктории*, многие высокие державы... [Рассуждение 1720: 3 предисл.; Hüttl-Folter 1996: 54–55].

С другой стороны, ожидаемое здесь определительное значение (ср. выше подобный пример (12) «поплыл в африку (...), в котором путешествив») практически нейтрализуется возможностью замены существительного *виктория* его более употребительным синонимом *победа*, приближающим рассматриваемый контекст к конструкциям второго типа.

2.2. Особенности графического оформления конструкции с повтором в изданиях начала XVIII в.

Графическое оформление повтора в текстах гражданской печати допускало несколько вариантов. Это варьирование не было вызвано различиями в семантике соответствующих контекстов, а являлось следствием общих свойств повтора — его факультативного характера и ослабленной подчинительной связи. Исходя из этого, в дальнейшем изложении подобные случаи, привлеченные в качестве иллюстративного материала, приводятся

без дополнительных комментариев. Речь идет о следующих типах графического оформления.

Прежде всего следует отметить, что повтор, в большинстве случаев оформляющийся через запятую как придаточное предложение, мог иметь вид самостоятельного и начинаться с заглавной буквы. Например:

- (19) И оных ⟨неприятелей. — В. К.⟩ по жестоком бою, которого с полтора часа с непрестанным огнем было, храбро с поля збила. *При котором бою*, чаем, неприятелей болши трех тысяч на месте боевом положено [Ведомости 1708: 8].

Иногда повторяющееся существительное могло заключаться в квадратные скобки. Например:

- (20) Внегда де начальные места государства суть укреплены, то везде хлеб *с поля* в них свозят, *на которое [поле]* армия неприятельская пришедши, еже ли пробудет долго, то с голоду помрет [де Роан 1711: 345; также 290]. Похожий пример см. в «Шлюзной книге» [ШК 1708: 113; Круглов 2004: 84].

В отдельных случаях в квадратные скобки заключалось сразу и существительное, и относительное местоимение. Например:

- (21) *Предложено* ⟨...⟩ отаковать незапным нападением гаутв-квартир неприятельскую, где и изменник Мазепа обретался, *[по которому предложению]* ⟨...⟩ зачали войска наши чрез мост в лице неприятеля переходить [Ведомости 1709: 17].

В изданиях начала XVIII в. повтор мог сопровождаться словом *сиречь*. Например:

- (22) Капитаны нынешние, которые повелевают *армиями* новыми без чина, и послушности, быв полны багажем, *от которых [сиречь армии]* салдаты не умеют своим ружьем владети [де Роан 1711: 150]. Подобный пример см. в «Шлюзной книге» [ШК 1708: 80; Круглов 2004: 84].

Такие контексты остаются за пределами нашего исследования, так как в них конструкция с повтором трансформируется в прямое пояснение.

2.3. Синонимы конструкции с повтором в текстах начала XVIII в.

Следует учесть, что в русском языке петровского времени было представлено несколько типов конструкций, сходных с рассматриваемой и по структуре, и по значению. Речь идет о повторе существительного в начале предложения, во-первых, при других, менее употребительных относительных местоимениях (2.3.1); во-вторых, при указательных местоимениях (2.3.2); в-третьих, при прилагательных анафорической семантики (2.3.3).

2.3.1. Повтор при местоимениях *кой* и *каковой*. Повтор существительного при местоимении *кой* в памятниках рассматриваемого периода встречается крайне редко, что объясняется, по-видимому, традицией употребления самого местоимения. По мнению Ю. В. Кагарлицкого, в деловом языке XVII в., а также в той или иной степени ориентированных на него языковых регистрах конструкции с *кой* были не слишком распространены и могли восприниматься пишущим даже как «нечто маргинальное и нежелательное». В текстах петровского времени *кой* также употребляется в десятки раз реже, чем *который*, несмотря на редкие исключения — такие, например, как трактат И. Т. Посошкова «О ратном поведении», где доминирует *кой* [Кагарлицкий 2004: 140–143]. Редкий пример повтора существительного при местоимении *кой* в русском языке начала XVIII в. Ю. В. Кагарлицкому удалось обнаружить в «Слове в день святой великомученицы Екатерины» Феофилакта Лопатинского (М., 1725; с. 10). Ср.:

- (23) ...и сия *словеса* реченная суть Спасителем *коими словесы* показа Спаситель наш... [Там же: 139].

Повтор при местоимении *каковой* в петровское время также встречается существенно реже, чем при местоимении *который*. Пример его употребления обнаруживается, в частности, в сенатском докладе 1713 г. о сборе за лошадей деньгами. Ср.:

- (24) ...не плачено с драгунских и подъемных лошадей, *за каковую недоимку* бьют крестьян их на правеже [Доклады 1887: 117].

2.3.2. Повтор при местоимениях *он*, *сей*, *тот*, *таковой*, *такой*. В качестве вариантов анафорической конструкции с повтором существительного могли выступать и обороты с указательными местоимениями. В текстах рассматриваемого периода они представлены теми же структурными типами, что и конструкции с относительными местоимениями. Следующие примеры демонстрируют, что существительные при местоимениях *таковой* и *такой* могли формировать как собственно повтор, так и отсылку к общему смыслу предшествующего предложения:

- (25) И о *орехах* не худо бы учинить и заповеть, чтоб никто прежде Семеня дни их не щипал, но дали бы им созреть, чтобы ядро наполнилось <...>. И *таковых спелых орехов* один четверик лутче четверти недоспелых [Посошков 1951: 173–174];
- (26) Августа в 17 день около мадрита в войске короля филиппа осмь тысячь члк побито и три тысячи в полон взято. Все пушки и обоз потеряли, и *по такой победе* король каролус за ними гнался [Ведомости 1706: 347].

Из примеров также следует, что для употребления повторов при указательных местоимениях характерно присутствие в начале предложения со-

чинительных союзов, которые, по-видимому, были призваны усилить связь между предложениями, ослабленную уже не только наличием повтора, но и отличиями в семантике указательных и относительных местоимений. Присутствие сочинительных союзов наблюдается как при дистантном, так и при контактном расположении существительных:

- (27) ...шведы биржень добывают, и для того послан гонец ко *огинскому*, чтоб он на помощь пошел к тому городу, *а к нему огинскому* три тысящи члк московского войска совокупитись имеют [Ведомости 1703: 40];
- (28) В олоонецком уезде, в файмогубской волости, в камени найдена медная *руда*, *и той руды* накопано с двести пуд [Там же: 17].

2.3.3. Повтор при прилагательных анафорической семантики. С существительным, повторяющимся в начале предложения, в текстах рассматриваемого периода могли согласовываться как местоимения (относительные и указательные), так и прилагательные анафорической семантики типа *помянутый*, *вышепомянутый*, *преждепомянутый*, *вышеимянованный*, *вышеписанный* и т. д. Для подобных случаев, так же как и для повтора при указательных местоимениях, характерно присутствие сочинительных союзов, компенсирующих слабую связь с предшествующим предложением. Например:

- (29) И октября против 28-го в ночи в помянутой *Кобер-шанц* отправлен был генерал-маэор Головин с командрованными 1 000 человеки салдат, которой, заняв оную крепость и разрытую куртину починя, оставил в ней с теми командированными салдаты полковника Климберха, *и помянутой Кобер-шанц* наречен Питер-шанцом [Гистория 2004: 340].

Таким образом, рассмотренные выше конструкции — с относительными местоимениями *кой*, *каковой*, с указательными местоимениями *он*, *сей*, *тот*, *таковой*, *такой*, с прилагательными анафорической семантики, — несмотря на структурную и семантическую близость к повтору существительного при местоимении *который*, имели свои особенности: для первых была характерна крайне низкая частотность употребления, у двух других отсутствовало присущее относительным местоимениям союзное значение. Отсутствие «конкуренции» со стороны синонимов, по-видимому, и позволило повтору при местоимении *который* в течение длительного времени оставаться в языке, сохраняя свою канцелярскую окраску.

2.4. *Существительное при местоимении* *который* *в препозитивной зависимой части*

В текстах петровского времени можно встретить еще один тип конструкций, демонстрирующий структурное и семантическое сходство с повтором в постпозиции, однако его синонимом не являющийся. Речь идет

об употреблении существительного при местоимении *который* в препозитивной зависимой части при повторении этого существительного в главной. Подобные предложения были широко распространены в приказном языке среднерусского периода. Например:

- (30) *А которыми реками суды ходят, и на тех реках прудов новых и плотин и мельниц не делати* [Уложение 1649: л. 90 об.].

История препозитивных и постпозитивных конструкций с повтором традиционно рассматривается в более широком контексте — в связи с историей всех типов препозитивных и постпозитивных придаточных предложений с местоимением *который*. Согласно мнению, высказанному еще А. А. Потебней, первые являются более древними и восходят к живой устной речи, откуда позднее проникают в письменную [Потебня 1968: 267–268]. Этого мнения придерживались ученые и в более поздних исследованиях по историческому синтаксису русского языка, где утверждалось, что предложения с препозитивной зависимой частью «исторически являются более ранними для относительных конструкций с местоимениями вопросительных корней» [Сумкина 1954: 187]. Было установлено, что на протяжении XV–XVII вв. оба типа предложений сосуществовали в одних и тех же текстах, причем постпозитивные конструкции, количество которых в этот период неуклонно возрастало во всех памятниках письменности (кроме грамот), постепенно вытесняли препозитивные [Кершиене 1973: 15].

То же верно и для конструкций с повтором существительного: в деловых и юридических документах XV–XVII вв. повтор существительного в препозитивной зависимой части, получив сначала широкое распространение, позже постепенно вытеснялся повтором в постпозиции [Сумкина 1954: 178; Кершиене 1973: 9]. В текстах начала XVIII в., ориентированных на новую культуру, повтор в препозиции встречается крайне редко. Известно, что одним примером он представлен в «Рассуждении о оказательствах к миру» (СПб., 1720) и отсутствует в «Разговорах о множестве миров» Б. Фонтенеля (СПб., 1740; пер. 1730 г.), первой части «Военного состояния Оттоманской империи» Л. Марсильи (СПб., 1737) [Hüttl-Folter 1996: 54], «Шлюзной книге» (М., 1708) [Круглов 2004: 89], рукописном переводе второго трактата «О правлении» Дж. Локка (1727–1729) [Круглов 2003: 77].

Местоимению *который* в препозитивной зависимой части (как при наличии существительного, так и без него) были присущи определенные семантические особенности. Местоимение здесь преследовало особую цель: «выделить определяемое им имя из числа других, выдвинуть его в качестве точно определенного объекта дальнейшего высказывания» [Качевская 1954: 211]; ср. также [Кершиене 1973: 7]. Часто препозитивные конструкции с относительными местоимениями имели «оттенок условного значения» [Сумкина 1954: 187]; ср. также [Кершиене 1979: 76].

История атрибутивного употребления местоимения *который* в препозитивных придаточных предложениях, а также структурные и семантиче-

ские особенности данной конструкции указывают на ее самостоятельность и позволяют оставить ее за рамками настоящего исследования.

2.5. Конструкция с повтором как характерная черта приказного языка XVI–XVII вв.

Существуют по крайней мере две точки зрения на происхождение и историю постпозитивных конструкций с повтором существительного при относительных местоимениях. Согласно первой, восходящей к мнению А. А. Потебни, придаточные предложения данного типа являются более древними по отношению к придаточным без повтора и представляют собой более ранний этап развития сложного предложения [Потебня 1968: 264]. Точка зрения А. А. Потебни получила широкое распространение в исследованиях 1950–1970-х гг., где, в частности, утверждалось, что подобные конструкции отражают «постепенный переход от препозитивных предложений к постпозитивным» [Качевская 1954: 221]. Обращалось внимание на сохранение придаточным предложением «некоторой структурной самостоятельности» [Стеценко 1960: 222], а также на «неполноту относительной функции» местоимения при повторе и на ее неполное развитие [Коротаева 1964: 59]. Позже эта теория была закреплена в двух академических изданиях, посвященных соответственно сравнительно-историческому синтаксису восточнославянских языков и истории сложного предложения в русском языке, где утверждалось, что повтор имени делает обе части конструкции «более самостоятельными» (поэтому рассматриваемые зависимые предложения нельзя еще назвать придаточными определительными в современном значении данного термина), что придаточное предложение, в составе которого есть определяемое имя, «отражает этап развития постпозитивных определительных конструкций» и, наконец, что конструкции с повторением определяемого имени были «первой ступенью в процессе формирования современных придаточных определительных» [Жершиене 1973: 15; 1979: 76].

Согласно другой точке зрения, которую со ссылкой на докторскую диссертацию А. Г. Руднева изложил в своей монографии об относительном подчинении в языке русской письменности XVI–XVII вв. В. И. Троицкий, мнение о древности конструкции с повтором не подтверждается данными источников и находится в противоречии даже с теми примерами, которые привел А. А. Потебня: «только семь из них падают на списки летописи, остальные 18 — из памятников делового языка». Было замечено, что с течением времени число примеров с повтором возрастает. По мнению А. Г. Руднева (с которым согласен В. И. Троицкий), повторение определяемого имени при местоимении «отражает особенности письменной речи» и находит себе применение в сравнительно более позднюю эпоху — XVI–XVII вв., главным образом в деловой речи. Это происходит благодаря той функции, которая свойственна повтору и которая созвучна особенностям канцелярского стиля, в идеале стремящегося к абсолютной точности:

при наличии в главной части предложения нескольких существительных употребление повтора продиктовано «стремлением указать точно, к которому из них относится подчиненная часть, и избежать двусмысленности» [Троицкий 1968: 51, 150–151].

На соответствие некоторых синтаксических конструкций коммуникативному заданию деловых текстов указывала Э. И. Коротаяева. В своей монографии, посвященной союзному подчинению в русском литературном языке XVII в., она отмечала, что несколько архаичных конструкций с анафорическим и выделительным значениями (включая и тот тип повтора, которому посвящена настоящая статья) находят широкое распространение в деловых документах и в близких к ним по языку произведениях, так как структура этих конструкций «отвечает потребностям делового языка» («потребностям языка канцелярии»), который требует «предельной ясности и точности выражения мысли», «полного устранения какой-либо двусмысленности» [Коротаяева 1964: 48, 58].

В современных исследованиях по истории русского литературного языка проблема происхождения повтора, как правило, не затрагивается. Его распространение в приказном языке XVI–XVII вв. и соответствие свойственной ему функции коммуникативному заданию деловых текстов постулируется вне зависимости от того, признается ли повтор закономерным этапом формирования современного типа постпозитивных придаточных предложений. Так, например, обстоит дело в работах В. М. Живова, который обращает внимание на две причины распространения конструкции с повтором в приказном языке среднерусского периода: во-первых, на специфику делового регистра, стремящегося «к эксплицитности референтных соответствий», и, во-вторых, на особую функцию данной конструкции, которая, если воспользоваться удачным выражением исследователя, была призвана обеспечивать в тексте «однозначность референциального отождествления» [Живов 1997: 62–63; 2000: 576, 578].

В русском языке начала XVIII в. уточняющая функция повтора в зависимости от контекста могла либо реализовываться, либо оставаться невосребованной. В следующем примере из поздней редакции рукописной «Истории Свейской войны» повторение существительного *чин* обусловлено наличием в главном предложении сразу двух существительных мужского рода в форме ед. ч.:

- (31) ...просили ⟨...⟩, дабы принял его величество *чин* адмирала от Красного флага, которой *чин* его величество охотно изволил принять [История 2004: 532].

В этом же источнике встречаются примеры «избыточного» употребления повтора, когда функция последнего остается невосребованной из-за отсутствия условий, создающих возможную двусмысленность. Такое употребление наблюдается как при контактном, так и при дистантном расположении существительных главного и придаточного предложений. Ср.:

- (32) ...однако ж оные <неприятели. — В. К.> в той конфузии все побежали назад в свои суды, ис которых судов многие опрокинулись [Там же: 254];
- (33) ...тотчас в Фридрихштате учинен лозонг тремя пушечными выстрелами, по которому лозонгу вскоре начали перебираться за реку чрез мост от войска российский гвардия [Там же: 390].

Если вспомнить, что именно уточняющая функция позволила повтору получить широкое распространение в приказном языке XVI–XVII вв., оба типа употребления заслуживают особого внимания и при изучении истории рассматриваемой конструкции в новом литературном языке.

2.6. Конструкция с повтором в русском языке XVIII в.

В первые десятилетия XVIII в. начинается формирование новых норм русского литературного языка, происходит объединение языковых средств разных регистров в едином пуле, который в дальнейшем подвергается тщательной ревизии, перебору и пересмотру [Живов 2000: 580]. Старые письменные традиции при этом исчезают не сразу, а вместе с единицами, оказавшимися за пределами новых норм, еще долгое время продолжают существовать на периферии языкового употребления. К таким единицам относится и конструкция с повтором: не получив широкого распространения в новом литературном языке, она продолжает использоваться в деловых документах на протяжении полутора столетий. По свидетельству А. А. Потебни, в русском языке второй половины XIX в. относительное местоимение в придаточном предложении уже вполне заменяет собою соответствующее имя главного, и поэтому повторение имени при относительном местоимении не допускается, «кроме делового языка» [Потебня 1968: 263]. Отсутствие повтора в современном литературном языке А. А. Потебня связывал с завершением промежуточного этапа длительного процесса — формирования современного типа сложноподчиненных предложений с придаточными относительными.

Иную интерпретацию истории повтора в русском языке XVIII–XIX вв. предложил В. М. Живов. Он обратил внимание на то, что синтаксическая организация деловых текстов входила в противоречие с той риторической традицией, которая была положена в основу норм нового литературного языка. Действительно, синтаксис делового регистра обусловлен задачей приспособления устных стратегий к условиям письменной коммуникации. Для текстов, относящихся к этому регистру, характерен ситуационно ориентированный синтаксис, в соответствии с которым основное сообщение обычно помещается в начало периода, а детали этого сообщения перечисляются в конце. Связь с помощью различных типов повтора созвучна такой структуре и поэтому в деловых текстах широко распространена. Новый языковой стандарт, напротив, стремится устранить элементы ситуационного синтаксиса и избавиться от любых типов связи с помощью повтора.

В этом он следует за европейскими литературными языками, чья синтаксическая организация, в свою очередь, восходит к античной риторической традиции. Дополнительную поддержку новый языковой стандарт мог получать со стороны регистров книжного языка, синтаксис которых находился под влиянием церковнославянских переводов с греческого и был лишен в целом разговорных черт [Живов 2000: 573–579].

В первые десятилетия XVIII в. тексты, ориентированные на новую культуру, демонстрируют, как правило, единичные употребления повтора. Это относится как к изданиям гражданской печати, так и к рукописным переводам. В частности, в «Рассуждении о оказательствах к миру» (1720) повтор представлен тремя примерами, в «Разговорах о множестве миров» Б. Фонтенеля (1740; пер. 1730) — двумя, в первой части «Военного состояния Оттоманской империи» Л. Марсильи (1737) — тремя [Hüttl-Folter 1996: 54–55]. В [ШК 1708] обнаруживается восемь таких примеров [Круглов 2004: 83–84], в рукописном переводе «Приключений Телемака» Франсуа Фенелона (1724) и второго трактата «О правлении» Дж. Локка (1727–1729) — соответственно пять и шесть [Круглов 2003: 76; 2015: 170]. Конструкцию с повтором можно встретить и в «Примечаниях к Ведомостям», изданных Академией наук в 1728–1729 гг. [Живов 2000: 579]. Наряду с этим в отдельных памятниках первой половины XVIII в. повтор может быть использован достаточно широко — например в переводе «Библиотека» Аполлодора (М., 1725), сделанном А. К. Барсовым [Живов 2000: 579], «Истории о российском матросе Василии Кориотском» [Живов 1997: 63], письмах и бумагах Петра I и в «Описании земли Камчатка» С. П. Крашенинникова [Круглов 2003: 76]. Возможно, что для данного периода частотность употребления подобных конструкций, относящихся к «субстрату приказной традиции», служит индикатором социальной среды, в которой возникает или бытует тот или иной текст [Живов 1997: 63].

Со второй половины XVIII в. количество употреблений повтора резко уменьшается. Картотека «Словаря русского языка XVIII в.» (ИЛИ РАН) демонстрирует лишь два подобных примера из текстов разной тематики и стилистической окраски: комедии А. П. Сумарокова «Лихоимец» (1768) и «Рассуждения о человеческом познании» (1788) Я. Козельского [Круглов 2003: 76–77].

3. Конструкции с повтором в изданиях гражданской печати

3.1. Вводные замечания

Можно согласиться с тем, что судьба синтаксических единиц определяется общими объективными тенденциями в развитии синтаксической системы, например (как в случае с повтором) его ролью в формировании современного типа относительных придаточных, либо тенденцией к устранению атрибутивного употребления относительных местоимений, либо

(в самом общем виде) — тенденцией к оформлению закрытой структуры предложения. Следует, однако, учитывать, что в отдельные эпохи история тех или иных конструкций может зависеть от причин, которые, на первый взгляд, кажутся второстепенными, но которые тем не менее способны оказывать существенное влияние как на скорость происходящих изменений, так и на их результаты, расширяя и ограничивая круг языковых единиц, вовлеченных в сферу действия общих объективных тенденций. К таким «второстепенным» факторам, наряду с риторическими принципами, положенными в основу принятых языковых норм, по-видимому, можно отнести иноязычное влияние и влияние существующих письменных традиций с присущими им синтаксическими особенностями. В данном параграфе будет рассмотрен вопрос о том, в какой степени употребление конструкций с повтором в текстах петровского времени, напечатанных гражданским шрифтом, находилось под влиянием этих двух факторов.

3.2. Конструкции с повтором в оригинальных текстах

Анализ материала целесообразно начать с оригинального текста, язык которого был ориентирован на новые нормы литературного языка и который можно было бы условно считать своеобразной точкой отсчета при сопоставительном изучении нескольких источников, — «Рассуждения о причинах войны со Швецией», написанного П. П. Шафировом (1717). Объем источника составляет примерно 182 тысячи знаков (или 101 условную машинописную страницу по 1800 знаков каждая, что важно для сопоставительного анализа источников).

Конструкция с повтором представлена здесь 23-мя употреблениями. В десяти случаях речь идет о собственно повторе, когда и в главном, и в придаточном предложениях присутствует одно и то же существительное:

- (34) ...того ради в том же *трактате* отступление всех претензии, которые Государи Российские на оные <провинции. — В. К.> имели, себе выговорили, и от послов Российских вымогли. *Которой трактат* принужденной между обоими страны чрез посредство Аглинского посла заключен 1616 [Шафиров 1717: 68].

В 4-х примерах из десяти наблюдается «избыточное», функционально не обусловленное употребление повтора, когда предшествующий контекст не содержит словоформ, вызывающих необходимость дополнительного уточнения. При этом во всех контекстах, как и в (34), имеет место дистантное расположение существительных. В 6 случаях повтор выполняет уточняющую функцию. Ср. пример (35), где необходимость повтора вызвана присутствием в главном предложении формы *воеводу* и омонимией форм местн. ед. ч. м. р. и ср. р. местоимения *который*:

- (35) <Шведский король> принудил из той своей партии некоторыя малыя особы новую Элекцию или *избрание* учинить, на персону

[бунтовщика] Станислава Лещинского, бывшего воеводу Познанского, *при котором избрании*, кроме его Генералов и офицеров от воиск, кроме трех или четырех человек из Сенатореи Полских, и из его партии, за противностию не было [Там же: 132–133].

В «Рассуждении» П. П. Шафирова представлены и конструкции второго типа, где существительное при местоимении отсылает к находящемуся в главном предложении однокоренному соответствию. Во всех примерах подобного рода эти соответствия являются частями сказуемого и представляют собой причастие или личную форму глагола. Ср.: *возведен — после которого возведения*, с. 7; *присланы — по которым присылкам*, с. 16; *повелел предложить — которое предложение*, с. 184.

В 10-ти оставшихся случаях существительное при местоимении обобщает смысл сказанного в главном предложении. Как правило, оно обобщает действие, о котором говорится в главном предложении и которое выражается глагольной формой, являющейся частью сказуемого (всего 8 примеров). Ср.:

- (36) Его Царское Величество ⟨...⟩ на то ответствовать повелел, чтоб они сперва на то Короля Шведского склонили, и в том *Гарантию на себя взять обещали*, по которой *Декларации* и Его Царское Величество себя объявит [Там же: 175–176].

В одном примере повтор отсылает к имени собственному и называет класс предметов, к которому оно относится:

- (37) ...повелел отослать яко пленных *в стекголт*, *чрез которой город* они будто прямым порядком взятые в плен, ⟨...⟩ ведены пеши до места ареста своего [Там же: 220–221].

Однажды смысл сказанного в главном предложении обобщается универсальным способом посредством существительного *случай*. Среди конструкций третьего типа это единственный контекст, демонстрирующий отсутствие определительного значения:

- (38) ...которой город, хотя по зело долгопротяжной и кровавой осаде двулетней взяли. *При котором случае* с девять тысячь человек Поляков в полон взято [Там же: 53–54].

Если обратиться к следующему источнику — изданию «Политиколепная апофеосис» (1709), которое также содержит оригинальный текст, но, в отличие от «Рассуждения» П. П. Шафирова, ориентируется на нормы простого церковнославянского языка (гибридного регистра), — можно увидеть, что здесь конструкция с повтором употребляется существенно реже. При том что объем данного текста сопоставим с «Рассуждением» П. П. Шафирова и составляет примерно 110 условных страниц, конструкции с повтором представлены здесь всего тремя примерами.

В одном случае употребляется собственно повтор:

- (39) Великии на умысле и Иовиша достойнии гнев приемлет, и совет созывает, и ничтоже умедлиша званнии. *На котором совете* егда предложи им намерение свое, яко хошет род человеческий погубити [Апофеосис 1709: 126].

Конструкции второго типа, где существительное при местоимении повторяет однокоренное соответствие, в тексте отсутствуют, а третий тип представлен двумя примерами:

- (40) ...в лодке сидящий час, едино крыло белое, знаменующее день, другое крыло черное знаменующее ночь, имущий, иже гребущаго тамо и управляющаго лодку человека, перстом, аки бы наказует *через которое то симболюм* не ино что благоразумнейшии монарх хотяше знаменати, токмо денный и ноцный труд свои, и своих обучение в управлении корабля сего политичнаго монархии российския [Там же: 130–131]. Второй пример: *От которых слов*, с. 120.

Обратим также внимание на то, что в примере (40) повтор дополнен другим местоимением, которое, как уже подчеркивалось выше (см. пример (4)), усиливает анафорическое значение относительного местоимения.

3.3. Конструкции с повтором в переводных текстах

Что касается переводных памятников, то здесь употребление конструкций с повтором, по-видимому, зависит уже не только от тех языковых норм, на которые ориентирован сам перевод, но и от синтаксической организации оригинала, с которого этот перевод выполнен. Обратимся к следующему источнику — «Краткому описанию о войнах из книг Цезариевых» (1711 г., [de Rohan 1648]). Учитывая, что сам перевод ориентирован на нормы нового литературного языка, а его французский оригинал на употребление анализируемой конструкции влияния не оказывает, можно предположить, что частотность употребления повтора здесь будет сопоставима с той, что наблюдается в «Рассуждении» П. П. Шафирова.

Во французском языке рубежа XVII–XVIII вв. конструкция с повтором существительного при относительном местоимении встречается крайне редко. Нам известен лишь один такой случай, когда французский оригинал оказывает влияние на русский перевод. Он встретился в рукописном переводе второго трактата «О правлении» Дж. Локка (вторая половина 1720-х гг.). Ср.:

- (41) Первая (власть. — *В. К.*), охранять себя как возможно, так же и других *по законом* натуралным, *которыми законами* как он, так и все люди сочиняют общество и гражданство. В ориг.: ...suivant l'esprit & la permission des loix de la Nature, par lesquelles loix, communes a tous... [Круглов 2003: 75].

В «Кратком описании о войнах» подобного соответствия не наблюдается. Иногда конструкциям с повтором, присутствующим в переводе, в оригинале соответствуют также находящиеся в начале предложения обороты с указательными местоимениями. Например:

- (42) ...к ним ворвался и побил их, *по которой виктории* те народы все покорились [де Роан 1711: 31]. В ориг.: *Cette victoire soumit tous ces peuples là* [de Rohan 1648: 18].

Иногда на месте повтора, использованного переводчиком, в оригинале обнаруживаются другие обороты, в которых соответствующие существительные являются частью сказуемого. Например:

- (43) В корпусе баталии употребляют копья, *которое оружие zelo угодно есть* к сопротивлению против кавалерии [де Роан 1711: 190–191]. В ориг.: ...*qui est une arme très propre pour résister à la cavalerie* [de Rohan 1648: 147].

Всего мы насчитали в источнике 9 примеров первого типа и 3 примера второго типа. Очевидно, что в обоих случаях непосредственного влияния французского оригинала на русский перевод не наблюдается.

Всего в «Кратком описании о войнах» обнаруживается 44 конструкции с повтором, и, если принять во внимание, что объем памятника почти в полтора раза больше, чем трактат П. П. Шафирова, частотность употребления повтора в обоих текстах оказывается сопоставимой.

Конструкция первого типа (собственно повтор) представлена в данном переводе четырьмя примерами. В двух случаях наблюдается «избыточное» употребление, в оставшихся двух повтор выполняет уточняющую функцию:

- (44) ...внегда де начальные места государства суть укреплены, то везде хлеб *с поля* в них свозят, *на которое [поле]* армия неприятельская пришедши, еже ли пробудет долго, то с голоду помрет [де Роан 1711: 345]. См. там же: *которое место*, с. 254; примеры с уточняющей функцией: *по которому роспросу*, с. 133; *которые [козматы]*, с. 290.

Одним примером представлен в тексте второй тип повтора, когда существительное отсылает к однокоренному соответствию:

- (45) Потом помпеи (...) *атаковал* с одинаго конца цезариев транжамент, *в которой атаке* [или приступе] он имел такое счастье в двух боях единым днем [Там же: 147].

Наибольшим количеством употреблений (всего 39) представлен в тексте третий тип повтора, где посредством существительного обобщается смысл сказанного в главном предложении. В большинстве случаев (21 пример) содержание главного предложения обобщается универсальным способом, то есть включается в причинно-следственные отношения и отношения сопоставления, постулируется в качестве образца либо времен-

ного и пространственного ориентира. Ср.: *по которому случаю, которым способом, в котором состоянии, по которой причине, по которому образцу, в которое время, в котором месте*. Например:

- (46) ...однакож цезарь их побил, по упрямому бою, и жестоко прогнал, *по которому случаю* ни где ни малои противности ему не было, до самой немецкой земли [Там же: 19]. Ср. выше примеры (9), (11).

В остальных случаях конструкции с повтором, наряду с анафорическим, свойственно определительное значение. Четыре раза существительное при местоимении характеризует другое существительное (или числительное), называя класс предметов или явлений, к которому относится последнее. Например:

- (47) Немцы ⟨...⟩ видя себя в частой доуке *от свевов, которои народ* наисилнейшии был и смелейшии из всеи немецкой земли, страну свою оставили [Там же 1711: 38]. Ср. выше примеры (14)—(16).

В оставшихся 14-ти случаях обобщается действие, о котором говорится в главном предложении; иногда этому действию (или его результату) дается оценка: см. выше примеры (12), (13): *в котором путешествии, по которому безчастию*.

Таким образом, если по количеству употреблений повтора «Краткое описание» обнаруживает сходство с «Рассуждением» П. П. Шафирова, то по количеству отдельных его типов оно демонстрирует существенное отличие. Если у П. П. Шафирова конструкции первого и третьего типов представлены поровну, то в «Кратком описании» количество случаев, когда существительное в придаточном предложении повторяет существительное главного, почти в десять раз меньше, чем примеров, где это существительное обобщает смысл сказанного в главном.

В последнем из анализируемых источников — трактате С. Пуфендорфа «О должности человека и гражданина по закону естественному» (S. Pufendorf. «De officio hominis et civis juxta legem naturalem»; Lund, 1673), переведенному с латинского языка и изданному в 1726 г., — употребление конструкций с повтором должно, по-видимому, испытывать два противоположных влияния: во-первых, со стороны норм гибридного регистра, которым «черты оральности в целом чужды» [Живов 2000: 573], и со стороны латинского оригинала, в котором аналогичные конструкции, напротив, были представлены достаточно широко. Историки латинского языка отмечают, что конструкции с повтором известны в нем еще с древнего периода. Служащие для придания тексту большей ясности, они получили распространение в административном языке Римской курии и повестях, отмеченных художественной непритязательностью³.

³ Ср.: «*Exemplum, quo exemplo*. ⟨...⟩ Diese der Deutlichkeit dienende und daher im Kuralstil oft ebenso wie in der literarisch anspruchslosen Erzählungen lästig gehäufte Struktur findet sich im Altlatein» [Hofmann, Szantyr: 563].

Что касается оригинала, с которого был выполнен русский перевод сочинения С. Пуфендорфа, следует учесть, что с момента появления трактата в 1673 г. в течение последующих пяти десятилетий он выдержал более десяти переизданий на латинском языке, в том числе исправленных и дополненных. Источником русского перевода, по-видимому, послужил более поздний вариант текста, в котором пятая глава первой части состоит из 29 параграфов, а не из 24, как в большинстве изданий. Среди книг, которыми мог пользоваться переводчик, — изданная в Стокгольме в 1701 г. и во Франкфурте-на-Майне в 1715 и 1719 гг.

Латинский оригинал несомненно оказывает влияние на употребление конструкции с повтором в русском переводе, причем это касается всех ее типов. Например, собственно повтора:

- (48) ...инным путем, *право* себе сыскивают из наших вещей известную каковую получить себе корысть, или препятствовать да бы мы вещи нашей не совершенно употреблять могли. *Которые права* именуются работства или услужности [Пуфендорф 1726: 249]. В ориг.: ...aut alia via, *jus sibi quaesiverint, ex re nostra certum commodum percipiendi, aut etiam impediendi, ne nostrâ re omni modo utamur. Quae jura solent vocari Servitutes* [Pufendorf 1719: 184].

Также встречаются случаи, где и в оригинале, и в переводе существительное при относительном местоимении отсылает к однокоренному соответствию:

- (49) ...и ея <вещи (предмета договора). — *В. К.*> качества должны быть *известны, без котораго известия*, ясное соизволение познати не мощно [Пуфендорф 1726: 201]. В ориг.: ...*ejusque qualitates debent esse cognitae; citra quam cognitionem liquidus consensus intelligi nequit* [Pufendorf 1719: 147].

То же касается и случаев, когда существительное в придаточном предложении обобщает смысл сказанного в главном. Ср.:

- (50) Тако не подобает к цене прилагати действия священные, которым желание некое моральное по уставлению Божию есть назначенное, *которое погрешение* именуется симониа [Пуфендорф 1726: 271]. В ориг.: *Sic illicitum est pretio addicere actiones sacras, quibus effectus aliquis moralis ex instituto divino est assignatus; quod crimen Simoniam vocant* [Pufendorf 1719: 202].

Всего в русском переводе, объем которого в принятых выше условных страницах составляет 215 единиц, встречается 18 случаев употребления повтора, и это значит, что его частотность в трактате С. Пуфендорфа ближе к той, что демонстрирует «Политиколепная апофеосис», хотя и отличается от нее в большую сторону. Последнее обстоятельство, возможно, связано с тем, что ровно в половине случаев повтору в переводе соответствует повтор в оригинале. По количеству конструкций первого типа (с существ-

вительным и в главном, и в придаточном предложениях) трактат С. Пуфендорфа отличается от всех проанализированных источников: только здесь собственно повтор превосходит по количеству все остальные типы конструкции. Всего в тексте насчитывается 11 примеров собственно повтора. В 4-х случаях он демонстрирует избыточное употребление, в остальных — выполняет уточняющую функцию, как в следующем примере, где необходимая однозначность референциального отождествления нарушается существительным *вещь*. Ср.:

- (51) ...узаконили согласием неким, *цену* превосходную на всякую вещь наложить, *которой цене* иных вещей народныя цены мощно было определяти [Пуфендорф 1726: 278–279].

Следующий пример, где существительные отделены друг от друга лишь личной глагольной формой, напротив, иллюстрирует избыточное употребление повтора. Ср.:

- (52) ...всякий глагол должно разуметь так, что в собственном своем и народном *знаменовании* являет, *которое знаменование*, не тако свойство или производство грамматическое, яко народное обыкновеней (!) употребление [Там же: 318].

Конструкции второго и третьего типов представлены в трактате соответственно тремя и четырьмя примерами, причем в тех случаях, когда повтор обобщает смысл сказанного в предшествующем предложении, его семантика всегда включает определительное значение (см. выше примеры (49), (50)).

4. Выводы

Таким образом, в каждом из четырех рассмотренных источников употребление постпозитивных конструкций с повтором существительного при местоимении *который* имеет свои особенности. В «Рассуждении» П. П. Шафирова (1717) и «Кратком описании о войнах из книг Цезариевых» Анри де Роана (1711) — текстах, ориентированных на нормы нового литературного языка, — частотность употребления таких конструкций составляет соответственно 0,23 и 0,32 примера на условную страницу. В то же время в «Политиколепной апофеосис» (1709) и трактате С. Пуфендорфа «О должности человека и гражданина» (1726), находящихся под влиянием норм простого церковнославянского языка, этот показатель в несколько раз ниже и равен соответственно 0,03 и 0,08. Если же учесть, что во французском языке, с которого переведено сочинение де Роана, в рассматриваемый период аналогичные конструкции встречались крайне редко, а в латинском языке, с которого переведен трактат С. Пуфендорфа, такие конструкции, напротив, представлены достаточно широко, можно с большой долей уверенности утверждать, что последний испытывал сразу двойное влияние — как со стороны гибридного регистра, так и со стороны латинского оригинала.

В каждом из проанализированных текстов особенности употребления демонстрируют и отдельные типы конструкции с повтором. Реже всего используются предложения, где повтор отсылает к однокоренному соответствию. В издании «Политиколепная апофеосис» подобные примеры отсутствуют вообще, а в остальных источниках их насчитывается от одного до трех. Существенно большим количеством примеров представлены два других типа, где одно и то же существительное присутствует и в главном, и в придаточном предложениях и где существительное при местоимении *который* обобщает смысл сказанного в главном. В «Рассуждении» П. П. Шафирова оба типа представлены равным количеством примеров (по 10), в трактате С. Пуфендорфа заметно преобладают первые (11 : 4), а в сочинении де Роана — вторые (39 : 4). Не исключено, что данные показатели являются случайными, так как отдельные типы рассматриваемой конструкции закономерностей в своем употреблении не обнаруживают.

Источники

- Апофеосис 1709 — Политиколепная апофеосис. М., 1709.
- Ведомости 1703–1707 — Ведомости времени Петра Великого. Вып. I. 1703–1707 гг. М., 1903.
- Ведомости 1708–1719 — Ведомости времени Петра Великого. Вып. II. 1708–1719 гг. М., 1906.
- Гистория 2004 — Гистория Свейской войны. Последняя редакция // Гистория Свейской войны. Поденная записка Петра Великого / Сост. Т. С. Майкова. М., 2004. Вып. 1. С. 197–541.
- Доклады 1887 — Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. III. Кн. 1. СПб., 1887.
- Посошков 1951 — *И. Т. Посошков*. «Книга о скудости и богатстве» и другие сочинения / Ред. и коммент. Б. Б. Кафенгауза. М., 1951.
- Пуфендорф 1726 — *С. Пуфендорф*. О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб., 1726.
- Рассуждение 1720 — Рассуждение о оказательствах к миру, И о важности, чтоб оставить Гибралтар, соединен со владениями Великобритании. СПб., 1720.
- де Роан 1711 — [*Анри де Роан*]. Краткое описание о воинах из книг Цезариевых. М., 1711.
- Уложение 1649 — Уложение. М.: Печатный двор, 29 января 1649.
- Шафиров 1717 — *П. П. Шафиров*. Рассуждение какие законные причины его царское величество Петр Первыи (...) к начатию войны против короля Карола 12, Шведского 1700 г. имел. СПб., 1717.
- ШК 1708 — Книга о способах, творящих водохождение рек свободное. М., 1708.
- Pufendorf 1719 — *S. Pufendorf*. De officio hominis et civis juxta legem naturalem. Francofurti ad Moenum, 1719.
- de Rohan 1648 — [*Henri de Rohan*]. Le parfait capitaine. Autrement l'abregé des guerres des Commentaires de Cesar. A Paris, 1648.

Литература

Быкова, Гуревич 1955 — Т. А. Быкова, М. М. Гуревич. Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г. М.; Л., 1955.

Живов 1997 — В. М. Живов. Заметки об историческом синтаксисе русского языка (По поводу книги: Hüttl-Folter 1996) // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 58–69.

Живов 2000 — В. М. Живов. О связанности текста, синтаксических стратегиях и формировании русского литературного языка нового типа // Слово в тексте и в словаре: сборник статей к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна / Под ред. Л. Л. Йомдина и Л. П. Крысина. М., 2000. С. 573–581.

Зализняк, Падучева 1979 — А. А. Зализняк, Е. В. Падучева. Синтаксические свойства местоимения *который* // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках / Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 1979. С. 289–329.

Кагарлицкий 2004 — Ю. В. Кагарлицкий. Придаточные определительные с союзным словом *кой* в русском литературном языке первой половины XVIII века // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 136–156.

Качевская 1954 — Г. А. Качевская. К истории сложноподчиненных предложений с придаточным определительным (По данным памятников русской письменности XVI в.) // Труды Института языкознания АН СССР. Т. V. 1954. С. 203–223.

Кершиене 1973 — Р. Б. Кершиене. Сложноподчиненные определительные предложения // Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Сложноподчиненные предложения / Отв. ред. В. И. Борковский. М., 1973. С. 5–73.

Кершиене 1979 — Р. Б. Кершиене. Сложноподчиненные определительные предложения // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение / Отв. ред. В. И. Борковский. М., 1979. С. 56–109.

Коротаева 1964 — Э. И. Коротаева. Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века. М.; Л., 1964.

Круглов 2003 — В. М. Круглов. Употребление относительных придаточных с местоимением *который* в русском рукописном переводе второго трактата о правлении Джона Локка // Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. 62. 2003. Heft 1. S. 61–81.

Круглов 2004 — В. М. Круглов. Русский язык в начале XVIII века: узус петровских переводчиков. СПб., 2004.

Круглов 2014 — В. М. Круглов. Исторический синтаксис и история русского литературного языка // Литературная культура России XVIII века. Вып. 5 / Отв. ред. П. Е. Бухаркин, Е. М. Матвеев. СПб., 2015. С. 119–131.

Круглов 2015 — В. М. Круглов. О характере нормы в русском языке первой четверти XVIII века // Petra Philologica: профессору Петру Евгеньевичу Бухаркину ко дню шестидесятилетия / Отв. ред. Н. А. Гуськов [и др.] (= Литературная культура России XVIII века. Вып. 6). СПб., 2015. С. 167–180.

Пекарский 1862 — П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. СПб., 1862.

Потебня 1968 — А. А. Потебня. Место придаточных предложений с относительным словом по отношению к главным // А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. III. Об изменении значения и заменах существительного. М., 1968. С. 263–273.

Стеценко 1960 — А. Н. С т е ц е н к о. Сложноподчиненное предложение в русском языке XIV–XVI вв. Томск, 1960.

Сумкина 1954 — А. И. С у м к и н а. К истории относительного подчинения в русском языке XIII–XVII вв. // Труды Института языкознания АН СССР. Т. V. 1954. С. 139–202.

Троицкий 1968 — В. И. Т р о и ц к и й. Относительное подчинение в языке русской письменности XVI–XVII вв. Казань, 1968.

Hofmann, Szantyr — Lateinische Syntax und Stilistik von J. B. Hofmann. Neubearbeitet von Anton Szantyr. Mit dem allgemeinen Teil der lateinischen Grammatik. München. [Б. г.].

Hüttl-Folter 1996 — G. H ü t t l - F o l t e r. Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache. Die frühen Übersetzungen aus dem Französischen. Wien, Köln, Weimar, 1996.

Статья получена 20.11.2018

Vasily M. Kruglov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
vmkruglov@yandex.ru

**OBSERVATIONS FROM THE HISTORY OF RELATIVE CONSTRUCTIONS
IN RUSSIAN: SYNTACTIC CONSTRUCTION WITH A REPEATED SUBSTANTIVE
AFTER THE PRONOUN *KOTORYI* IN TEXTS OF THE PETRINE PERIOD**

The article analyzes the development of the standard Russian language norms in the beginning of the 18th century. The study is based on four texts printed in civil script from 1709 to 1726 and focuses on the use of syntactic structures with a repeated substantive and the relative pronoun *kotory* in postpositive subordinate clauses. The analysis demonstrates that this bureaucratic cliché was much more common in texts following new language norms than in ones written in “simple” Church Slavonic. The use of repeated substantives was partly supported by translations from Latin where analogous syntactic structures were widely spread and had the same stylistic connotation.

Keywords: Russian language, history of Russian standard language, historical syntax, relative subordination, Petrine era.

References

Bykova, T. A., & Gurevich, M. M. (1955). *Opisanie izdaniy grazhdanskoy pechati. 1708 yanvar 1725 g.* Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

Hüttl-Folter, G. (1996). *Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache. Die frühen Übersetzungen aus dem Französischen.* Wien; Köln; Weimar: Böhlau.

Kachevskaya, G. A. (1954). К истории slozhnopodchinennykh predlozheniy s pridatochnym opredelitel'nym (Po dannym pamyatnikov russkoy pis'mennosti XVI v.). *Trudy Instituta yazykoznanija AN SSSR*, 5, 203–223.

Kagarlitskiy, Yu. V. (2004). Pridatochnye opredelitel'nye s soyuznym slovom koy v russkom literaturnom yazyke pervoy poloviny XVIII veka. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 136–156.

Kershiene R. B. (1973) Slozhnopodchinennye opredelitel'nye predlozheniya. In V. I. Borkovskiy (Ed.), *Sravnitel'noistoricheskiy sintaksis vostochnoslavjanskikh yazykov. Slozhnopodchinennye predlozheniya* (pp. 5–73). Moscow: Nauka.

Kershiene, R. B. (1979). Slozhnopodchinennye opredelitel'nye predlozheniya. In V. I. Borkovskiy (Ed.), *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Sintaksis. Slozhnoe predlozhenie* (pp. 56–109). Moscow: Nauka.

Korotaeva, E. I. (1964). *Soyuznoe podchinenie v russkom literaturnom yazyke XVII veka*. Moscow; Leningrad: Nauka.

Kruglov, V. M. (2003). Upotreblenie otnositel'nykh pridatochnykh s mestoimeniem kotoryy v russkom rukopisnom perevode vtorogo traktata o pravlenii Dzhona Lokka. *Zeitschrift für slavische Philologie*, 62(1), 61–81.

Kruglov, V. M. (2004). *Russkiy yazyk v nachale XVIII veka: uzus petrovskikh perevodchikov*. St. Petersburg: Nauka.

Kruglov, V. M. (2015). Istoricheskiy sintaksis i istoriya russkogo literaturnogo yazyka. In P. E. Bukharkin, & E. M. Matveev (Eds.), *Literaturnaya kul'tura Rossii XVIII veka* (Issue 5, pp. 119–131). St. Petersburg: Izd-vo SPbGU.

Kruglov, V. M. (2015). O kharaktere normy v russkom yazyke pervoy chetverti XVIII veka. In N. A. Guskov (Ed.), *Petra Philologica: professoru Petru Evgen'yevichu Bukharkinu ko dnyu shestidesyatiletiya* (pp. 167–180). St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

Potebnya, A. A. (1968). *Iz zapisok po russkoy grammatike* (Vol. 3). Moscow: Prosvshchenie.

Stetsenko, A. N. (1960). *Slozhnopodchinennoe predlozhenie v russkom yazyke XIV–XVI vv.* Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta.

Sumkina, A. I. (1954). K istorii otnositel'nogo podchineniya v russkom yazyke XIII–XVII vv. *Trudy Instituta yazykoznaniya AN SSSR*, 5, 139–202.

Szantyr, A. (Ed.). (s.a.). *Lateinische Syntax und Stilistik von J. B. Hofmann. Mit dem allgemeinen Teil der lateinischen Grammatik*. München : C.H. Beck.

Troitskiy, V. I. (1968). *Otnositel'noe podchinenie v yazyke russkoy pis'mennosti XVI–XVII vv.* Kazan: Izd-vo Kazanskogo universiteta.

Zaliznyak, A. A., & Paducheva, E. V. (1979). Sintaksicheskie svoystva mestoimeniya kotoryy. In T. M. Nikolaeva (Ed.), *Kategoriya opredelennosti-neopredelennosti v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh* (pp. 289–329). Moscow: Nauka.

Zhivov, V. M. (1997). Zametki ob istoricheskom sintaksise russkogo yazyka (Po povodu knigi: Hüttl-Folter 1996). *Voprosy jazykoznaniya*, 4, 58–69.

Zhivov, V. M. (2000). O svyazannosti teksta, sintaksicheskikh strategiyakh i formirovaniy russkogo literaturnogo yazyka novogo tipa. In L. L. Iomdin, & L. P. Krysin (Eds.), *Slovo v tekste i v slovare: sbornik statey k 70-letiyu akademika Yu. D. Apresyana* (pp. 573–581). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

Received on November 20, 2018

въ четвъртомь червчн. а слѣцю. д̄. го перъста. лѣт̄. ѿ. к̄ (...) [Горский, Невоструев 1855: 292]. На что указывает фраза **а. ѿ. въ четвъртомь червчн**? По убедительному предположению Р. А. Симонова [Симонов 2004: 54–55], Домид имеет в виду самую позднюю из возможных дат «законной Пасхи» — 18 апреля¹. Но при этом слово ***чървъць** (или ***черевьце**), отраженное здесь с диалектным «чоканьем», исследователь, как до него и Л. В. Столярова, отождествляет с названием летнего месяца — **чървень** или ***чървьнь**². В этом он опирается на И. И. Срезневского, который, однако, колебался и снабдил свое толкование слова (восстановленно-го как ***чървъць**) вопросительным знаком [Срезневский III: 1558]. Следует заметить, что хотя ***чървъць** ‘летний месяц’ в древнерусских источниках не встречается (за исключением рассматриваемого нами сомнительного случая), аналогичные образования славянскому народному календарю известны: укр. *червець*, польск. *czerwiec* [Преображенский 1949: 64]; ср. также чешск. *červenec* — производное от *červen* [Шаур 1973: 96].

Представляется, тем не менее, что предложенное объяснение темного места в записи Домида неудовлетворительно. Во-первых, если вслед за Р. А. Симоновым связывать его с названной чуть выше датой «законной Пасхи» — **ѿ** [апреля] и, соответственно, трактовать **въ четвъртомь червчн** как ‘в четвертом [месяце], червце’ (использование Домидом январского стиля в принципе возможно), придется допустить, что название летнего месяца, утратив исконную семантику, «сместилось» на весну. Во-вторых, уточнение **въ четвъртомь** рядом с названием месяца избыточно. В-третьих, в рамках данной интерпретации трудно объяснить наличие предлога **въ**.

Понять значение редкой лексемы помогает календарная запись в кратком летописце, сохранившемся в сборнике последней четверти XV в.³ ГИМ, Увар. 515-4°. «Русская» его часть, заканчивающаяся смоленскими известиями домонгольского времени, опубликована [Тихомиров 1956: 356–357]⁴, но предшествующие записи («от Адама» до «Седьмого собора») не при-

¹ Под «законной Пасхой» («еврейской Пасхой», «Пасхой жидом») понималась не истинная еврейская Пасха, а «одно из 19 возможных (по числу кругов луны) пасхальных полнолуний» [Романова 2002: 33].

² Название ***чървьнь** (букв. ‘месяц червей’), вероятно, первично; **чървень** — переосмысление под воздействием корня **чърв-** со значением красного цвета [Шаур 1973: 96].

³ Датировка Ю. А. Грибова, опубликованная в [Демин 2019: 248–249].

⁴ Смоленские известия публиковались также отдельно и более точно [Памятники 2003: 47]. Их всего три; первое уникально, два других читаются (с существенными разночтениями) в западнорусском сборнике кон. XVI — нач. XVII в. Национальной библиотеки Украины, собр. Михайловского Златоверхого монастыря, № 475/1656 [Там же: 46–47]. Западнорусский (галицко-волинский) протограф имел и Уваровский сборник (по крайней мере, в той части, где помещен летописец): **ѿ оустокъ и до западъ** 289, **оу вѣдоуцѣ^м ижчѣноуѣса** 321, **навчиги^с** 323, **оу раю** 325об., **ж чомъ** 326 и др. Ближайшее окружение летописца — выдержки из толковой компиляции, датированной сер. XII — нач. XIII в. (о ней см. [Вершинин 2017]).

к сотворению Адама, который встречается в начале Псковской 1-й летописи: «ниже круга солнечнаго 2 (!) наречся, еже 1 лѣто въ верхнемъ гбѣжи 3-яго перста» [ПСРЛ V/1: 5]. То же самое (с разночтением: «число круга...») находим в Рогожском летописце [ПСРЛ XV: 2]. Как правило, в «Руке Иоанна Богослова» вруцелето, соответствующее второму солнечному кругу, находится в третьей строке сверху или первой снизу [Романова 2002: 36–37]¹⁰, но в упомянутом выше редком варианте таблицы оно читается именно над третьим (безымянным) пальцем [Климишин 1985: 265]¹¹.

Итак, рассматриваемую лексему следует понимать как ‘клетка таблицы’. Вероятнее всего, она представляет собой уменьшительное образование от **чрево/черево** (< **červo*) и восстанавливается в исходной форме как ***чревыце** (для Псковского Апостола) или ***черевыце** (для Уваровского сборника)¹². Слова со значением ‘живот’ нередко используются метафорически в качестве обозначения разнообразных выпуклостей¹³, в данном случае — на фалангах пальцев календарной «руки». Единственное затруднение, которое возникает, если принять данную этимологию, — это позиция гласного при плавном в Псковском Апостоле (**червьчи**). Представляется, однако, что такой орфографический вариант можно сблизить с отмеченными по рукописям XI–XIII вв. написаниями типа **сердѣ**, **сердоу**, **по сердѣ**¹⁴.

¹⁰ Псковская 1-я летопись в своей начальной части особенно близка к тексту Увар. 515-4°, что может указывать на ареал распространения особых хронологических традиций. Впрочем, подробных расчетов для 5533 г. здесь нет, а вычисления для 1 г., напротив, отсутствуют в Уваровском сборнике.

¹¹ В таблице В. Петрова, переизданной в [Климишин 1985: 265], в каждом пальце умещается по три вруцелета (чем достигается полное сходство с настоящими пальцами, имеющими по три фаланги). Еще по одному числу пишется над пальцами. Но не исключено, что в общем источнике кратких летописцев это четвертое число читалось все же в пределах пальца — «въ верхнемъ гбѣжи». Заметим, что и фраза **а слнцю. д. го перъста. лѣ. ѣ. к** в записи Псковского Апостола, справедливо истолкованная Р. А. Симоновым как указание на вруцелето (6) 11-го солнечного круга [Симонов 2004: 55], соответствует не только стандартным древнерусским вариантам «руки», но и таблице В. Петрова, где число **ѣ** читается возле средней фаланги четвертого пальца (мизинца). В обоих случаях среди семи чисел, расположенных на четвертом пальце или рядом с ним, есть только одна шестерка.

¹² Близкая к рассматриваемому месту часть сборника Увар. 515-4° богата примерами первого полногласия: **черепыє** 290, **серѣдовѣ** 325 об., **ниже см сѣхоронниа** 329 и др.

¹³ Так, в буковинских говорах известно *черевице* ‘средняя утолщенная часть веретена’ [СлБук 2005: 639]; ср. также семантически близкое чешск. *briško prstu*, польск. *brzusiec palca* ‘подушечка пальца’ (собственно, ‘брюшко пальца’).

¹⁴ Примеры см.: [Колесов 1980: 73; Крысько 2003: 346]. Интерпретация их различна: В. В. Колесов находит здесь фиксацию одной из стадий формирования полногласия, когда **о** или **ѣ** передается «только на месте одного из корневых гласных, именно подударного» [Колесов 1980: 73], что весьма вероятно в условиях существования рефлексов типа *Tor^oT* или *Tor^oT* на территории «будущей украинско-бело-

Менее предпочтителен другой вариант этимологии — от **чървь** (< *čьrvь) ‘красный’. В этом случае слово подчеркивает красный цвет календарной «руки» (в древнейших списках начерченной киноварью), а его исходная форма предстает как **чървьць/чєрєвьць**, что является полной аналогией многократно зафиксированного термина со значением ‘красное поле в ткани’, ‘красный драгоценный камень’ и др. [Срезневский III: 1558]. Слабое место этой гипотезы состоит в том, что сами клетки киноварью не окрашены (только их границы — красные); кроме того, в рукописной традиции (особенно позднейшей) широко распространены таблицы без киновари. Остается надеяться на обнаружение новых контекстов для окончательного решения вопроса.

В заключение стоит отметить, что понятие ***чървьць** или ***чєрєвьць** в позднейших текстах не встречается (начиная с XV в. для обозначения «клеток» календарных таблиц в форме «рук» используются слова *гбежь* и *суставь*¹⁵). Насколько широко был распространен этот термин прежде, остается лишь гадать, так как более древние календарно-хронологические тексты дошли до нас в ничтожных отрывках.

Л и т е р а т у р а и и с т о ч н и к и

Бобрин 2018 — М. А. Б о б р и н. Возвращаясь к надписи на Алексеевском кресте: что значит *общее льто*? // Русский язык в научном освещении. 2018. № 2 (36). С. 111–122.

Вершинин 2017 — К. В. В е р ш и н и н. Об одном источнике Мерила Праведного и Кормчей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1 (67). С. 5–8.

Горский, Невоструев 1855 — А. В. Г о р с к и й, К. И. Н е в о с т р у е в. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. I: Священное писание. М., 1855.

Демин 2019 — А. С. Д е м и н. Художественная семантика древнерусских литературных форм и средств // Герменевтика древнерусской литературы. М.; Берлин, 2019. Сб. 18. С. 180–306.

Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Калайдович 1824 — К. Ф. К а л а й д о в и ч. Биографические сведения о жизни, ученых трудах и Собрании российских древностей графа А. И. Мусина-Пушкина // Записки и труды Отделения истории и древностей Российских. 1824. Ч. 2. Отд. 2. С. 3–48.

Климишин 1985 — И. А. К л и м и ш и н. Календарь и хронология. М., 1985.

Колесов 1980 — В. В. К о л е с о в. Историческая фонетика русского языка. М., 1980.

русской зоны», а также в «части говоров кривичского ареала» [Зализняк 2004: 39–40]. В. Б. Крысько не исключает «сохранения весьма архаичных форм» [Крысько 2003: 346].

¹⁵ Примеры см. [Романова 2002: 346, 355]. Древнейший известный пример употребления слова *гбежь* ‘сустав’ в данном значении обнаруживается в упомянутой выше записи Рогожского летописца середины XV в.

Крысько 2003 — В. Б. Крысько. Русско-церковнославянские рукописи XI—XIV вв. как источник по истории старославянского и русского языков: новые данные // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Люблина, 2003 г. Доклады российской делегации. М., 2003. С. 339–355.

Левочкин 1986 — И. В. Левочкин. Псковский писец Домид и Апостол 1307 года // Альманах библиофила. М., 1986. Вып. 21. С. 106–116.

Мильков, Симонов 2011 — В. В. Мильков, Р. А. Симонов. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель (Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII). М., 2011.

Памятники 2003 — Письменные памятники истории Древней Руси XI—XIII вв. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог / Под ред. Я. Н. Щапова. СПб., 2003.

Петров 1787 — В. Петров, свящ. Рука Богословля, или Наука изъяснения о пасхалии. М., 1787.

Преображенский 1949 — А. А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. Выпуск последний (= Труды Института русского языка. Т. 1). М., 1949.

ПСРЛ V/1 — Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. Псковские летописи. М., 2003.

ПСРЛ XV — Полное собрание русских летописей. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000.

Романова 2002 — А. А. Романова. Древнерусские календарно-хронологические источники XV—XVII вв. СПб., 2002.

Симонов 2004 — Р. А. Симонов. О пасхальном значении выходной записи Апостола 1307 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 1 (15). С. 52–59.

СлБук 2005 — Словник буковинських говірок. Чернівці, 2005.

Смирнов 1913 — С. И. Смирнов. Древнерусский духовник. СПб., 1913.

Срезневский, I—III — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I—III. СПб., 1890–1912.

Столярова 2000 — Л. В. Столярова. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000.

Тихомиров 1956 — М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956.

Шаур 1973 — В. Шаур. К вопросу о реконструкции праславянских названий месяцев // Этимология. 1971. М., 1973. С. 93–101.

Статья получена 16.05.2019

Konstantin V. Vershinin

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
versh-kv@yandex.ru

ВЪ... ČERVŪČI IN THE COLOPHON OF THE PSKOV APOSTLE OF 1307: WHAT DOES IT MEAN?

The paper deals with the lexeme that has been thus far registered by the dictionaries of Old Russian merely in the colophon of the *Pskov Apostle* of 1307 (where it occurs in the locative form: *červŭci*) and has been presumably interpreted as a variation of the Slavic name of a summer month (*červень/*červънь*). Another text where the word comes up (a brief chronicle

found in a miscellany dating back to the last quarter of the 15th century) allows to interpret it unambiguously as ‘cell’ (of a hand-shaped table for calendar calculations). However, the initial form (**čer(e)lvьсь* or **č(e)revьse*) and the etymology of the word remain debatable.

Keywords: The *Pskov Apostle* of 1307, Old Russian language, lexicology, historical chronology.

References

- Bobrik, M. A. (2018). *Vozvrashchayas' k nadpisi na Alekseevskom kreste: chto znachit obshchee leto? Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 111–122.
- Demin, A. S. (2019). *Khudozhestvennaya semantika drevnerusskikh literaturnykh form i sredstv. Germenevtika drevnerusskoy literatury*, 18, 180–306.
- Klimishin, I. A. (1985). *Kalendar' i khronologiya*. Moscow: Nauka.
- Kolesov, V. V. (1980). *Istoricheskaya fonetika russkogo yazyka*. Moscow: Vysshaya shkola.
- Krysko, V. B. (2003). *Russko-tserkovnoslavyanskije rukopisi XI—XIV vv. kak istochnik po istorii staroslavjanskogo i russkogo yazykov: novye dannye*. V. M. Zhivov, A. M. Moldovan, & T. M. Nikolaeva (Eds.), *Slavyanskoe yazykoznanie. XIII Mezhdunarodnyy s'ezd slavistov. Lyublyana, 2003 g. Doklady rossiyskoy delegatsii* (pp. 339–355). Moscow: Indrik.
- Levochkin, I. V. (1986). *Pskovskiy pisets Domid i Apostol 1307 goda. Al'manakh bibliofila*, 21, 106–116.
- Milkov, V. V., & Simonov, R. A. (2011). *Kirik Novgorodets: uchenyy i myslitel'*. Moscow: Krug.
- Shchapova, Ya. N. (Ed.). (2003). *Pis'mennye pamyatniki istorii Drevney Rusi XI–XIII vv. Letopisi. Povesti. Khozhdeniya. Poucheniya. Zhitiya. Poslaniya. Annotirovannyi catalog*. St. Petersburg.
- Preobrazhenskiy, A. A. (1949). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. Vypusk posledniy*. Moscow: Gos. izdat-vo inostr. i nats. slovarye.
- Romanova, A. A. (2002). *Drevnerusskie kalendarno-khronologicheskie istochniki XV–XVII vv.* St. Petersburg: Dm. Bulanin.
- Simonov, R. A. (2004). *O paskhal'nom znachenii vykhodnoy zapisi Apostola 1307 g. Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 1, 52–59.
- Guyvanyuk, N. V., et al. (Eds.). *Slovník bukovinsk'ikh govirok*. Chernivtsi: Ruta.
- Smirnov, S. I. (1913). *Drevnerusskiy dukhovnik*. St. Petersburg.
- Sreznevskiy, I. I. (1890–1912). *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka* (Vols. 1–3). St. Petersburg.
- Stolyarova, L. V. (2000). *Svod zapisey pistsov, khudozhnikov i pereplechikov drevnerusskikh pergamentnykh kodeksov XI–XIV vekov*. Moscow: Nauka.
- Shaur, V. (1973). *K voprosu o rekonstruktsii praslavyanskikh nazvaniy mesyatsev*. In O. N. Trubachev (Ed.), *Etimologiya. 1971* (pp. 93–101). Moscow: Nauka.
- Tikhomirov, M. N. (1956). *Drevnerusskie goroda*. Moscow: Nauka.
- Vershinin, K. V. *Ob odnom istochnike Merila Pravednogo i Kormchey. Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 1, 5–8.
- Zaliznyak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskiy dialect* (2nd ed.). Moscow: Yazyki slavjanskoj kultury.

Received on May 16, 2019

Хроника VI Международной научной конференции «Актуальные проблемы русской диалектологии»

26–28 октября 2018 г. в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН состоялась VI Международная конференция «Актуальные проблемы русской диалектологии». Традиция проведения таких совещаний была возобновлена в 2004 г. по инициативе Л. Л. Касаткина, бывшего тогда заведующим отделом диалектологии и лингвогеографии. Нынешняя конференция проводилась совместно с Научным советом по лексикологии и лексикографии РАН (сопредседатели: академик А. Е. Аникин и член-корреспондент С. А. Мызников).

В работе приняло участие 80 лингвистов, прежде всего из России, а также из Германии, Казахстана, Китая, США, Украины, Эстонии. На двух пленарных заседаниях были прочитаны доклады, представляющие интерес как с точки зрения общей теории языка, так и с точки зрения практической диалектологии. В рамках конференции работало четыре секции: 1. «Фонетика. Грамматика»; 2. «Лексикология. Лексикография»; 3 «Диалектные источники. Лингвокультурология»; 4. «Ареальная лингвистика. Языковые контакты».

На первом пленарном заседании в докладе **Н. В. Большаковой** (Псков) были рассмотрены дискуссионные вопросы изучения псковско-белорусского диалектного пространства, представлена разработка исследования уникального пограничного идиома методом лексикографирования. **Т. А. Демешкина** (Томск) познакомила собравшихся с параметрами модели описания диалектной куль-

туры. Доклад **Е. А. Нефедовой** (Москва) был посвящен семантике глаголов с приставкой *за-*, которая широко употребляется в архангельских говорах как второй приставочный элемент, сочетаясь с глаголами сов. и несов. вида. Продуктивность этой модели является яркой особенностью словообразовательной системы диалекта. Было высказано предположение, что глагольные формы с удвоением приставки обладают большей выразительностью и определяют действие как более интенсивное. Присутствующих заинтересовал доклад **М. Б. Бергельсон** и **А. А. Кибрика** (Москва) о русском диалекте д. Нинильчик на Аляске. Авторы пришли к выводу, что это русский идиом, который образовался в результате контакта с местными языками, прошел период креолизации, декреолизации, имел период независимого развития и существовал только в устной форме, не испытывая влияния со стороны письменного языка. **В. Л. Васильев** (Великий Новгород) рассказал о материалах картотеки Новгородского областного словаря как источнике новгородской региональной диалектологии. **Л. В. Куркина** (Москва) убедительно продемонстрировала значимость этимологических данных в практике составления диалектных словарей, особенно при трактовке многозначного слова. Важная и очень злободневная проблема была поднята в докладе **Е. Л. Березович** (Екатеринбург), в котором рассматривались проявления псевдонаучных (неверифицируемых или имеющих «нулевую» ценность) по-

строений и причины их возникновения в лингвокультурологии. Докладчик уделил внимание таким проявлениям лженаучности, как непосредственное, буквальное выведение свойств «национального характера» из языковых явлений, «подтягивание» языкового материала под актуальные идеологемы, а также выявил причины методологического характера, определяющие появление псевдонаучных построений. **С. К. Пожарицкая** (Москва) рассказала о флексии тв. п. мн. числа существительных и прилагательных в говорах Архангельской области и важности этой черты для диалектного членения.

На заключительном пленарном заседании проблемы изучения языковых контактов были затронуты в докладе **С. А. Мызникова** (Санкт-Петербург), показавшего, что при вхождении иноязычной (прибалтийско-финской) лексики в русский язык на фонетическом уровне следует различать два одновременных этапа: первичную адаптацию и дальнейшее фонетическое освоение.

Несколько докладов было посвящено созданию корпусов диалектных текстов и интерпретации их данных. Выступление **И. Б. Качинской** (Москва) касалось состояния Корпуса диалектных текстов в составе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и необходимости его пополнения, были названы группы говоров, представленные в Корпусе. В докладе демонстрировались возможности грамматической разметки и поиска в подкорпусе по разным параметрам. **А. В. Войтенко** и **В. И. Березнев** (Москва) в докладе «Создание корпуса говоров Подмосковья как новый этап изучения говоров региона» рассказали о планах создания интернет-ресурса, базирующегося на известных трудах А. Ф. Войтенко: «Словарь говоров Подмосковья», «Лексический атлас Московской области», а также на корпусе диа-

лектных текстов. В докладе **Р. фон Вальденфельса** (Йена), **А. И. Виняра**, **М. А. Даниэля**, **Н. Р. Добрушиной** и **А. В. Тер-Аванесовой** (Москва) сообщалось о текущем состоянии Корпуса бассейна Устья, наиболее крупного русского диалектного корпуса, доступного онлайн. Были представлены результаты изучения варьирования в говоре д. Михалёвская Устьянского р-на Архангельской обл. на основании 11 фонетических и морфологических явлений. Докладчики познакомили слушателей с методикой описания динамики утраты диалектных реализаций переменных с учетом следующих параметров: начальный уровень, резкость спада, точка (период) баланса диалектных и стандартных реализаций переменных; предложена интерпретация различного поведения переменных.

Несколько выступлений было посвящено вопросам лингвогеографии. В своем видеодокладе **П. Е. Гриценко** (Киев, Украина) показал возможность и целесообразность изучения диалектных явлений за пределами континуума отдельного языка на примере полилингвальных атласов — общеславянского, общецарпатского, балканского. Ценную информацию для исследования отношений между славянскими диалектами сохраняет не только фонетика, грамматика, но и лексика, модели словообразования, семантика. Анализ изолек и изосем нередко способствует выявлению неизвестных ранее изодокс и изопрагм, что обогащает наши представления о лингвальном и культурном ландшафте Славии.

Особо хочется отметить, что на заседании звучали доклады, показывающие преемственность в науке. В них упоминались имена ученых-диалектологов, внесших большой вклад в отечественную лингвистику. Доклад **И. А. Букринской** и **О. Е. Кармаковой** (Моск-

ва) был посвящен 100-летию со дня рождения К. Ф. Захаровой. В нем шла речь о месте среднерусских говоров в разных классификациях: «Диалектологической карте русского языка в Европе» (1914 г.), «Диалектном членении русского языка» К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой, «Типологической классификации русских говоров» Н. Н. Пшеничной. Восточные среднерусские говоры входят в центральную диалектную зону в пространстве русского языка, одновременно являясь периферией в масштабах Славии, поэтому в них встречаются как инновации, так и архаизмы позднепраславянского периода. **О. Ю. Крючкова** (Саратов), посвятившая свой доклад памяти замечательного лингвиста В. Е. Гольдина (1931–2017), показала, что диалектные тексты свидетельствуют о разной степени осознания речи современными информантами: от полной невозможности сосредоточения внимания на слове до активной метаязыковой рефлексии, возникающей по инициативе самих говорящих. Выявляемая шкала степеней осознания речи — результат и свидетельство изменений традиционной культуры: оставаясь устной, народная речь теряет признак «бесписьменности». В докладе **А. В. Тер-Аванесовой** (Москва) прослежены изменения в южнорусской глагольной акцентуации путем сравнения рукописи второй половины XVI в. «Космография Мартина Бельского», изученной А. А. Зализняком, и акцентуации современного говора с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл. Автор напомнила, что во время подготовки описания «Космографии» А. А. Зализняк использовал акцентологические материалы Диалектологического атласа русского языка и много работал в отделе диалектологии ИРЯ РАН.

Второе пленарное заседание завершил доклад **О. Г. Ровновой** (Москва) «Исследования диалектного языка старообрядцев в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН». В нем была отмечена огромная научная и организаторская роль Л. Л. Касаткина в изучении старообрядческих говоров как в России, так и за ее пределами (с 1996 по 2015 г. он совершил 19 экспедиций и сделал подробное описание целого ряда диалектов). В работах О. Г. Ровновой и Д. М. Савинова исследован диалектный ландшафт Западного Причудья (Эстония), продолжается исследование говоров старообрядцев Южной Америки.

На секции «Фонетика. Грамматика» прозвучало 17 докладов. Выступления, посвященные фонетике, продемонстрировали многообразие современных методов изучения диалектных фонетических явлений. Результаты исследования ударного и предупредного вокализма в архаических южнорусских говорах методом инструментального анализа были представлены в докладах Д. М. Савинова, Е. В. Корпечковой и С. В. Дьяченко. **Д. М. Савинов** и **Е. В. Корпечкова** (Москва) подчеркнули, что для адекватного описания диалектной вокалической системы необходимо фиксировать не только особые реализации фонем верхне-среднего подъема, но и аллофоны всех остальных гласных фонем. Так, аллофон фонемы /а/ более переднего или более низкого образования может свидетельствовать об архаичности системы и наличии в говоре в недавнем прошлом семи гласных фонем. **С. В. Дьяченко** (Москва) рассказала об изучении ритмической структуры проподического ядра в архаическом говоре с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл. В ходе двух экспериментов получены формулы соответствия длительностей ударных и предупредных слогов и установлено, что пре-

ударный гласный в целом на 20–40% короче ударного. В докладе **Е. В. Колесниковой** (Москва) речь шла о работе над созданием карт «Архангельского лингвистического атласа» по материалам Архангельского областного словаря (АОС), электронной базы данных АОС и экспедиционных записей. Автором выделено и представлено на карте три системы употребления звуков [j]/[ʏ]/[w] в соответствии с фонемой /l/.

Многие выступления содержали наблюдения над трансформацией фонетической системы говоров. **Т. Ю. Игнатович** (Чита) показала, что на разных языковых уровнях обнаруживается различная степень устойчивости диалектных черт. Менее устойчивой оказывается система вокализма. Некоторые консонантные явления сохраняются более последовательно и участвуют в формировании забайкальского региолекта. В докладе **З. В. Сметаниной** (Киров) был сделан акцент на описании произношения аффрикат в говорах Кировской обл. в диахронии. Сравнение современных образцов кайских говоров с исследованиями 40–50-х гг. XX в. позволяет констатировать сохранность многих архаических диалектных черт (например, [ч^л] и [с^л] на месте /ч^л/ в одних районах области и произношение /ч^л/ как [ш^л] или [ч^ш] — в других). В докладе **С. В. Князева** и **П. А. Малыхиной** (Москва) речь шла о постепенной трансформации диссимилятивного аканья в идиолекте одной семьи. Были даны образцы речи представителей четырех поколений, из которых самая старшая (прабабушка) проживает в Брянской обл., а ее дочь, внучка и правнучка — в Москве. Докладчики показали этапы последовательной утраты диссимилятивного аканья в речи каждого следующего поколения.

Словообразовательный уровень диалектной грамматики был представлен в докладе **Л. З. Бояриновой** (Смоленск),

которая исследовала специфику формирования морфемной структуры имен существительных — наименований лиц женского пола (на материале смоленских говоров). Она выявила типы мотивирующих основ, закономерности изменения (или отсутствия изменения) мотивирующих основ при присоединении суффикса, комбинаторные свойства формантов, многие из которых могут присоединяться только к основам определенной части речи (*мотаться* — *мота-лка*, *болеть* — *боле-ба*, *слепая* — *слеп-ындя*, *чума* — *чум-инда* и др.).

Несколько сообщений были посвящены проблемам диалектной морфологии. **С. С. Токарева** и **А. Д. Черенкова** обратились к вопросам словоизменения имен существительных на материале воронежских говоров. **А. Д. Черенкова** (Воронеж) рассказала об утрате родовых различий во мн. числе имен существительных в талагайских говорах курско-орловского типа. Автор сделала вывод, что утрата родовых различий в формах им. и род. п. мн. ч. происходит более интенсивно, чем в литературном языке, в частности, окончание *-ов(-ев)* очень продуктивно независимо от рода и склонения: *рад'и'т'ьл'ь'ф*, *д'ало'ю*, *жэ'нцынь'ф*, *с'им'ано'w* и др. **С. С. Токарева** (Воронеж) показала, что в разных типах воронежских говоров (талагайских, цуканских и др.) отмечается тенденция к переходу существительных III скл. в состав I скл. и привела статистические данные ее проявления. Флексиям 3 л. ед. ч. глаголов в опочском говоре был посвящен доклад **А. С. Ходасевич** (Москва), в котором рассматривались условия употребления форм с конечной /m/ и с отсутствием /m/, а также вариативность выражения фонемы /e/ в безударных окончаниях глаголов: *сту*кайа/сту*кайе*. **З. В. Митченко** (Псков) изучила специфику категории переходности на материале «Псковского областного словаря с ис-

торическими данными». В ходе исследования были отмечены нетипичные случаи проявления транзитивных свойств глагола, а также выявлена группа непереходных глаголов, которые функционируют как переходные.

Не остались без внимания и вопросы диалектной аспектологии. В докладе **В. А. Закревной** (Тюмень) были рассмотрены примеры сосуществования в диалектном тексте разных видо-временных форм: прошедшего совершенного с аористичным или перфектным значением, будущего совершенного и настоящего несовершенного с узальным и потенциальным значением, прошедшего времени многократных глаголов (*хаживал, не нашивал*) и др. **О. Г. Ровнова** (Москва) рассказала о концепции и задачах «Словаря говора старообрядцев Южной Америки» и о возможностях наиболее полного представления в нем аспектуальной информации. В докладе были приведены примеры диалектных имперфективных и перфективных видовых пар, а также представлены образцы словарных статей, отражающих видовые особенности диалектных глаголов.

Накопление значительного массива материалов по отдельным русским говорам, создание в последнее десятилетие многочисленных диалектных корпусов и баз данных выводит на новый уровень исследование диалектного синтаксиса. В докладе **Н. В. Марковой** (Петрозаводск) рассматривались общерусские пассивные и диалектные квазипассивные конструкции с причастиями на *-н-*, *-т-* (*армия кончена у парня; поехано у меня было*) в говоре д. Вилга Прионежского р-на Республики Карелия. Двусоставные предложения с им. п. субъекта действия и предикативным причастием от непереходных глаголов (*уеханы все были*), ранее не характерные для прионежских говоров, интерпретированы как закономерный этап в

развитии северо-западного перфекта. Результаты корпусных исследований были показаны в трех докладах. **С. О. Альборн** (Франкфурт-на-Майне, Германия) описала употребление пост-позитивной частицы *-то* в новгородских (оцифрованное издание 1924 г.) и псковских (собранных в период с 70-х гг. XX в.) сказках с применением корпусных методов. Отмечено, что эта частица, выполняя функцию определенного артикля, отсутствует при первом упоминании главного героя и присутствует при каждом последующем упоминании и никогда не используется при имени собственном в позиции обращения. **А. В. Малышева** и **Р. Р. Ронько** (Москва) представили результаты исследования падежного синтаксиса: корпусное описание беспредложного дательного падежа в говоре с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл., а также родительного и винительного падежей при глаголе с отрицанием на материале нескольких диалектных корпусов.

На секции «Лексикология. Лексикография» было прочитано 17 докладов. На первом заседании речь шла прежде всего о создании новых лексикографических трудов: принципах отбора материала и построения словарных статей. Так, **И. П. Кюльмоя** (Тарту, Эстония) рассказала о работе над «Лексиконом традиционной культуры старообрядцев Эстонии». **Е. П. Андреева** (Вологда) представила проект «Словаря рыболовецкой лексики Белозерья с историческими данными», который дает возможность описать историю древнего промысла, контакты местного населения с носителями соседних говоров, выявить субстратный слой. Доклад **М. Д. Корольковой** (Санкт-Петербург) был посвящен принципам построения «Словаря ремесленной лексики Присурского Поволжья». **Н. С. Ганцовская** (Кострома) сообщила о продолжаю-

щейся работе над лексикографическим описанием говоров Костромской обл., в частности о словаре «Костромское Приволжье». **Л. С. Зинковская** (Омск) представила доклад о тематической разметке «Ткачество» в региональном диалектном корпусе Среднего Прииртышья. В докладе **Ю. Н. Драчевой** (Вологда) рассматривались особенности отражения народной речи в сфере массовой коммуникации в зависимости от типа публикации, аудитории, вида СМИ.

Е. Л. Березович и **К. В. Осипова** (Екатеринбург) проанализировали смысловую структуру деривационно-фразеологического гнезда с вершинным словом *Соломон* в русских говорах. **О. В. Никифорова** (Арзамас) показала своеобразие словообразовательной системы нижегородских говоров на материале обрядовой лексики с префиксом *вы-*. **Е. В. Колосько** (Санкт-Петербург) говорила о необходимости систематизации диалектных подзывных слов и изучении их словообразовательных моделей. Доклад **С. В. Лесникова** (Санкт-Петербург) был посвящен созданию гипертекстового свода лексики русских говоров. В электронной форме представлено уже более 300 источников — диалектных словарей севера, центра и юга России; Урала, Сибири и Дальнего Востока; западного и южного, ближнего и дальнего зарубежья. Докладчик продемонстрировал технические возможности информационно-поисковой системы, подчеркнул ее значимость для диалектной и исторической лексикологии. **Е. А. Ковригиной** (Москва) были проанализированы фрагменты семантических полей 'БОЛЕЗНЬ' и 'ТОСКА', которые в говорах архангельского региона вступают во взаимодействие друг с другом. В литературном языке понятие *тоска* координируется только с этноспецифическим концептом *душа*, а в говорах оказывается тесно связанным

также и с концептом *тело*. **Ж. А. Панина** (Москва) рассмотрела значения и оттенки значения лексемы *неделя* в архангельских говорах. **Н. А. Редько** (Москва) рассказала об общерусском слове *зло*, имеющем в говорах Архангельской области большое количество лексических и словообразовательных дериватов. В докладе **Т. Е. Баженовой** (Саратов) представлена лексика говоров южной части территории самарского Поволжья, которая включена в региональный тематический словарь. Изучаемые говоры отличаются преобладанием южнорусских лексем, которые образуют компактные ареалы. В докладе **Г. Д. Негановой** (Кострома) шла речь о народных географических терминах, включенных в «Словарь говоров Костромского Приволжья». Доклад **Е. В. Цветковой** (Кострома) был посвящен одной из самых значительных частей ландшафтной микротопонимии Костромского края — номинациям болот, образованным на основе географической, в том числе и местной, терминологии. **Т. В. Горлова** (Кострома) рассказала об архаических и современных названиях частей уездного города Нерехты.

Внимание лингвистов, выступавших на секции «Диалектные источники. Лингвокультурология», привлекли материалы самого разного характера и содержания: исторические (деловые документы), этнографические, литературные, а также письма, архивы диалектоносителей. Вызвал вопросы и живое обсуждение интересный доклад **А. П. Майорова** (Улан-Удэ), в котором обосновывалась необходимость разграничения понятий «регионализм» и «диалектизм» (диалектное слово), важных для характеристики языковой ситуации России как в XVIII в., так и в настоящее время. Понятие диалектного слова актуализируется в период становления единых норм национального языка, когда осоз-

вание территориальной ограниченности языковых средств приходит вместе с осмыслением нормированности лексических единиц литературного языка. В докладе **Л. А. Дмитрук** (Кострома) на материале произведений писателей демократического направления литературы XVIII в. проанализированы слова и фразеологизмы, занимавшие в разговорном речевом узусе того времени промежуточное положение между территориально и социально ограниченной лексикой и нейтральными общеупотребительными единицами литературного языка, в частности был рассмотрен фразеологизм «стать в пень». **И. И. Макеева** (Москва) на основе данных исторической диалектологии и экстралингвистических сведений изучала происхождение одного из списков цикла риторических произведений древнерусского писателя Кирилла Туровского. Цикл Слов в рукописи XIV в. из собрания Уварова (ГИМ) может быть локализован на территории ростово-суздальских говоров. **Л. Ю. Астахина** (Москва) проанализировала разные значения слова *потешение* в памятниках XVII в. и убедительно показала, что в результате метонимического переноса это слово приобрело значение ‘поощрение’, ‘дополнительная плата за внеурочную работу’, а впоследствии было заменено словом *премия* и вышло из активного употребления. Доклад **А. К. Шапошников** (Москва) проиллюстрировал один из способов верификации статуса слова для диахронической и диалектной лексикографии путем его выявления в исторической ономастике, антропонимии и исторической топонимии. В докладе **Е. Н. Ильиной** (Вологда) были представлены жанрово-стилистические и языковые особенности текстов рукописного архива В. А. Морозова (1906–1980) (см. «Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета», 2017). **О. В. Васильева** (Санкт-

Петербург) рассмотрела псковские диалектные особенности, отраженные в Разговорнике Тониса Фенне (1607 г.) и в записях проф. В. И. Трубинского 1956–1959 гг. из д. Ремда Гдовского р-на, а также в экспедиционных записях 1999 г. из д. Зубава Красногородского р-на Псковской обл., и отметила, что некоторые из диалектных черт сохранились в традиционном слое говора. Доклад **Л. Г. Гынгазовой** (Томск) был посвящен изучению наивной этики по данным речевой практики диалектной языковой личности. Внимание уделялось этически маркированной сфере в пространстве *дома*: ведение хозяйства, семейные, в частности супружеские, отношения, отношения между родителями и детьми. В докладе **Е. В. Иванцовой** (Томск) рассматривались приметы в дискурсе сибирской крестьянки В. П. Вершининой. Формальные, семантические и функциональные особенности примет отражают своеобразие их употребления в спонтанной речи информанта. **Л. А. Климкова** (Арзамас) познакомила слушателей с фрагментом языковой личности филолога, бывшего диалектоносителя, на основе его языковой рефлексии и пришла к выводу о сохранности диалектной лексики, усвоенной в детстве, на протяжении всей жизни человека. В докладе **С. М. Беляковой** (Тюмень) речь шла о сквозных (повторяющихся) признаках в семантике оценочной лексики, при этом наибольшая их концентрация отмечается в словах со значением негативной оценки. **А. Нахимовский** (Гамильтон, США) проанализировал переписку крестьян, участников Советско-финской войны, и заключил, что даже при отсутствии фонетических и морфологических диалектных черт в текстах могут быть представлены элементы синтаксиса, лексики, семантики, организации дискурса, характерные исключительно для языка крестьян. В выступлении

И. И. Исаева (Москва) была дана интерпретация диалектных черт письма, написанного малограмотным жителем с. Купреево Владимирской обл. **И. А. Букринская** и **О. Е. Кармакова** (Москва) в своем докладе уделили внимание экспрессивной просторечной лексике, включенной в любительские диалектные словари, и поставили вопрос о территориальной приуроченности подобных лексем. **Е. П. Осипова** (Рязань) говорила о важности этнографических материалов как источника и для создания Лексического атласа русских народных говоров, и для исследования процессов, происходящих в лексической микросистеме. **Л. Ю. Зорина** (Вологда) охарактеризовала недавно увидевший свет дифференциальный монодиалектный словарь, отражающий лексику говора Режского поселения Сямженского р-на Вологодской обл. Этнокультурная информативность словаря была показана на примере диалектных благопожеланий. **Е. Э. Базаров** (Москва) рассмотрел варианты лексического и синтаксического оформления глагольно-именных конструкций с ползнаменательными глаголами в деловых документах XVIII в. **М. К. Пак** (Караганда, Казахстан) еще раз напомнила собравшимся о реформаторских трудах Ломоносова-языковеда, который во многом ориентировался на живую народную речь и сделал значимые диалектологические открытия. **И. Б. Качинская** (Москва) рассказала о необычном письменном источнике — вышивке на платках, обнаруженной в с. Ивановка Исмаилинского р-на Республики Азербайджан, где уже 200 лет проживают когда-то сосланные на Кавказ русские протестанты-молокане. Вышивки сделаны в 50-е гг. XX в. и частично отражают особенности местной речи, связанные предположительно с восточной зоной южнорусского наречия.

В секции «Ареальная лингвистика. Языковые контакты» прозвучало четыре доклада. **Е. А. Оглезнева** (Томск) представила результаты совместного с **О. В. Пустоваловым** (Хэйхэ, КНР) исследования русских говоров в Китае. Доклад основан на материале, собранном в 2017 г. в Русской национальной волости Автономного района Внутренняя Монголия. Все информанты — потомки от смешанных браков, форму их русской речи можно определить как диалектную, сохраняющую черты севернорусского наречия и включающую явления русско-китайской интерференции. **В. А. Пыхов** (Москва) посвятил доклад ареалогическому комментарию к лексико-словообразовательной карте 'кудрявый, с вьющимися волосами' (о человеке) 12-го тома «Общеславянского лингвистического атласа». Докладчик отметил, что повторяемость лексических ареалов на картах Общеславянского лингвистического атласа свидетельствует о высокой степени гомогенности восточнославянского диалектного континуума, а также четко демонстрирует разделение Славии по линии север — юг. **С. О. Савчук** (Москва) привлекла внимание к проблеме региональной вариативности русской речи как результата сложного взаимодействия литературного языка, диалектов, просторечия, часто в условиях межъязыковых контактов. В составе НКРЯ разрабатывается подкорпус региональной устной речи, куда войдут тексты, записанные в различных регионах России и ближнего зарубежья. На примере Республики Марий Эл и Казахстана показано, что в устной речи русскоговорящих жителей этих регионов отмечены черты, присущие русским говорам. Разобраться в этой языковой ситуации поможет как социолингвистический подход к описанию материала, так и опыт изучения русских

говоров. В своем докладе **Л. С. Москаленко** (Москва) представила ряд особенностей русского языка жителей Симферополя.

*И. А. Букринская, О. Е. Кармакова,
А. В. Мальшева, О. Г. Ровнова*
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
dialects@mail.ru

Получено 25.04.2019

**The 6th International conference
“Actual problems
of Russian dialectology”**

*Irina A. Bukrinskaya, Olga E. Karmakova,
Anna V. Malysheva, Olga G. Rovnova*
Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
dialects@mail.ru

Received on April 25, 2019

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.31912/rjano-2019.2.11

**В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. Словарь словообразовательных
аффиксов современного русского языка. —
М.: Изд. центр «Азбуковник», 2016. — 812 с.**

Фундаментальный труд В. В. Лопатина и И. С. Улуханова «Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка» (далее — «Словарь»), вышедший в свет в 2016 г., пополнил ряд словообразовательных и морфемных словарей, появившихся в последние два века. Он по праву может быть назван новым словом в русской дериватологической лексикографии. Новизна и оригинальность рецензируемого «Словаря» заключаются не только в описании огромного материала, собранного авторами в течение многих десятилетий, но и в солидной теоретической его части, полной новых идей и интерпретаций.

По словам авторов, «Словарь» «...посвящен описанию каждой из словообразовательных морфем — каждого из суффиксов, префиксов, постфиксов, интерфиксов во всей совокупности их свойств и правил образования с этими морфемами» (с. 5). Иначе говоря, за основную единицу описания принимается служебная морфема (словообразовательный аффикс). Читателю предоставлена возможность получить ответы на вопрос о том, как «устроено» слово и как можно образовывать новое слово, ориентируясь на дериваты, наличествующие в «Словаре». Как справедливо подчеркивают авторы, «Словарь» преследует не только собственно описательные цели, но служит источником знаний о словообразовательных средствах (прежде всего продуктивных), с помощью которых образуются новые сло-

ва, тем самым служа «плацдармом» для усвоения русского языка во всем его многообразии. Теоретическая база «Словаря» — это квинтэссенция тех идей и разработок, которые появились в результате многолетних наблюдений В. В. Лопатина и И. С. Улуханова, отраженных в ряде исследований, в том числе совместных. Среди этих работ наиболее значимыми являются [Лопатин, Улуханов 1972; Лопатин 1977; Улуханов 1977; РГ 80; Лопатин, Улуханов 1984; Улуханов 1996; 2005; Лопатин 2007; Улуханов 2012; 2015; 2017] и др.

Не ставя перед собой цели дать подробный анализ предшествующих словообразовательных и морфемных словарей, подчеркнем, что рецензируемый «Словарь» в настоящее время открывает новые пути и возможности будущим исследователям деривационных систем¹.

¹ Тем не менее кажется целесообразным привести краткую историческую справку о ранее изданных словообразовательных словарях. Первым опытом такого рода стала работа [Калайдович 1824], построенная как «производный» словарь. Автор пишет: «Надлежит строго соблюдать последовательный порядок произведения слов. Для сего, во-первых, нужно помнить, что как от коренного слова происходят производные, так и сии в свою очередь делаются корнями для других производных, от которых рождаются новые производные» [Там же: 346]. И. Ф. Калайдович попытался показать в словаре все особенности формообразования, исключения из общих правил, дублетные

Огромен массив проанализированной в «Словаре» мотивированной лексики современного русского литературного языка. Материалом исследования послужили толковые словари: семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка» (1948–1965 гг.), вышедшие тома «Большого академического словаря русского языка» (первый том вышел в 2004 г.); часть статей (неологизмы и окказионализмы)

формы, ударения и т. д. [Там же: с. 356]. Однако этот проект оказался незаконченным из-за слабой разработанности теоретических вопросов представления гнездового материала. Через 18 лет появляется работа [Шимкевич 1842]. Цель автора состояла в том, чтобы разобраться в истоках русского языка, сравнив корни слов русского и 24 других языков. В «Корнеслове» Ф. С. Шимкевич выделил 1378 корней русских слов. Этот словарь был переиздан в 2007 г. В. К. Толкачевым (СПб.: Осипов. 340 с.). Из словарей нового времени следует назвать [Worth et al. 1970; Шкляр, Кюнерт 1973; Тихонов 1985; Потиха 1987; Ефремова 1996; Шишов 2004]. Исследования Д. Ворта по словообразованию обсуждаются в работе [Лопатин, Улуханов 1972]. Словари А. Н. Тихонова и Т. Ф. Ефремовой кардинально различаются подходами к представлению материала: первый построен по гнездовому принципу и отражает ступенчатый характер русского словообразования, второй является словарем-справочником аффиксальных единиц русского языка — по реализуемым задачам он наиболее близок к рецензируемому «Словарю», однако уступает ему в первую очередь по объему материала. Также здесь отсутствует иллюстративный материал. Выгодно отличается в этом отношении словарь И. А. Шишова, предлагающий толкования 3700 слов, их словообразовательную структуру и историю дериватов. Автор не скупится на иллюстративный материал, присовокупляя его к каждой проанализированной единице толково-словообразовательного гнезда.

из словарных серий «Новые слова и значения», «Новое в русской лексике», собственные картотеки авторов, в которых собраны не отмеченные в словарях материалы из газет, журналов, художественных текстов, устной речи. Привлекается также специальная и диалектная лексика, имеющая хождение в современных печатных и устных материалах.

Предисловие, содержащее необходимые сведения для продуктивной работы со «Словарем», делится на две части: «1. Структура словаря и словарной статьи»; «2. Понятия и термины морфемики и словообразования, используемые в Словаре». Уже из теоретического введения видно, какие архисложные задачи поставили перед собой В. В. Лопатин и И. С. Улуханов. Решая их, они создали для пользователей «Словаря» хорошо структурированную, максимально удобную форму подачи материала и предоставили четкие и лаконичные дефиниции понятий и терминов русской синхронной дериватологии, обобщив и уточнив то, что было сделано до них и ими самими в этой области лингвистики. Несомненно, предисловие является ценным вкладом в теорию современного русского словообразования.

В основной части «Словаря» представлены исчерпывающие сведения об анализируемых морфемах: состав морфов, которыми представлена каждая морфема; в словах каких частей речи и морфологических разрядов она зафиксирована; способы словообразования, в которых каждая морфема отмечена; общее значение морфемы, значения каждого словообразовательного типа и подтипа и вторичные словообразовательные значения; продуктивность морфемы в пределах каждого словообразовательного типа и подтипа; достаточно широкий перечень мотивированных слов и исчерпывающий список

слов для непродуктивных типов и подтипов; сведения о распределении разных морфов той или иной морфемы по разным морфонологическим позициям; для каждого из морфов — морфонологические преобразования основ мотивирующих слов (наращение и усечение, чередования, совмещение морфов), свойственные образованиям с соответствующим морфом, и характер ударения в этих образованиях, а также некоторые другие. Словарные статьи содержат существенно больший объем информации, чем известные нам прежние дериватологические словари.

На первый взгляд кажущаяся сложной «архитектура» словарных статей подчинена единому алгоритму. Здесь выделяются две ступени: семантико-словообразовательная и морфонологическая, предвещающие вводной частью, в которой представлены общие сведения о заглавной морфеме — ее морфное варьирование и орфографические варианты. Наиболее всего впечатляет список вариантов «объемных» морфем, как, например: **-н(ый, ой)¹**; **-альн(ый)**; **-арн(ый)** и орф. **-ярн(ый)**; **-атн(ый)**; **-ационн(ый)**; **-ебн(ый)**; **-евн(ый, ой)**; **-езн(ый)**; **-ейн(ый)**; **-ельн(ый)**; **-енн(ый)¹** и орф. **-ен(ый)**; **-иальн(ый)**; **-ивн(ый)**; **-идалн(ый)**; **-ильн(ый)²**; **-иозн(ый)**; **-ионн(ый)**; **-ичн(ый)**; **-йн(ый)**; **-менн(ый)**; **-обн(ый)**; **-овенн(ый)**; **-овн(ый)**; **-озн(ый)** и орф. **-ёзн(ый)**; **-ональн(ый)**; **-онн(ый)**; **-орн(ый)**; **-отн(ый)**; **-очн(ый)**; **-ственн(ый)**; **-уальн(ый)**; **-уозн(ый)**; **-циальн(ый)**; **-шн(ый)**; **-ышн(ый)** и орф. **-ишн(ый)**, **-ашн(ый)**; **-ешн(ый)**; **-яжн(ый)** (с. 507). Мощное морфное варьирование заглавной морфемы с ее орфографическими вариантами может быть представлено и таким рядом, как **-анск(ий)²** и орф. **-янск(ий)**; **-ацк(ий)**; **-вск(ий)**; **-евск(ий)**; **-езск(ий)** и орф. **-эзск(ий)**; **-ейск(ий)²**; **-енск(ий)**; **-еск(ий)**; **-ианск(ий)²**; **-ийск(ий)²**; **-имск(ий)**;

-инск(ий) и орф. **-енск(ий)**, **-ын-ск(ий)**; **-истическ(ий)**; **-ическ(ий)²**; **-[j]евск(ий)**; **-йск(ий)**; **-нск(ий)**; **-овск(ий, ой)** и орф. **-евск(ий)**; **-тельск(ий)**; **-унск(ий)**; **-чск(ий)** (с. 624).

Словообразовательная часть статьи, содержащая обычно наиболее объемную и многоуровневую информацию, структурирована в соответствии с различными параметрами характеристики аффикса, которые приводятся в определенной последовательности и нумеруются по определенной системе. Прежде всего выделяются значения морфемы; затем для каждого значения последовательно указываются частеречные характеристики мотивированных и мотивирующих слов, способ словообразования, значения словообразовательных типов и подтипов. Не останавливаясь на всех принятых авторами семантико-словообразовательных характеристиках, отмечу, что схема построения словарных статей является универсальной, а ее реализация в полном или усеченном виде зависит от продуктивности/непродуктивности аффикса. Продуктивность словообразовательных типов иллюстрируется наличием новообразований и окказионализмов.

Подробно представлена также грамматическая характеристика мотивированного слова с рассматриваемой словообразовательной морфемой — с указанием рода и типа склонения существительных; тип склонения и наличие краткой формы у прилагательных; основные характеристики глагола — класс, тип спряжения, вид, переходность/непереходность; основные характеристики числительного — собирательные или количественные.

Продемонстрируем на нескольких примерах, как используется арсенал описанных словообразовательных параметров применительно к тем или иным словообразовательным единицам в разных словарных статьях.

Словообразовательное значение морфемы:

над-; **надо-**: направленность или нахождение выше, поверх, сверх, кого-чго-л. (в пространстве или в какой-л. классификации). У глаголов — в сочетании со значением совершенного вида (с. 113);

-ай и орф. **-яй**; **-ердяй**: предмет, явление, характеризующийся (-щееся) признаком, названным мотивирующим словом (с. 250);

-он², **-олон** и орф. **-илон**: вещество, характеризующееся отношением к тому, что названо мотивирующим словом или (при связанном корне) мотивирующей частью слова (с. 597).

Словообразовательные типы:

над-; **надо**: Значение типа: Дополнительно увеличить в высоту или длину размеры предмета, добавить что-л. к предмету (к его верхней части, поверхности, краю) с помощью действия, названного мотивирующим глаголом (с. 113);

-ай и орф. **-яй**; **-ердяй**: Значение типа: Предмет, явление, характеризующийся (-щееся) отношением к действию или состоянию, названному мотивирующим глаголом (с. 250);

-он², **-олон** и орф. **-илон**: Значение типа: Совпадает со словообразовательным значением морфемы (с. 597).

Приведем фрагмент, демонстрирующий многообразие выделенных словообразовательных типов и подтипов в следующей словарной статье:

-ун¹ и орф. **-юн**: **1.** Значение типа: предмет, характеризующийся отношением к действию, названному мотивирующим глаголом (подтипы: **1.1.** Лицо — производитель действия, преимущественно склонное к этому действию; **1.2.** Животное — производитель действия; **1.3.** Растение — субъект действия; **1.4.** Орудие, механизм или его часть — субъект действия; **1.5.** Природное яв-

ление, а также вид грунта, земной поверхности, характеризующиеся действием, названным мотивирующим глаголом; **1.6.** Животное или неодушевленный предмет — объект действия); **2.** Предмет, носитель признака, названного мотивирующим прилагательным (подтипы: **2.1.** Лицо — носитель признака; **2.2.** Животное — носитель признака; **2.3.** Природное явление — носитель признака). **3.** Значение типа: одушевленный предмет, характеризующийся тем, что названо мотивирующим существительным (подтипы: **3.1.** Лицо или животное, характеризующееся телесным признаком, названным мотивирующим существительным; **3.2.** Лицо, характеризующееся действием, названным мотивирующим существительным) (с. 663–664).

В каждой словарной статье показано соотношение частей речи (глаголов, существительных, прилагательных — мотивированных и мотивирующих — в виде таких схем, как *ггг < глг*; *сц < глг*; *сц < сц*; *прл < сц*) и способов словообразования (префиксальный, суффиксальный, префиксально-суффиксальный и т. д.). Учтены комбинации морфов в рамках смешанных типов словообразования.

В качестве иллюстрации позволю себе привести полностью небольшие словарные статьи из разделов «Префиксы (приставки)» и «Суффиксы» (принятые в «Словаре» сокращенные обозначения, кроме очевидных, раскрываются в угловых скобках). Итак:

ГИПЕР- (с. 70)

СУЩ., ПРИЛ.

З(начение) М(орфемы): высокая степень чего-л., превышающая какой-л. предел.

сц.

сц < сц

Сп(особ словообразования): преф(иксальный).

З(начение словообразовательного) Т(ипа): что- или кто-л. обладающее

(ий) в высокой (иногда чрезмерно высокой) степени признаками того, что названо мотивирующим сщ.

Нов.: звук > гипер-звук ‘звуковые колебания сверхвысокой частоты’, гипер-авиация, гипер-активность, гипер-вентиляция, гипер-витаминоз, гипер-заряд, гипер-инфляция, гипер-поляризация, гипер-реализм, гипер-секреция, гипер-тонус, гипер-функция (все — спец.).

Прод. в спец. терминологии.

2. прл.

прл < прл

Сп.: преф.

ЗТ: *обладающий в высокой степени каким-л. признаком, превышающим пределы того, что имеет признак, названный мотивирующим прл.*

Комплексный > гипер-комплексный (гиперкомплексные числа ‘числа, выходящие за пределы комплексных’), гипер-дактилическая рифма ‘рифма, выходящая (по количеству слогов) за пределы дактилической рифмы’, гипер-звуковой (‘то же, что сверхзвуковой’), гипер-геометрический (ряд) (все — спец.).

Прод. в научной терминологии.

Нов.: гипер-барический (спец.) ‘превышающий пределы атмосферного давления’ (барический ‘относящийся к атмосферному давлению’), гипериммунная плазма (спец.).

■ **гипер-**, [г’ип’а1р].

Ударение. Тип I: вентиляция — гипер-вентиляция, комплексный — гипер-комплексный.

-ОИД (с. 576–577)

СУЩ., МУЖ. Р., I СКЛ.

ЗМ: *подобие тому, что названо мотивирующим словом.*

сущ. < сущ.

Сп.: суф.

ЗТ: *предмет, явление, подобный (-ое) тому, который (-ое) назван(о) мотивирующим словом, но имеющий (-ее) отличия от него.*

Сфера (спец.) ‘поверхность шара’ > сфер-оид (спец.) ‘всякая поверхность, близкая к сфере’, монгол > монгол-оид (спец.) ‘представитель расы, к которой относятся, в частности, монголы’, аффикс > аффикс-оид (спец.) ‘часть слова, близкая по своим функциям к аффиксу, но не являющаяся им в полной мере’; планета > планет-оид, эллипс > эллипс-оид, ромб-оид, параболл-оид, кристалл-оид, дифтонг-оид, тиф-оид, полип-оид, негр-оид (все — спец.).

Прод. в научной терминологии, в публицистич. речи.

Окказ.: рифма > рифм-оид: Каждое его [А. Блока] стихотворение было полно этими многократными экзами, переключками внутренних звуков, внутренних рифм, полурифм и рифмоидов (К. Чуковский); слово > слов-оид: ... заполняют свою речь, стараясь законопатить ее пустоту, ... бесчисленными «вот это», «как его», «Этого-того» и другими «словоидами», нужными, чтобы выиграть время для раскочки (Л. Успенский); флюгер > флюгер-оид (уничиж., о людях): Флюгероиды — особая порода людей (Г. Троепольский); интеллигент > интеллигент-оид: Не хочу ни оправдывать «интеллигентоидов», описанных С. Швердиным, ни обвинять. Хочу понять (газ.); сатана > сатан-оид: — Сашка, что ль? Он вперед всех из деревни убёг! Это такой сатаноид — житья от него не было! (А. Платонов).

■ **оид**, [оа1д].

После парно-твердых согл.: сфер-оид, эллипс-оид, дифтонг-оид; после гласной в европе-оид.

Усечение. От основ мотивирующих сщ отсекаются: *и[j]* в эмульс(и[j-а]) (эмульсия) — эмульс-оид, *[j]ец* в европе([j-е]ц) (европеец) — европе-оид, конечная гласная неизменяемого слова — в зеб(у) — зеб-оид (зоол.).

Ударение. Тип II (на первом слоге суффикса): аффикс — аффикс-оид.

Нельзя не отметить одну характерную особенность рецензируемого «Словаря» — подробнейшее представление омонимичных словообразовательных аффиксов. Ср.:

-ств(о)¹ — со значением морфемы ‘отвлеченный признак, свойство, действие, состояние, в соответствии со значением мотивирующего слова’ (с. 637);

-ств(о)² — со значением морфемы ‘совокупность предметов, со значением мотивирующего слова’ (с. 645);

-ств(о)³ — со значением морфемы ‘учреждение, организация, территория, в соответствии со значением мотивирующего слова’ (с. 646);

-ств(о)⁴ — со значением морфемы ‘неодушевл. предмет, явление, характеризующийся (-шеся) признаком, названным мотивирующим словом’ (с. 647);

-ств(о)⁵ — со значением ‘предмет, названный мотивирующим словом’ (с. 648).

Омонимия аффиксальных морфем представлена исчерпывающе. Описаны такие ряды морфем, как: -ак¹, -ак², -ак³; -арий¹, -арий², -арий³; -арь¹, -арь², -арь³; -ев(а)¹, -ев(а)², -ев(а)³; -и(ть)¹, -и(ть)², -и(ть)³, -и(ть)⁴ и мн. др. Такое представление каждой из морфем в ее грамматической, орфографической и семантической реализации вносит существенный вклад в теорию и практику русского словообразования.

Специального внимания заслуживают новообразования и окказионализмы, включенные в словарные статьи наряду с мотивированной лексикой (нес-ун ‘о мелких расхитителях’; сп-ун ‘человек, который любит спать’; округли-тельный: округлительная машина (на хлебо-заводе); жале-тельный: *бабы жалельные руки* (Е. Евтушенко); стаж-ник ‘лицо, поступающее в вуз со стажем работы’; трав-ник ‘знаток лечебных трав’; кандидат-ств-о (кандидат наук) (*Позвольте вам заметить, господин кандидат, что кандидатство — это ведь*

не костюм, который купил — и раз и навсегда. В. Шукшин) и многие другие. Такого рода образования отражают потенциальные возможности деривационной системы русского языка и намечают пути развития русской лексики.

Следует более подробно остановиться на части словарной статьи, посвященной морфонологическим особенностям стыковки морфа с основой мотивирующего слова. Таким образом создается самая полная характеристика каждого словообразовательного «кирпичика». См., например, соответствующую часть словарной статьи **-льщик** (с. 498):

-льщик, [л’щик]. Прод.

После гласных (при отсутствии усечения инфинитивных основ глагола): носи-льщик, подмета-льщик, боле-льщик, поло-льщик, тяну-льщик.

Нарращение. К основе глагола на согласную присоединяются гласные: *и* в тряс-ти — трясн-льщик (спец.), прять (пряд-ут) — прядн-льщик и сам-о-прядн-льщик; *е* в плести (плет-ут) — плетн-льщик (спец.); *а* в стричь (стриг, стриг-ут) — стригн-льщик.

Чередование. Мена конечных гласных основы глаголов: [и — е] в плати-ть — плате-льщик и моли-ть-ся — молн-льщик. Мена *ыва* — *а* в склады-вать — складн-льщик (спец.).

Ударение. Тип I (в словах не на *-ильщик*): трепá-ть — трепá-льщик, вея-ть — вея-льщик, штóпа-ть — штóпа-льщик, смáзыва-ть — смáзыва-льщик. Тип IV: а) в словах на *-ильщик*: кури́-ть — кури́-льщик, краси́-ть — краси́-льщик, плави́-ть — плави́-льщик; исключения (тип I): ва́би-ть — ва́би-льщик (спец.), па́ри-ть — па́ри-льщик (но па́ри-ть-ся — па́ри-льщик), сла́ви-ть — сла́ви-льщик (устар.), чи́сти-ть — чи́сти-льщик; б) в плес-ти́ (плет-út) — плетé-льщик, стричь (стриг-út) — стригá-льщик и склады-вать — складá-льщик.

В производных: **-льщ-** [л’щ]: рисо́вá-льщик — рисо́вá-льщ-иц-а.

Строгая многоступенчатая организованность материала дает возможность пользователю «Словаря» сразу воспринять даже самые обширные статьи, не утонув в разлив фактов языка. За этой четкой структурированностью стоит скрупулезная и очень трудоемкая работа авторов.

Из мелких недочетов, которые должны быть устранены в следующем издании «Словаря», отметим следующие:

1. В более детальной разработке и эксплицитном изложении нуждается, на наш взгляд, сложная проблема разграничения омонимии и полисемии в системе значений аффиксов.

2. В случае переиздания «Словаря» нелишним будет его пополнение материалом из современной прессы и публикуемых различных словарей новых слов, а также расширение стилистических характеристик рассматриваемой лексики.

Резюмируя, подчеркнем, что глубина теоретических построений, последовательность в представлении материала в соответствии с постулатами, принятыми в «Словаре», беспрецедентная детализированность интерпретации семантики мотивированных морфем и словообразовательных типов — все это вместе имеет своим результатом исчерпывающее и филигранное описание, почти не оставляющее читателю возможности обнаружить «слабые места» для критики и дополнений. По существу, это энциклопедия морфемики и словообразования, образец, с которым следует сверяться составителям последующих дериватологических (не только русских, но по крайней мере еще и славянских) словарей. Если уместно применить здесь музыкальный термин, то рецензируемая работа относится к числу полифонических, где все «голоса» гармонично сливаются в одну сложную мелодию.

Итак, перед нами яркая, талантливая, новаторская работа, которая на сего-

дняшний день занимает первое место в деривационной лексикографии. К сожалению, сейчас она издана непозволительно малым тиражом — всего 300 экземпляров. Надо надеяться, что издатель не ограничится одним этим изданием и словарь В. В. Лопатина и И. С. Улуханова станет доступным широкому кругу читателей, в том числе зарубежных, нуждающихся в глубоких знаниях о состоянии и возможностях русской словообразовательной системы.

Л и т е р а т у р а

Ефремова 1996 — Т. Ф. Ефремова. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 1996.

Калайдович 1824 — И. Ф. Калайдович. Опыт правил для составления русского производного слова // Труды Общества любителей российской словесности при имп. Московском университете. Кн. 15. Ч. 5. М., 1824. С. 330–390.

Лопатин 1977 — В. В. Лопатин. Русская словообразовательная морфемика. М., 1977.

Лопатин 2007 — В. В. Лопатин. Многогранное русское слово. М., 2007.

Лопатин, Улуханов 1972 — В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. IV. Формальные и семантические отношения мотивированного и мотивирующего слова // Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1966–1969 гг. 1. Словообразование. М., 1972. С. 65–73.

Лопатин, Улуханов 1984 — В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. Мотивированное слово в описательной грамматике и в словаре служебных морфем // Слово в грамматике и словаре. М., 1984.

Потиха 1987 — З. А. Потиха. Школьный словарь строения слов русского языка. М., 1987.

РГ 80 — Русская грамматика. Т. 1 / Под ред. Ю. Н. Шведовой. М., 1980.

Тихонов 1985 — А. Н. Тихонов. Словообразовательный словарь русского языка. Т. I–II. М., 1985.

Улукханов 1977 — И. С. Улукханов. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977.

Улукханов 1996 — И. С. Улукханов. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.

Улукханов 2005 — И. С. Улукханов. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М., 2005.

Улукханов 2012 — И. С. Улукханов. Словообразование. Морфонология. Лексикология. М., 2012.

Улукханов 2015; 2017 — И. С. Улукханов. Глагольное словообразование современного русского языка. Т. I. М., 2015; Т. II. М., 2017.

Шимкевич 1842 — Ф. С. Шимкевич. Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и 24 иностранными языками: В 2 ч. СПб., 1842.

Ширшов 2004 — И. А. Ширшов. Толковый словообразовательный словарь русского языка. М., 2004.

Шкляр, Кюнерт 1973 — В. Т. Шкляр, Х. Кюнерт. Краткий словообразовательный словарь русского языка. Потсдам, 1973.

Worth et al. 1970 — D. Worth, A. Kozak, D. Johnson. Russian Derivational Dictionary. New York, 1970.

С. И. Иорданиди

Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
siordanidi@yandex.ru

Получено 05.03.2019

[Review of:]

Lopatin V. V., Ulukhanov I. S.

The Dictionary of Derivational

Affixes in Modern Russian. — Moscow:

Azbukovnik, 2016. — 812 p.

References

Efremova, T. F. (1996). *Tolkovyi slovar' slovoobrazovatel'nykh edinit russkogo yazyka*. Moscow: Russkiy yazyk.

Lopatin, V. V. (1977). *Russkaya slovoobrazovatel'naya morfemika*. Moscow: Nauka.

Lopatin, V. V. (2007). *Mnogogrannoe russkoe slovo*. Moscow: Azbukovnik.

Lopatin, V. V., & Ulukhanov, I. S. (1972). IV. Formal'nye i semanticheskie otnosheniya motivirovannogo i motiviruyushchego slova. In F. P. Filin (Ed.), *Obzor rabot po sovremennomu russkomu literaturnomu yazyku za 1966–1969 gg.* I. Slovoobrazovanie (pp. 65–73). Moscow: Nauka.

Lopatin, V. V., & Ulukhanov, I. S. (1984). Motivirovannoe slovo v opisatel'noi grammatike i v slovare sluzhebnykh morfem. In Yu. N. Karaulov (Ed.), *Slovo v grammatike i slovare*. Moscow: Nauka.

Potikha, Z. A. (1987). *Shkol'nyi slovar' stroeniya slov russkogo yazyka*. Moscow: Prosveshchenie.

Shirshov, I. A. (2004). *Tolkovyi slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka*. Moscow: AST; Astrel; Russkie slovari; Ermak.

Shklyarov, V. T., & Kyunert, Kh. (1973). *Kratkii slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka*. Potsdam.

Shvedova, N. Yu. (1980). *Russkaya grammatika* (Vol. 1). Moscow: Nauka.

Tikhonov, A. N. (1985). *Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka* (Vols. 1–2). Moscow: Russkiy yazyk.

Ulukhanov, I. S. (1977). *Slovoobrazovatel'naya semantika v russkom yazyke i printsipy ee opisaniya*. Moscow: Nauka.

Ulukhanov, I. S. (1996). *Edinitsy slovoobrazovatel'noi sistemy russkogo yazyka i ikh leksicheskaya realizatsiya*. Moscow: RAN.

Ulukhanov, I. S. (2005). *Motivatsiya v slovoobrazovatel'noi sisteme russkogo yazyka*. Moscow: Azbukovnik.

Ulukhanov, I. S. (2012). *Slovoobrazovanie. Morfonologiya. Leksikologiya*. Moscow: Logos.

Ulukhanov, I. S. (2015–2017). *Glagol'noe slovoobrazovanie* (Vols. 1–2). Moscow: Azbukovnik.

Worth, D., Kozak, A., & Johnson, D. (1970). *Russian Derivational Dictionary*. New York: American Elsevier.

Sofia I. Iordanidi

Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
siordanidi@yandex.ru

Received on March 5, 2019

DOI 10.31912/rjano-2019.2.12

**В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. Словарь словообразовательных
аффиксов современного русского языка. —
М.: Изд. центр «Азбуковник», 2016. — 812 с.**

Выход в свет «Словаря словообразовательных аффиксов современного русского языка» (далее — «Словарь...») В. В. Лопатина и И. С. Улуханова (далее может также использоваться обозначение «авторы») — событие в высшей степени значимое.

Владимир Владимирович Лопатин и Игорь Степанович Улуханов — здравствующие классики российской науки о словообразовании, авторы соответствующих разделов в Грамматике-70 и Грамматике-80, множества монографий и статей, написанных как индивидуально, так и в соавторстве (см., в частности, библиографию к рецензии С. И. Иорданиди, опубликованной в настоящем номере журнала). Несмотря на то, что некоторые решения, принятые в «Словаре...», достаточно необычны (см. об этом ниже), в целом он, несомненно, подготовлен в русле того подхода к изучению русского языка, который можно назвать академической русистикой. «Словарь...» — итог более чем полувековых исследований в области русского словообразования, принципиально улучшить его, оставаясь в тех же теоретических рамках, невозможно. Таким образом, оценка работы, проделанной В. В. Лопатиным, И. С. Улухановым, их коллегами и учениками, зависит от ответа на вопрос: невозможно в рамках того же подхода или невозможно вообще?

Поскольку уже упомянутая рецензия С. И. Иорданиди дает заинтересованному читателю достаточно четкое представление о структуре «Словаря...», теоретических установках его авторов и устройстве словарных статей, мы позволим себе перейти непосредственно к обсуждению ряда решений, принятых В. В. Лопатиным и И. С. Улухановым при подготовке книги.

В большом теоретическом предисловии, которым открывается «Словарь...», рассматривается, среди прочих, вопрос о членимости слов. В качестве одного из важнейших для теории членимости авторы выдвигают положение о том, что «[н] выделяются (...) морфы заимствованных слов на основании соотношения со словами того языка, из которого заимствовано слово» (с. 13). Это утверждение, безусловно, верно для многих случаев — например, для экзотизмов типа *укулеле* или *вуузела*, а также для таких хорошо освоенных заимствований, как *шедевр*: трехчастная структура французского оригинала (*chef-d'œuvre*) совершенно не ощутима в русской передаче. Но В. В. Лопатин и И. С. Улуханов на роль иллюстрации к этому положению приводят латинское слово *манускрипт*. Получается, что носитель русского языка не имеет права соотносить это слово с русскими (отнюдь не латинскими) словами *мануфак-*

тура, мануальный, рескрипт, скрипторий и т. д., не имеет права знать, что слово *рукопись* представляет собой кальку слова *манускрипт* (при том, что множество людей, которым известен этот факт, и множество людей, которым хорошо знакомо слово *манускрипт* само по себе, как кажется, более или менее совпадают). Иначе говоря, если морфологическая теория находится в противоречии со здравым смыслом, преимущество отдается морфологической теории.

Данный пример может показаться не заслуживающей упоминания случайностью. Дальнейшее знакомство со «Словарем...», однако, подтверждает, что речь идет о совершенно сознательной установке.

Едва ли не первое, что обращает на себя внимание в этом плане, — список заголовочных статей в суффиксальной части словаря¹. Разумеется, этот список сформирован в соответствии с представлениями авторов о том, какие суффиксальные морфы следует, а какие — не следует объединять в одну морфему. Пожалуй, наиболее распространенная точка зрения на этот вопрос (впрочем,

сосуществующая с множеством других) состоит в том, что два морфа признаются алломорфами одной морфемы, если они:

- а) синонимичны;
- б) дополнительно распределены (в действительности дополнительное распределение может быть не абсолютно строгим);
- в) отношения между несовпадающими сегментами в их составе естественно описывать как чередование.

В. В. Лопатин и И. С. Улуханов подходят к этой проблеме иначе: «Морфы объединяются в одну морфему в том случае, если они имеют одно и то же значение и обладают формальной близостью» (с. 15). Под формальной близостью понимается «частичная тождественность состава фонем и их порядка» (там же), при этом специально оговаривается, что «[р]азличие согласных фонем, соотносительных по твердости — мягкости, не учитывается при определении формальной близости морфов» (там же, Примечание).

Наличие дополнительного (или близкого к дополнительному) распределения авторы в число факторов, требующих учета при решении вопроса об объединении морфов в одну морфему, не включают. Никаких указаний относительно того, сколь велика должна быть «тождественная часть» двух морфов — ни в абсолютном (число совпадающих фонем), ни в относительном (доля совпадающих фонем к общей длине морфов) исчислении, — в «Словаре...» нет. Просмотр словарных статей позволяет с уверенностью утверждать, что наличия одной совпадающей фонемы бывает достаточно для признания алломорфии — ср., например, уменьшительные суффиксы **-ОК³** и **-ЧИК-**. Относительная длина, по-видимому, может быть гипотетически любой: во всяком случае, суффиксы, например, **-ИРОВАНИ[Ж(О)]** (*рулонирование*) и **-[Ж(О)]³** (*разгулье*)

¹ Далее мы будем говорить почти исключительно о суффиксальной части «Словаря...». Его префиксальная часть содержит толкования значений приставок, в общих чертах хорошо знакомые читателям, начиная по меньшей мере со словаря Ушакова. Безусловно, такой взгляд на устройство системы русских префиксов уже достаточно давно не является единственно возможным; как пример принципиально иного взгляда можно упомянуть, скажем, коллективную монографию [Janda et al. 2013]. У нас, однако, нет никакой уверенности, что описания семантики приставок, основанные на какой-либо из современных теорий, действительно превосходят те, которые были предложены в русистике ранее. Таким образом, выбор, сделанный В. В. Лопатиным и И. С. Улухановым, вполне объясним.

оба входят в словарную статью **-НИ[Ж(О)]²**, а в статью **-ОК³** входит суффикс **-ЫШКОМ** (*рядышком*).

С учетом сказанного можно было бы ожидать, что все синонимичные суффиксы, обнаруживающие не меньшую (а тем паче — большую) «формальную близость», чем те же **-ОК³** и **-ЫШКОМ** или **-ИРОВАНИ[Ж(О)]** и **-[Ж(О)]³**, будут объединены в одну словарную статью. Оказывается, однако, что это вовсе не так. В частности, разными суффиксами считаются **-АТ(ЫЙ)** и **-АСТ(ЫЙ)**, **-Ц(Е)** и **-ЛЬЦ(Е)**, **-ЩИК** и **-ЛЬЩИК**, **-ЩИН(А)** и **-ЛЬЩИН(А)**; при этом, скажем, суффиксы **-ЛЬН(Я)** и **-ЛЬНИЦ(А)** рассматриваются как алломорфы суффиксов **-Н(Я)** и **-ИЦ(А)**.

Разведение по разным статьям пар типа **-ЩИК** ~ **-ЛЬЩИК** кажется необъяснимым. Семантическое тождество членов этих пар несомненно. Формальное соотношение между ними везде одно и то же (наличие — отсутствие л^(')); тем самым, рассматривая каждый из таких «л-овых» суффиксов по отдельности, авторы «Словаря...» упускают из вида важнейшую особенность, объединяющую большую группу русских отглагольных суффиксов. Наконец, на поверхностном уровне между «л-овыми» и соответствующими им «без-л-овыми» суффиксами наблюдается строжайшее дополнительное распределение: первые встречаются только после основ на гласный, вторые — только после основ на согласный (в действительности наличие такого распределения — фикция; см. ниже о сохранении/усечении конечных гласных основы). Между тем три основных диминутивных суффикса существительных мужского рода, объединяемых В. В. Лопатиным и И. С. Улухановым в одну морфему, — **-ок**, **-ик** и **-чик**, — не просто не распределены между собой при некоторых типах основ: существуют довольно многочисленные пары типа *листик* ~ *листок*, *ротик* ~

роток, *часик* ~ *часок*, члены которых различаются между собой если не собственно значением, то как минимум контекстами употребления, ср. *пухлый капризный ротик* (**роток*), *вздремнуть часика* (**часка*) *три* и т. д.

Пожалуй, еще более странной выглядит ситуация с суффиксами **-АР** (*овчар*) и **-АРЬ¹** (*рыбарь*). Значение первого из них в «Словаре...» толкуется как «предмет (преимущ. лицо), характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом», значение второго — как «предмет, характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом». Оставляя в стороне вопрос о том, в какой мере овец и рыб надлежит считать «признаками», мы можем констатировать, что эти толкования практически идентичны. «Формальная близость» между суффиксами **-АР** и **-АРЬ** исключительно велика; более того, если обратиться к цитированному выше указанию о том, что различие согласных по твердости — мягкости в таких случаях «не учитывается», получается, что эта близость абсолютна². Таким образом, отказ рассматривать суффиксы **-АР** и **-АРЬ¹** как алломорфы находится в во-

² Разумеется, этот удивительный эффект возникает в силу того, что в Примечании на с. 15 речь «на самом деле» идет об автоматической (фонетически обусловленной) твердости или мягкости, ср. приводимый там же пример *тёр* — *три*, тогда как мягкость *р* в суффиксе *-арь* — не автоматическая. Однако, во-первых, такого понятия, как «фонетически обусловленная твердость — мягкость», в концепции авторов, по-видимому, не существует, во-вторых, остается неясным, почему именно этот признак требует специальной оговорки: судя по наличию в «Словаре...», скажем, пары *вошь* — *вишвй*, различие согласных фонем, соотносительных по звонкости — глухости, «не учитывается при определении формальной близости морфов» ровно в такой же степени.

пиющем противоречии с теоретически-ми установками авторов.

В. В. Лопатин и И. С. Улуханов никак не поясняют, какова должна быть процедура отождествления морфов в случае, если тот или иной суффикс «обнаруживает формальную близость» к двум разным суффиксам одновременно. В качестве примера рассмотрим суффикс **-СТВИ[Ж(О)]²**. С нашей точки зрения, этот «суффикс» представляет собой просто сочетание суффиксов *-ств-* и *-иј-*, но его трактовка как единой морфемы также возможна. Авторы включают суффикс **-СТВИ[Ж(О)]²** в статью **-НИ[Ж(О)]²**, хотя фонетически он стоит существенно ближе к суффиксу (точнее, к группе суффиксов; согласно «Словарю...», всего их насчитывается 5) **-СТВ(О)**. Суффикс **-НИ[Ж(О)]²** толкуется в «Словаре...» как «отвлеченное действие, состояние, признак в соответствии со знач. мотивирующего слова», суффикс **-СТВ(О)** — как «отвлеченный признак, свойство, действие, состояние, в соответствии со знач. мотивирующего слова»; осмелимся предположить, что различия между двумя этими толкованиями незначимы. Если теперь обратиться к производным на *-ствие*, то окажется, что они не демонстрируют никакой особой близости к словам на *-ние* и *-ие*, зато некоторые из них фактически представляют собой варианты соотносительных производных на *-ство*, причем, что чрезвычайно существенно, суффикс *-ство* при этом выступает в разных значениях, ср. *царствие* и *царство*, *чувствие* и *чувство*, ср. еще *действие* и *действие*, *странствие* и устар. *странство*.

Таким образом, принципы объединения морфов в морфему, предлагаемые В. В. Лопатиным и И. С. Улухановым, абсолютно неоперациональны и произвольны: в десятках, если не сотнях точек словообразовательной системы русского языка они допускают множество

разных решений. При этом как раз те решения, которые принимают авторы «Словаря...», зачастую контринтуитивны и не проясняют, а, напротив, затемняют реальное положение дел. В частности, читателю «Словаря...» предлагается поверить, что в парах *ротик* ~ *роток*, *шубейка* ~ *рядышком*, *застолье* ~ *рулонирование*³ представлен один и

³ Проницательный читатель вправе усомниться в том, что в русском языке вообще есть суффикс **-ИРОВАНИ[Ж(О)]** и наблюдается такой процесс, как образование существительных от существительных с помощью этого суффикса. Действительно, в «Словаре...», несмотря на утверждение авторов о том, что данный суффикс продуктивен (!), его употребление иллюстрируется ровно двумя примерами — *комбайнирование* и *рулонирование*. Однако глагол *комбайнировать* отмечен во многих справочных изданиях — ср. пример из «Викисловаря»: *Можно регулировать угол атаки жатки, что позволяет более эффективно комбайнировать полёглые культуры, при минимальном износе днища жатки*. Глагол *рулонировать* встречается редко, но никак не реже, чем соответствующее существительное, ср., например: *Пункт 1.6.3. дополнить фразой следующего содержания: «Маты МТПЭ-2, МБПЭ-2 по согласованию с Покупателем допускается не рулонировать»* (Интернет). То же самое касается и любых других производных на *-ирование*: глаголы, от которых они образованы, могут быть очень специальными и не слишком известными большинству носителей русского языка, но даже самый поверхностный поиск сразу же подтверждает их безусловную реальность — ср., например, существительные *районирование* и *террасирование* и примеры употребления соответствующих глаголов: *Новый сорт ячменя алтайской селекции районировали с этого года по Сибири и Дальнему Востоку; Подпорные стенки позволяют террасировать участок* (оба примера — из Интернета).

тот же суффикс, а в парах *пыльщик* ~ *пилильщик*, *царствие* ~ *царство*, а также, например, *бизнесмен* и *спортсмен* (!) — разные.

В качестве еще одной, более частной иллюстрации рассмотрим трактовку В. В. Лопатиным и И. С. Улухановым наречий на *-ой*, *-ом*, *-ью*, *-ами* и образованных от них диминутивов: эта группа производных относится к числу тех, в описании которых данный принцип проявляется особенно ярко.

Любому носителю русского языка интуитивно очевидно, что наречия типа *стороной*, *босиком*, *оцупью*, *местами* с морфологической точки зрения представляют собой формы Т. п. существительных — иногда реальных (*место*), иногда фиктивных (**босик*)⁴. Это их восприятие определяется в первую очередь тем, что набор суффиксов у таких наречий в точности совпадает с набором окончаний Т. п. Точно так же и диминутивы от таких наречий (*сторонкой*, *босичком* и т. п.) морфологически представляют собой Т. п. от соответствующих существительных с уменьшительным суффиксом (*сторонка*, **босичок* и т. д.).

Для В. В. Лопатина и И. С. Улуханова данный подход неприемлем. Еще более 40 лет назад В. В. Лопатин посвятил оценочным наречиям специальную заметку, в которой рассмотрены два способа описания соотношения исходного и производного слова в парах типа *стороной* — *сторонкой*. Согласно первому способу, диминутивные наречия образуются путем усечения финали (*-ой*, *-ом* и т. д.) и добавления суффикса

⁴ Ср. темпераментные и чрезвычайно убедительные соображения в пользу синхронного отождествления элементов *-а*, *-у*, *-о*, *-е*, *-ах* в наречиях типа *сперва*, *помногу*, *налево*, *накоротке*, *вгорячах* с падежными флексиями в недавней статье А. Н. Барулина [2018: 53–57].

вида «*-к- + та же самая финаль*»; именно этот способ принят теперь в «Словаре...». Согласно второму (ранее, как отмечает В. В. Лопатин, предложенному А. Н. Тихоновым), «финаль (...) в мотивирующем наречии не отсекается, а суффикс, состоящий в этом случае уже только из одной фонемы *-к-*, вставляется в мотивирующее наречие перед указанной финалью...» [Лопатин 1975: 233]. При этом, в частности, слово *украдкой* предлагается трактовать как опрошенное (по-видимому, та же трактовка принята и в «Словаре...»), а в слове *втихомолку* выделять «унификс» (кавычки принадлежат самому В. В. Лопатину) *-омолку* (как рассматривается это слово в «Словаре...»), мы установить не смогли; по крайней мере, суффикса *-омолку* в нем нет). Между тем если наличие у наречия *украдкой* синхронной связи с глаголом *красть* еще может вызывать сомнения, то в глаголе *красться* и наречии *крадучись* (по-видимому, отсутствующем в «Словаре...») корень *-крад-* имеет в точности то же значение, что в слове *украдкой*: «≈ так, чтобы никто не заметил»⁵. В случае со словом *втихомолку* достаточно сослаться на выражение *тишком да молчком*; но если бы такого выражения и не было, трудно сказать, какие усилия должен сделать над собой носитель русского

⁵ Именно такое решение принято в словаре [Тихонов 1985]: глаголы *красть* и *красться* разведены по разным словообразовательным гнездам, при этом наречия *крадучись* и *украдкой* (а также существительное *украдка*) считаются производными от *красться*. В словаре [Кузнецова, Ефремова 1986], где слова, этимологически восходящие к одному корню, почти всегда рассматриваются как синхронно связанные, все лексемы с корнем *-крад-* объединены в рамках одного гнезда (к сожалению, наречия *крадучись* по каким-то причинам нет и в этом словаре).

языка, чтобы «не узнать» в этом слове корень *-молк-*.

Замечательным образом, даже рассматривая второй способ, предполагающий членение *сторон-к-ой* и т. п., В. В. Лопатин ничего не говорит о тождестве «финалей» *-ой*, *-ом* и т. д. падежным окончаниям. В результате словарная статья «**-ОЙ; -ОЮ**» включает в себя, с одной стороны, наречия *весной*, *порой*, *силой* и т. д., а с другой — лексемы *домой* и *впервой*. Тот факт, что наречия типа *весной* имеют варианты на *-ою*, а наречия *домой* и *впервой* — нет, никак авторами не комментируется, хотя стоит признать тождество форманта *-ой* в форме Т. п. *весной* и в наречии *весной*, причина данного различия станет самоочевидной. У диминутивных наречий с «суффиксом *-кой*», рассматриваемым как алломорф диминутивного суффикса существительных **-ОК³** (*украдошкой*, *сторонкой*), наличие варианта *-кою* не отмечено. Но это не более чем небрежность, ср., например: *Я вчера пытался **сторонкою** намекнуть об этом племяннице...* (М. Н. Загоскин. Русские в начале восемнадцатого столетия (1848))⁶.

Утверждение о том, что в диминутивных наречиях за элементом *-к-* следует «конечная часть суффиксального морфа мотивированного слова, обязательно тождественная по фонематическому составу отсекаемой финали слова мотивирующего» [Лопатин 1975: 233], в общем случае неверно — по той простой причине, что от существительных III склонения образуются диминутивы с суффиксами *-к-* или *-ц-*, относящиеся не к III, а к I склонению. Это правило полностью соблюдается и в наречиях, ср. *ощупью* — *ощупкой*, *рысью* — *рысцой*. Удостовериться в этом посредством

«Словаря...», однако, невозможно: довольно частотного окказионализма *ощупкой* (около 10 вхождений в НКРЯ, ср., например: *Останется в казане лишь малая косточка. Её надо **ощупкой**, не глядя брать* (Б. Екимов. Фетишчыч // «Новый Мир», 1996) в нем просто нет, а наречие *рысцой* неожиданно оказывается производным не от *рысью*, а от существительного *рысца* (почему в таком случае, скажем, диминутив *сторонкой* не может рассматриваться как образованный от *сторонка*, остается совершенно неясным).

О том, что отстаиваемый В. В. Лопатиным и И. С. Улухановым подход к описанию фактов языка «грешит против здравого смысла», еще в 70-е годы прошлого века писал (применительно к Грамматике-70) замечательный американский славист Д. С. Ворт, см. [Ворт 1975: 59].

Еще один важнейший принцип, лежащий в основе «Словаря...», состоит в том, что отсутствие правила (пусть даже многофакторного и/или допускающего определенное число исключений) предпочтительнее его наличия.

Подлинным торжеством этого принципа является раздел об ударении. В своем описании акцентуации мотивированных слов (см. с. 11–12) В. В. Лопатин и И. С. Улуханов никак не учитывают технику акцентных парадигм и акцентных маркировок, получившую широкое признание после работ Х. Станга, П. Гарда, В. А. Дыбо и, разумеется, А. А. Зализняка. При этом дело вовсе не в использовании той или иной конкретной нотации, а в том, что, во-первых, авторы не принимают в расчет целый ряд факторов, способных оказывать влияние на ударение, а во-вторых, акцентные свойства каждого суффикса рассматриваются в «Словаре...» изолированно. В качестве примера сравним описание в «Словаре...» и в [Зализняк 1985: 98–104] одного из са-

⁶ Примеры, для которых не оговорено иное, взяты из Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ).

мых сложных в акцентном отношении русских суффиксов — адъективного суффикса *-ов-*. Описание А. А. Зализняка может показаться чересчур дробным и не во всех деталях убедительным, однако оно содержит множество важных сведений — о различии в ударении между качественными и относительными прилагательными, о действии прагматического фактора (т. е. степени освоенности соответствующих дериватов большинством носителей) и т. д. В «Словаре...» для производных от односложных основ просто отмечается: «Тип I, II или III», — т. е. констатируется, что ударение может падать на основу (*мачтовый*), на суффикс (*кедровый*) или на окончание (*цифровой*). Для производных от неодносложных основ, где число возможных вариантов еще больше, эти варианты также просто перечисляются. Единственное исключение составляет указание на то, что дериваты от слов с полногласием имеют ударение на окончании (ср. *береговой, голосовой, сороковой* и др.). Наблюдение важное и красивое; извлечь ту же информацию из описания А. А. Зализняка возможно (см. [Там же: 99, Замечание]), но значительно труднее. Однако в «Словаре...» поведение слов типа *береговой* опять-таки выступает как индивидуальная особенность суффикса *-ов-*, в то время как из книги А. А. Зализняка прямо следует, что речь идет об общей закономерности: с акцентологической точки зрения основы с полногласием ведут себя как односложные [Там же: 58].

Отглагольные существительные и прилагательные на *-и-л-*, *-и-тель-* в современном русском языке за очень редкими исключениями имеют ударение на тематическом *-и-* независимо от ударения мотивирующего глагола [Там же: 65–66], ср. *красить* — *красильный, краситель, красильщик* и т. п. В «Словаре...» это правило не то что не формулируется в явном виде — соответст-

вующие классы производных словно бы специально описываются таким образом, чтобы заретушировать его как можно сильнее. Так, прилагательные на *-ительн(ый)* В. В. Лопатин и И. С. Улуханов делят на две группы: образованные от глаголов на *-ить* и образованные от всех остальных глаголов. Для первой группы принимается членение типа *восхити-тельн-ый*, для второй — отсечение конечной гласной мотивирующей основы и членение типа *общ-ительн-ый* (при этом в таких совершенно зеркальных к *общаться* — *общительный* парах, как *окончить* — *окончательный*, усматривается не усечение конечной гласной перед морфом *-ательн-ый*, а выглядящая куда более естественно «[м]ена конечных отрезков глагольных основ»). В результате оказывается, что прилагательные типа *восхитительный* относятся к акцентному типу IV («ударение на предсуффиксальном слоге»), а совершенно идентичные им в плане акцентуации прилагательные типа *общительный* — к акцентному типу II («ударение на суффиксе»). При этом важное отклонение (акцентный архаизм) *множительный* [Там же: 66] в приведенных в «Словаре...» списках примеров отсутствует.

Распространяется тот же принцип и на другие разделы словарных статей, и на Предисловие.

Так, на с. 16 утверждается, что «морф *-к(а)* (в уменьшительно-ласкательном значении) выступает после сочетаний “гласная + согласная” и *ст, зд: берёзка, шёрстка, бороздка*; морф *-очк(а)* (того же значения) не имеет ограничений сочетаемости, обусловленных предшествующими фонемами: *вазочка, косточка, звёздочка*⁷, *тумбоч-*

⁷ Sic! Очевидно, вместо *звёздочка*. Мы не имеем возможности останавливаться на многочисленных опечатках, в некоторых случаях немало затрудняющих чтение книги.

ка, лампочка, кофточка, ванночка». В действительности, однако, при основах на *-ст*, *-зд* между морфами *-к(а)* и *-очк(а)* имеется абсолютно строгое дополнительное распределение: первый выступает при неодносложных основах и основах на *-рст*, второй — во всех остальных случаях, ср. *извѣстка, капустка, бороздка, шѣрстка, горстка*, но *весточка, кисточка, косточка, тросточка, звѣздочка* и т. д. [Иткин 2007: 210]⁸.

Притяжательные суффиксы *-ов* и *-ин*, как известно, распределены в зависимости от типа склонения исходного существительного. В «Словаре...» класс существительных, выступающих в роли мотивирующих для суффикса *-ов*, описан как «одушевл., преимущ. муж. р. со знач. лица», но не отмечено, что такие существительные не могут относиться к I склонению⁹. О том, что прилагательные на *-ин* в общем случае мотивируются существительными I склонения, в «Словаре...» также не говорится. Авторы выделяют у суффикса *-ин* алломорф *-нин*, иллюстрируя его употребление примерами *братнин, зятнин, девернин, дочернин, мужнин*. Понятно, что морф *-нин* присоединяется исключительно к терминам родства, причем как раз не относящимся к I склонению. Однако, во-первых, такой вывод читатель вынужден делать самостоятельно. Во-вторых, как явствует, в частности, из

данных НКРЯ, наряду с прилагательным *дочернин* существует сопоставимое с ним по частоте *дочерин*, а редкое *матернин* практически вытеснено очень частотным в просторечии *материн*. Поскольку из четырех прилагательных, образованных от существительных III склонения *дочь* и *мать*, в «Словаре...» включено только одно (*дочернин*), реальная картина оказывается существенно искажена.

Между суффиксами *-ий* и *-ин(ый)* в значении «принадлежащий, относящийся к соответствующему животному» (*черепаший, ежиный* и т. д.) имеется строгое дополнительное распределение, зависящее (если отвлечься от некоторых возмущающих факторов) от акцентных свойств мотивирующего слова: существительные с неподвижным ударением на последнем слоге основы присоединяют суффикс *-ий*, все прочие существительные — суффикс *-ин(ый)* [Иткин 1997]. В «Словаре...» наличие такого распределения никак не упоминается.

О правилах выбора морфов *-уч(ий)* и *-яч(ий)* в соответствующей статье «Словаря...» не говорится вообще ничего. Это особенно странно, поскольку в [Грамматика-80: 295] отмечен тот очевидный факт, что морф *-уч(ий)* может присоединяться к основам глаголов как I, так и II спряжения, тогда как морф *-яч(ий)* — только к основам глаголов II спряжения. Это наблюдение можно существенно уточнить. В сочетании с глаголами II спряжения между морфами *-яч(ий)* и *-уч(ий)* опять-таки имеется четкое распределение: первый из них присоединяется к неслоговым основам, а также к основам глаголов движения и положения в пространстве, второй — к основам всех остальных глаголов, ср. (в соответствии со списками, приведенными в «Словаре...»): *зреть* — *зрячий*, *спать* — (устар. прост.) *спячий*, *бродить* — *бродячий*, *висеть* — *висячий*,

⁸ Разумеется, о морфе *-очк(а)* можно говорить лишь в тех случаях, когда в языке отсутствует соответствующее производное на *-к(а)*, ср. *роз-очк-а* (**роза*), *ламп-очк-а* (**лампка*) и т. д.; в примерах типа *дыр-очк-а* (ср. *дырка*), *горст-очк-а* (ср. *горстка*) представлен обычный двойной диминутив. В этом вопросе наш подход полностью совпадает с подходом авторов «Словаря...».

⁹ Прилагательное *Растрелиев* при этом почему-то оказалось причислено к «редким образованиям от слов жен. и сред. рода».

лежать — *лежачий*, *сидеть* — *сидячий*, *стоять* — *стоячий*, *ходить* — *ходячий*, но: *блестеть* — *блескучий*, *визжать* — *виззучий*, *гореть* — *горючий*, *греть* — *гремучий*, *жалить* — (обл.) *жалючий*, *кипеть* — *кипучий*, *пищать* — *пискучий*, *скрипеть* — *скрипучий*, *трещать* — *трескучий*, *хрипеть* — *хрипучий*, *шипеть* — *шипучий*. К этим спискам можно добавить также *болеть* — *болочий* (21 вхождение в НКРЯ при единичном *болячий*). Исключение составляет лишь редкое (обл.) *терпячий* (в НКРЯ только в качестве фамилии; возможно, в говорах, где представлено данное прилагательное, действуют иные правила употребления морфов *-яч(ий)* и *-уч(ий)*); глагол *вертеться* колеблется: без учета имен собственных «неправильное» *вертучий* представлено в НКРЯ даже несколько чаще, чем «правильное» *вертячий* (в «Словаре...» ни одно из этих прилагательных не упомянуто). Добавим, что прилагательное *зрячий* В. В. Лопатин и И. С. Улуханов вопреки всем правилам сочетаемости суффиксов *-уч(ий)* и *-яч(ий)* производят от слова *зрение*, хотя слову *зритель* при этом дозволяется считаться производным от глагола *зреть* («(книжн. устар.)»).

Статья про суффиксы *-уч(ий)* и *-яч(ий)* — не единственный случай, когда описание, предлагаемое в «Словаре...», оказывается шагом назад в том числе по сравнению с Грамматикой-80. Так, на той же с. 295 «Грамматика...» указано, что [м]орф *-чив-* сочетается только с префиксальными основами (исключение: *бранчивый*, прост.), морф *-ив-* — только с беспрефиксальными...». В «Словаре...» сочетаемость суффикса *-чив-* охарактеризована словами «преимущ. после префиксальных глагольных основ». Какие именно производные, помимо не «просторечного», а давно устаревшего *бранчивый*, авторы считают исключением из этого правила, ос-

тается только гадать. Между тем прилагательные *обидчивый* и *застенчивый*, как представляется, в наибольшей степени могущие претендовать на роль таких исключений, ставят перед исследователями интереснейшую теоретическую проблему: не означает ли сам факт совместимости основ *обид-* и *застен-* с суффиксом *-чив-*, что в этих основах имеются синхронно выделяемые префиксы *об-* и *за-*? Что касается суффикса *-ив-*, мы не нашли в «Словаре...» вообще никакой информации о его сочетаемости; между тем, с оговоркой, касающейся приставки *не-* (ср. *незлобивый*, *нерадивый*), только что цитированное указание Грамматики-80 совершенно верно.

Число такого рода примеров можно легко умножить. Остановимся на двух явлениях более широкого плана.

В словарной статье суффикса *-б(а)* справедливо отмечается, что он не присоединяется к основам на губные согласные. Разумеется, и этот факт подается как индивидуальное свойство данной морфемы. Однако рассматриваемая особенность суффикса *-б(а)* — проявление общей тенденции, в соответствии с которой «если суффиксальная морфема имеет в своем составе согласный C_1 или группу согласных C_1C_2 , то ее сочетаемость с основами, оканчивающимися на этот согласный (группу согласных), невозможна или затруднена» [Иткин 2005: 50]. Действием той же тенденции объясняется, например, невозможность суффикса *-ун* после основ на *-н* (и *-м*), суффикса *-ёж* — после основ на шипящие, суффикса *-ость* — после односложных основ на *-ст* [Там же: passim]. Данное ограничение характерно и для ряда других языков — славянских и не только, см., в частности, [Browne 1981; 1999].

При описании условий присоединения к глагольным основам суффиксов (или суффиксальных морфов) *-льн(я)*,

-льщик, -тель и т. п. в «Словаре...» указывается: «После гласных (при отсутствии усечения инф. основ мотивирующих *глг*)»; при описании условий присоединения к тем же основам суффиксов *-б(а)*, *-ун*, *-щик* и т. п. — «От инф. основ мотивирующих *глг* отсекаются конечные гласные». На самом деле вопрос о том, в каких случаях суффиксы присоединяются к вокалической, а в каких — к консонантной основе, представляет собой одну из самых сложных проблем русской морфологии. Выбор одной из двух моделей зависит от акцентных свойств суффиксов, их семантики и частеречной принадлежности, от конечного гласного основы, ее длины и морфологической структуры [Иткин 1996]. Даже при учете всех этих многочисленных факторов для некоторых групп производных распределение между двумя моделями установить не удастся: так обстоит дело, в частности, с производными на *-ец* ~ *-лец*, ср. *ловить* — *ловец*, *писать* — *писец*, но *кормить* — *кормилец*, *скитаться* — *скиталец* и т. д. [Там же: 40–41]. В «Словаре...», однако, данная проблема даже не ставится: сохранение — усечение конечной гласной основы считается заданным априори и ничем не обусловленным. Подчеркнем, что речь идет о десятках суффиксов и многих сотнях (если не тысячах) производных; словарь русских словообразовательных аффиксов, в котором данное явление, в сущности, вообще не рассматривается, — примерно то же самое, что грамматика венгерского языка, не содержащая ни одного упоминания о венгерских падежах.

Бесспорным и безоговорочным достоинством «Словаря...» кажется объем иллюстративного материала: наряду с общеупотребительными словами большинство статей содержит примеры неологизмов и окказионализмов, нередко исчисляющиеся десятками. Однако при

ближайшем рассмотрении и этот аспект авторской концепции вызывает сомнения. Поскольку привести «все слова», разумеется, невозможно, возникает вопрос о критериях отбора. Несколько упрощая, можно сказать, что, как нам представляется, из общеупотребительных слов в словообразовательный словарь обязательно должны входить те, которые представляют специальный интерес с точки зрения деривационной истории, морфонологии, семантики и т. д., а из слов, отсутствующих в словаре литературного языка, — имеющие достаточное распространение и/или опять-таки обладающие теми или иными интересными особенностями. Между тем многих таких слов в «Словаре...» нет, зато в нем в избытке присутствуют слова явно случайные, единичные, никакого представления о специфике соответствующих суффиксов не дающие. Проиллюстрируем сказанное на примере двух не очень частотных, но окказионально продуктивных субстантивных суффиксов — *-ач* и *-ёж*.

В статье о суффиксе *-ач* (авторы и здесь выделяют четыре омонимичных суффикса такого вида, но мы для простоты будем говорить о нем как о единой сущности) есть слово *кедрач* «лес, состоящий из кедров», но нет слова *кедрач* «кедровый стланник (род вечнозеленых хвойных кустарников)», в котором реализовано очень редкое для этого суффикса уподобительное значение. Приводится целый ряд совсем малоупотребительных и, как кажется, незнакомых большинству носителей слов типа *искач*, *меткач*, *мордач*, *нормач*, *рубач* и др., но отсутствуют, например:

— широко представленные в художественной литературе и обладающие нетривиальной внутренней формой названия воровских «специализаций» — *ширмач* и *щипач*;

— слово *спотыкач* «вид сладкой наливки», уникальное тем, что суффикс

-ач здесь присоединяется к вторичному имперфективу. Слово это уже достаточно старое и широко известное; оно есть, в частности, в «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка.

В статье о суффиксе *-ёж* приводится очень редкое и ничем не примечательное слово *шипёж*, но отсутствуют такие слова, как *выпендрёж* и *охмурёж*. Обе эти лексемы, во-первых, опять-таки широко распространены (слово *выпендрёж* 39 раз встретилось в НКРЯ) и осязаны литературной традицией (слово *охмурёж*, кажется, в значительной мере обязано своей популярностью роману И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок»), а во-вторых, чрезвычайно важны именно в словообразовательном аспекте. Как явствует из [Кузнецова, Ефремова 1986: 621], в «строгом» литературном языке суффикс *-ёж* присоединяется только к бесприставочным односложным основам, ср. *делёж*, *крепёж*, *чертёж* и т. д.; *в-* в слове *невтерпёж* (эта замечательная наречная форма по каким-то причинам также отсутствует в «Словаре...»), разумеется, не является глагольной приставкой. Как видно, слова *выпендрёж* и *охмурёж* нарушают оба эти ограничения, возможно, намечая пути расширения сочетаемости рассматриваемого суффикса. В статье [Таратынов 2014] отмечается, что в некодифицированной речи основы на губной при присоединении суффикса *-ёж* могут реализовывать модель с добавлением эпентетического *л'* — *давлёж*, *глумлёж*, *воплёж* и т. д., ср. (примеры из Интернета): *Просто сложилось мнение, большое сопротивление — музыкальность, меньше — давлёж; Меня просто задел ваш необоснованный глумлёж*. Форма *воплёж* наряду с *вопёж* отмечена и Т. Ф. Ефремовой, ср., например, [Ефремова 2000]. В «Словаре...» данная модель не упомянута.

Огорчительно краткой и малоинформативной выглядит статья про суф-

фикс **-АНУ(ТЬ)**. Широкая экспансия глаголов на *-ану(ть)* — одна из наиболее примечательных особенностей эволюции русской глагольной системы в течение последних 100–150 лет. Этому явлению уже посвящено несколько специальных исследований — ср., в частности, важную (хотя и содержащую ряд неточностей) статью [Kuznetsova, Makogova 2012]. В. В. Лопатин и И. С. Улуханов ограничиваются лишь немногими примерами неологизмов на *-ану(ть)* и ничего не пишут о сочетаемостных особенностях этого суффикса, в частности, о практическом полном запрете на присоединение к неодносложным основам, ср. [Ibid.: 160ff.]. Между тем этот запрет настолько силен, что почти не нарушается даже в сколь угодно некодифицированной речи, в том числе при основах с исходом на группу согласных: примеры типа *форвардануть*, *торрентнануть* вместо обычных *форварднуть*, *торрентнуть* единичны.

Имеются лакуны и собственно в списках морфов. Так, от наречия *урывками* образуется диминутив *урывочками*. Эта форма встречается, в частности, в «Трех сестрах» Чехова и, несмотря на свою редкость, опять-таки отмечена в «Грамматическом словаре русского языка». В соответствии с подходом В. В. Лопатина и И. С. Улуханова (см. выше о формах типа *сторонкой*) в слове *урывочками* должен быть выделен суффикс **-ками**², представляющий собой алломорф суффикса **-ОК**³, однако такого алломорфа в статье **-ОК**³ нет. Подобным же образом, несмотря на хорошо известную пару *улица* — *закоулок*, среди префиксальных морфов отсутствует морф **КО**⁻² [Кузнецова, Ефремова 1986] или, если угодно, **ЗАКО**- [Тихонов 1985].

У Предисловия к «Словарю...» есть любопытная особенность: если не считать технической отсылки к «Грамматическому словарю русского языка»

А. А. Зализняка, причем в издании 1977 (не 2003) г. (с. 7), в нем не упоминается ни одна лингвистическая работа. Эта особенность тем более примечательна, что, например, сопоставимые с Предисловием по объему и выполняющие примерно те же функции вводные разделы к словарям [Тихонов 1985] и [Кузнецова, Ефремова 1986] содержат десятки ссылок. Разумеется, не может быть и речи о том, что В. В. Лопатин и И. С. Улуханов не владеют литературой по теме, — их эрудиция общеизвестна. Такое построение Предисловия имеет символический характер: авторы словно стремятся убедить читателя, что с момента выхода Грамматики-70 в лингвистике (и не только) не произошло ничего, заслуживающего внимания:

— не было детальной и чрезвычайно убедительной критики теоретических положений Грамматики-70. Помимо уже цитированной статьи [Ворт 1975], см., в частности, [Ворт 1972; Зверев 1975: 214; Земская 1975а, 1975б; Булыгина 1977: 221–224, 234, сн. 33]¹⁰;

¹⁰ Показательно, что в своей рецензии мы в нескольких случаях едва ли не дословно повторили соображения Е. А. Земской, ср.: «[А]вторы (...) рассматривают элементы, которые ранее трактовались как производные суффиксы, в качеств(е) алломорфов простого суффикса. При этом они отходят от принятого в языкознании определения алломорфа, считая, что алломорфы не обязательно должны находиться в отношении дополнительной дистрибуции» [Земская 1975б: 80]; «Итак, по нашему мнению, в Грамматике-70 разбиение материала на самостоятельные суффиксы и алломорфы суффикса во многих случаях производится без ясных оснований» [Там же: 81]; «[Н]е ясны основания, по которым сегменты с элементом *-л'* то признаются особыми суффиксами (например, *-льщик* по сравнению с *-щик*, *-лец* по сравнению с *-ец*), то — алломорфами суффикса, не содержащего *-л'*» [Там же]. См.

— не было работ по русской морфологии, в том числе книги [Чурганова 1973], в которой, помимо прочего, дан замечательный по своей подробности анализ правил дистрибуции диминутивных суффиксов *-ок*, *-ик* и *-чик* ([Там же: 158–203]; см. особенно таблицу 14 на с. 159);

— не было работ по словообразовательной семантике — см. хотя бы [Плунгян 1983; Спиридонова 1999];

— не было «Словаря морфем русского языка» А. И. Кузнецовой и Т. Ф. Ефремовой;

— не были созданы Национальный корпус русского языка и другие лингвистические корпуса;

— даже Интернета, кажется, как не было, так и нет.

Возвращаясь к вопросу, поставленному в начале нашей рецензии, мы можем лишь констатировать следующее. Безусловно, те или иные единичные исправления и уточнения могут быть внесены в «Словарь...» и в его нынешнем виде. Однако учесть все важнейшие результаты, полученные в изучении различных аспектов русского словообразования в течение последнего полувека, в рамках концепции В. В. Лопатина и И. С. Улуханова нет решительно никакого способа¹¹. Как ни горько это осо-

также суждение Т. В. Булыгиной о том, что принятый В. В. Лопатиным и И. С. Улухановым способ описания «изображает дело так, будто бы речь идет об индивидуальных свойствах рассматриваемых суффиксов» [Булыгина 1977: 222, сн. 22].

¹¹ Ср. проницательное замечание Т. В. Булыгиной, относящееся, разумеется, к Грамматике-70, но едва ли не в еще большей степени справедливое для «Словаря...»: «[И]збранная авторами композиция и манера изложения материала, по-видимому, и не допускает иного способа описания соответствующих фактов» [Булыгина 1977: 221, сн. 21].

знавать, книга, задуманная как исчерпывающее описание русских словообразовательных морфем «во всей совокупности их свойств и правил образования слов с этими морфемами» (с. 5), устарела за много десятилетий до выхода в свет.

Л и т е р а т у р а

Барулин 2018 — А. Н. Барулин. «Русское именное словоизменение» А. А. Зализняка и дальнейшие пути развития его идей. Ч. I // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков: Периодический сборник научных статей. Вып. 10. М., 2018. С. 19–76. URL: http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2018_10/2.pdf.

Булыгина 1977 — Т. В. Булыгина. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.

Ворт 1972 — Д. С. Ворт. Морфотактика и морфофонемика // Актуальные проблемы русского словообразования. Т. 1. Самарканд, 1972. С. 397–403.

Ворт 1975 — Д. С. Ворт. О роли абстрактных единиц в русской морфологии // Развитие современного русского языка 1972. М., 1975. С. 53–68.

Грамматика-70 — Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Грамматика-80 — Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980.

Ефремова 2000 — Т. Ф. Ефремова. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.

Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Зверев 1975 — А. Д. Зверев. О связанных и вариантных (усеченных) основах // Развитие современного русского языка 1972. М., 1975. С. 211–216.

Земская 1975а — Е. А. Земская. О понятии «позиция» в словообразовании // Развитие современного русского языка 1972. М., 1975. С. 14–25.

Земская 1975б — Е. А. Земская. К проблеме множественности морфонологи-

ческих интерпретаций (спорные случаи членения производных основ в современном русском языке) // Развитие современного русского языка 1972. М., 1975. С. 69–88.

Иткин 1996 — И. Б. Иткин. Морфологические модели русского отглагольного словообразования // Русистика сегодня. 1996. № 4. С. 17–44.

Иткин 1997 — И. Б. Иткин. Рыбий жир или Соколиный Глаз? (Об одном акцентно-обусловленном распределении в русском словообразовании) // Studia linguarum. М., 1997. С. 316–323.

Иткин 2005 — И. Б. Иткин. Об одном ограничении на сочетаемость суффиксов с основой в современном русском языке // Славяноведение. 2005. № 4. С. 50–57.

Иткин 2007 — И. Б. Иткин. Русская морфология. М., 2007.

Кузнецова, Ефремова 1986 — А. И. Кузнецова, Т. Ф. Ефремова. Словарь морфем русского языка. М., 1986.

Лопатин 1975 — В. В. Лопатин. О структуре суффиксальных оценочных наречий // Развитие современного русского языка 1972. М., 1975. С. 232–234.

Плунгян 1983 — В. А. Плунгян. I. Коммуникативная информация и порядок слов. II. Пресуппозиции в словообразовании прилагательных // Предварительные публикации проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике Института русского языка АН СССР. Вып. 149. М., 1983.

Спиридонова 1999 — Н. Ф. Спиридонова. Русские диминутивы: проблемы образования и значения // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58. № 2. С. 13–22.

Таратынов 2014 — П. А. Таратынов. Производные с суффиксом -ёж и их морфологические особенности в текстах русского интернета // Я. Э. Ахапкина, Е. В. Рахилина (ред.). Современный русский язык в интернете. М., 2014. С. 291–294.

Тихонов 1985 — А. Н. Тихонов. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Ок. 145 000 слов. М., 1985.

Чурганова 1973 — В. Г. Чурганова. Очерк русской морфологии. М., 1973.

Browne 1981 — W. Browne. Slavic *-ba* and English **slil*: Two persistent constraints // *Folia Slavica*. 1981. Vol. 4. P. 219–225.

Browne 1999 — W. Browne. Dissimilarity of consonants as a factor in suffixation // *Guard the Word Well Bound: Proceedings of the Third North American-Macedonian Conference on Macedonian Studies*. In Honor of Professor Horace Gray Lunt on the Occasion of His 80th Birthday. Indiana Slavic Studies. 1999. Vol. 10. P. 33–37.

Janda et al. 2013 — L. A. Janda, A. Endresen, Ju. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nessel, S. Sokolova. Why Russian aspectual prefixes aren't empty: prefixes as verb classifiers. Bloomington, Indiana, 2013.

Kuznetsova, Makarova 2012 — Ju. Kuznetsova, A. Makarova. Distribution of two semelfactives in Russian: *-nu-* and *-anu-* // A. Grønn, A. Pazelskaya (eds.). *The Russian Verb*. Oslo Studies in Language. 2012. Vol. 4(1). P. 155–176.

И. Б. Иткин

Институт востоковедения РАН,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
ilya.borisovich.itkin@gmail.com

Получено 25.04.2019

[Review of:]

Lopatin V. V., Ulukhanov I. S.

*The Dictionary of Derivational
Affixes in Modern Russian*. — Moscow:
Azbukovnik, 2016. — 812 p.

References

Barulin, A. N. (2018). «Russkoe imennoe slovoizmenenie» A. A. Zaliznyaka i dal'neyshie puti razvitiya ego idey. Ch. 1. In *Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov*:

Periodicheskii sbornik nauchnykh statei. Issue 10 (pp. 19–76). Moscow. Retrieved from http://www.ilingran.ru/library/sborniki/for_lang/2018_10/2.pdf

Browne, W. (1981). Slavic *-ba* and English **slil*: Two persistent constraints. *Folia Slavica*, 4, 219–225.

Browne, W. (1999). Dissimilarity of consonants as a factor in suffixation. In Ch. E. Kramer, & B. Cook (Eds.), *Guard the Word Well Bound: Proceedings of the Third North American-Macedonian Conference on Macedonian Studies*. In Honor of Professor Horace Gray Lunt on the Occasion of His 80th Birthday (pp. 33–37). Bloomington: Slavica.

Bulygina T. V. (1977). Problemy teorii morfologicheskikh modelei. Moscow: Nauka.

Churganova, V. G. (1973). *Ocherk russkoy morfonologii*. Moscow: Nauka.

Efremova, T. F. (2000). *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi*. Moscow: Russkiy yazyk.

Itkin, I. B. (1996). Morfonologicheskie modeli russkogo otglagol'nogo slovoobrazovaniya. *Rusistika segodnya*, 4, 17–44.

Itkin, I. B. (1997). Rybii zhir ili Sokolinyi Glaz? (Ob odnom aktsentno-obuslovlennom raspredelenii v russkom slovoobrazovanii). In A. S. Kasyan (Ed.), *Studia linguarum* (pp. 316–323). Moscow: RGGU.

Itkin, I. B. (2005). Ob odnom ogranichenii na sochetaemost' suffixov s osnovoi v sovremenom russkom yazyke. *Slavyanovedenie*, 4, 50–57.

Itkin, I. B. (2007). *Russkaya morfonologiya*. Moscow: Gnozis.

Janda, L. A., Endresen, A., Kuznetsova Ju., Lyashevskaya O., Makarova A., Nessel T., & Sokolova S. *Why Russian aspectual prefixes aren't empty: prefixes as verb classifiers*. Bloomington: Slavica Publishers.

Kuznetsova, A. I., & Efremova, T. F. *Slovar' morfem russkogo yazyka*. Moscow: Russkiy yazyk.

Kuznetsova, Ju., & Makarova, A. (2012). Distribution of two semelfactives in Russian: *-nu-* and *-anu-*. *Oslo Studies in Language*, 4(1) 155–176.

Lopatin, V. V. (1975). O strukture suffixal'nykh otsenochnykh narechii. *Razvitie sov-*

mennogo russkogo yazyka 1972 (pp. 232–234). Moscow: Nauka.

Plungyan, V. A. (1983). I. Kommunikativnaya informatsiya i poryadok slov. II. Presuppozitsii v slovoobrazovanii prilagatel'nykh. *Pre-dvaritel'nye publikatsii problemnoi gruppy po eksperimental'noi i prikladnoi lingvistike Instituta russkogo yazyka AN SSSR*. Issue 149. Moscow.

Shvedova, N. Yu. (1970). *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. Moscow: Nauka.

Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1980). *Russkaya grammatika* (Vols. 1–2). Moscow: Nauka.

Spiridonova, N. F. (1999). Russkie diminutivy: problemy obrazovaniya i znacheniya. *Izvestiya akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 58(2), 13–22.

Taratynov, P. A. (2014). Proizvodnye s sufiksom *-yozh* i ikh morfonologicheskie osobennosti v tekstakh russkogo interneta. In Ya. E. Akhapkina, E. V. Rakhilina (Eds.), *Sovremennyy russkiy yazyk v internete* (pp. 291–294). Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury.

Tikhonov, A. N. (1985). *Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka* (Vols. 1–2). Moscow: Russkiy yazyk.

Worth, D. S. (1972). Morfotaktika i morfofoniemika. In *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya* (Vol. 1, pp. 397–403). Samarkand: Izd-vo Samarkand. un-ta.

Worth, D. S. (1975). O roli abstraktnykh edinits v russkoy morfonologii. In S. I. Ozhegov, & M. V. Panov (Eds.), *Razvitie sovremennogo russkogo yazyka 1972* (pp. 53–68). Moscow: Nauka.

Zaliznyak, A. A. (1985). *Ot praslavyanskoi aktsentuatsii k russkoi*. Moscow: Nauka.

Zemskaya, E. A. (1975). K probleme mnozhestvennosti morfonologicheskikh interpretatsii (spornye sluchai chleneniya proizvodnykh osnov v sovremennom russkom yazyke) In S. I. Ozhegov, & M. V. Panov (Eds.), *Razvitie sovremennogo russkogo yazyka 1972* (pp. 69–88). Moscow: Nauka.

Zemskaya, E. A. (1975). O ponyatii «pozitsiya» v slovoobrazovanii. In S. I. Ozhegov, & M. V. Panov (Eds.), *Razvitie sovremennogo russkogo yazyka 1972* (pp. 14–25). Moscow: Nauka.

Zverev, A. D. (1975). O svyazannykh i variantnykh (usechennykh) osnovakh. In S. I. Ozhegov, & M. V. Panov (Eds.), *Razvitie sovremennogo russkogo yazyka 1972* (pp. 211–216). Moscow: Nauka.

Ilya B. Itkin

Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences /
Higher School of Economics
(National Research University)
(Moscow, Russia)
ilya.borisovich.itkin@gmail.com

Received on April 25, 2019

DOI 10.31912/rjano-2019.2.13

Е. А. Лютикова. Структура именной группы в безартиклевом языке. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. — 440 с.

Как известно, генеративное направление в лингвистике началось с анализа английского языка. Однако достаточно быстро стало ясно, что развитие теории, которая ставит своей целью исследование универсальной языковой способности человека, невозможно без привлечения данных других языков. Использование типологического материала позволяет не просто расширить теорию,

включив в нее феномены, характерные для конкретного языка или языковой семьи, — сопоставление материала разноструктурных языков позволяет из нескольких конкурирующих теоретических подходов выявить подход, наиболее адекватный эмпирическим данным. В России генеративизм стал активно использоваться в качестве исследовательской программы только в XXI в.,

однако русский язык давно служит важным источником материала как для формально-семантических исследований, например при изучении аргументной структуры глагола и видо-временной проблематики, так и в области синтаксиса, в частности при изучении синтаксиса именных составляющих [Лютикова, Татовосов 2017]. В этой области оживленную дискуссию вызывает проблема единства организации именной группы в артиклевых и безартиклевых языках. Решению данной проблемы посвящена монография Е. А. Лютиковой.

DP-анализ именной группы был впервые предложен в работах С. Эбни и А. Сабольчи. Согласно этому анализу, артикль является вершиной самостоятельной группы определителя DP (*determiner phrase*) и принимает группу лексического существительного NP в качестве аргумента. Однако артикли есть не во всех языках, поэтому возникает вопрос, универсальна ли функциональная категория D. Если считать категорию D универсальной, тогда вне зависимости от наличия в языке лексических единиц, соотносимых с артиклями, именная группа обладает иерархической структурой, в которой лексическая категория N вложена по крайней мере в одну функциональную оболочку (DP). При этом синтаксическая проекция DP является локусом референциальной семантики. Противники гипотезы об универсальности DP утверждают, что соответствующая категория есть только в языках с артиклем, а в языках, не имеющих артикля, референциальная семантика выражается в проекции лексического существительного NP. Таким образом, наличие либо отсутствие артикля в лексиконе языка не просто определяет способ реализации референциальной семантики, но в целом задает синтаксическое устройство и поведение именной группы.

Е. А. Лютикова ставит перед собой цель детально исследовать внешний и

внутренний синтаксис именных групп в безартиклевых языках и показать, что структура именной группы в них повторяет иерархическую структуру именных групп артиклевых языков. Книга Е. А. Лютиковой вносит большой вклад в одну из крупнейших дискуссий в формальной лингвистике и является единственной работой, в которой представлена настолько подробная и разносторонняя аргументация по данной тематике. Изложение строится преимущественно на материале русского языка, две линии рассуждения — на материале татарского и осетинского языков; при этом активно привлекается широкий типологический фон — как в сопоставительных и иллюстративных целях, так и для подкрепления аргументации.

Монография состоит из четырех глав. В Главе 1 «Группа определителя и иерархическая структура именной группы» автор знакомит читателя с историей развития DP-гипотезы и аргументами в ее пользу. Справедливо замечается, что DP-гипотеза не утверждает, что все именные группы артиклевого языка являются DP. Группа определителя DP и группа лексического существительного NP имеют различную дистрибуцию, которой соответствуют различия в интерпретации. Из возможности самостоятельного употребления структур размера NP возникает гипотеза о различном устройстве именных групп артиклевых и безартиклевых языков. Аргументы противников гипотезы об универсальности DP сводятся к тому, что грамматические явления, связываемые с проекцией DP в артиклевых языках, в языках без артиклей либо отсутствуют, либо мотивированы семантически. Так, Ж. Бошкович предполагает, что элементы именной группы, относимые в артиклевых языках к проекции D, проявляют те же синтаксические свойства, что и прилагательные, которые входят в структуру лексического существительного NP [Bošković 2008].

Аргументы сторонников универсальности DP Е. А. Лютикова делит на три больших класса: позиционные, дистрибутивные и «барьерные». Позиционные аргументы связаны с тем, что некоторые компоненты именной группы должны располагаться в высокой структурной позиции, выше уровня прилагательных и числительных. Например, интерпретация указательного местоимения меняется в зависимости от позиции относительно числительного: ср. *эти пять аксиом* и *пять этих огромных стрекоз*, где указательное местоимение имеет значение ‘такого типа’ (см. подробнее [Kagan, Pereltsvaig 2011]).

Дистрибутивные аргументы сводятся к тому, что в различных контекстах допускаются именные группы разной структуры. Так, в предложениях характеристики именные группы в предикативной позиции могут иметь только статус NP, а добавление указательных местоимений влечет к изменению статуса именной группы до DP и превращает предложение характеристики в предложение идентификации, ср.: *Бурмин был милый молодой человек* и *Бурмин — этот милый молодой человек*. Подобное изменение в интерпретации предложения отражает связь проекции определителя с референциальными характеристиками именной группы.

Смысл «барьерных» аргументов заключается в следующем: наличие проекции DP в структуре именной группы возможно установить по эффектам непроницаемости границы именной группы для определенных синтаксических процессов. Е. А. Лютикова приводит новые аргументы этого типа для русского и осетинского языков. В частности, в русском языке названные эффекты непроницаемости обнаруживают событийные существительные, имеющие при себе актантный инфинитивный оборот. Так, оказывается, что названия ситуаций в сочетании с глаголом с лек-

сической функцией *Орег* демонстрируют грамматическую слитность и допускают извлечение вопросительных и относительных элементов: *Они касались подвала здания, который было принято [решение [превратить ~~который~~ в эксплуатируемое помещение]]*. В то же время в свободном сочетании с лексическим глаголом извлечение составляющих из зависимого инфинитивного оборота недопустимо: **Мы знаем, кем кадет объяснял свое [решение [стать кем]]*. Е. А. Лютикова показывает, что семантическая слитность глагольной коллокации коррелирует с отсутствием синтаксической границы DP.

Глава 2 «Посессоры в структуре именной группы» развивает идею об иерархическом вложении проекций именной группы в безартиклевых языках. Е. А. Лютикова убедительно показывает, что связь посессора с функциональной проекцией D не является универсальной: например, подобная связь наблюдается для татарского языка, но нерелевантна в русском.

Е. А. Лютикова открывает интересные факты, связанные со взаимным расположением внутреннего и внешнего аргументов предметных и событийных существительных. Устанавливается регулярная закономерность прилегания генитивного аргумента к вершине. Так, если и аргумент-агенс (внешний аргумент существительного), и аргумент-тема (внутренний аргумент существительного) выражены родительным падежом, аргумент-тема предшествует аргументу-агенсу или посессору: *конспект лекции брата*. В том случае, когда аргумент-тема выражен другим падежом, аргумент-агенс в родительном падеже располагается ближе к именной вершине: *эскизы Куманькова к этой картине, естественное недовольство артиста самим собой, торговля англичан опиумом*. Таким образом, линейное расположение аргументов определяется

способом их оформления и семантические ролями.

Тезис о многоуровневом устройстве именной группы подробно аргументируется в Главе 3 «Признаковая и линейная структура именной группы». В первом разделе данной главы автор представляет свидетельства синтаксической репрезентации категории числа в виде синтаксической числовой вершины Num. В частности, обосновывается, что интерпретируемый признак числа, вводимый вершиной Num, и морфологическое число существительного могут быть независимы друг от друга. Так, например, существительные *singularia* и *pluralia tantum* могут обозначать как единичные, так и множественные сущности (*морковь, ножницы*); также в ряде конструкций морфологическое число может не соответствовать семантическому, значение которого недоопределено (*ремонт холодильников, платье с коротким рукавом*).

Расположение компонентов именной группы относительно функциональных оболочек исследуется на материале данных о согласовании в русском языке. Подробно рассматриваются два явления: предикативное согласование по числу с количественной группой (*три года прошло/прошли*) и атрибутивное согласование по роду для существительных, имеющих грамматический мужской род и используемых для обозначения лиц женского пола (*врач, редактор*). Интересными представляются наблюдения об употреблении собирательных числительных вместе с последней группой существительных. Устанавливается, что прилагательные, способные модифицировать только одушевленные существительные женского рода, неграмматичны, если они присоединяются до собирательного числительного: **двое беременных секретарей*. Е. А. Лютикова делает вывод о том, что признак женского рода в таких конструкциях не может появляться

ниже собирательного числительного. Кроме того, на материале рассогласования по роду иллюстрируется различие между малыми числительными *два* и *оба*. Автор предполагает, что *два* располагается ниже в структуре именной группы в сравнении с *оба* и не может получить признак женского рода, вследствие чего примеры типа *обе врача* встречаются значительно чаще, чем конструкции типа *две врача*.

Второй раздел главы уточняет базовое линейное расположение компонентов русской именной группы, привязанных к проекциям функциональных вершин. Е. А. Лютикова использует для этого данные двух феноменов. Во-первых, рассматриваются инвертированные именные группы с сортовой (*продукция рыбная*) и аппроксимативной семантикой (*минутки две*), для которых предлагается анализ через синтаксическое передвижение вершин. Во-вторых, анализируется сфера действия адекватных операторов, к которым автор относит прилагательные в превосходной степени, порядковые прилагательные и прилагательное *единственный*. Показывается, что наличие элементов левой периферии именной группы (указательных местоимений, притяжательных элементов) влияет на доступность разных интерпретаций предложения с адекватными операторами.

Важным результатом Е. А. Лютиковой является выделение особого типа постпозиции прилагательного — так называемой предикатной инверсии: *Актеры — существа хрупкие* (ср. с не предикатной инверсией: *Улица пустая производит ужасное впечатление*). Данные конструкции обладают ограниченной дистрибуцией, они занимают предикативную позицию в составе клаузы. Причем именная группа имеет нереферентный денотативный статус: *Лицу человека серьезного для общения*. Характерная особенность предикатной инверсии — десемантизованность

существительного или принадлежность к Данному, как в случае *Маши* — *шахматистка решительная*. Предикатная инверсия допустима для оценочных прилагательных, а также предикатов индивидуального, а не стадийного уровня, ср.: *Да вы сами-то девушки невысокие / *пьяные*. Особые свойства предикатной инверсии Е. А. Лютикова связывает с особенностями внутренней структуры таких именных групп, а именно: именные группы с предикатной инверсией не содержат именных функциональных проекций и представляют собой группу лексического существительного NP, а прилагательное в таких именных группах исходно располагается справа от именной вершины.

Завершают монографию разделы, посвященные изучению относительных клауз в структуре именной группы. На широком типологическом фоне (включая, помимо русского, такие языки, как удинский, адыгейский, эстонский, ирландский и др.) рассматриваются способы структурного соотношения между именной вершиной и относительной конструкцией, а также различные семантические типы относительных клауз: рестриктивные, аппозитивные и максимализирующие.

Русский язык предоставляет весомый аргумент в пользу связи рестриктивного относительного предложения с проекцией определителя D в безартиклевых языках. Материалом служат именные группы с местоимением *тот* и именем собственным. Употребление указательного местоимения с именем собственным наиболее приемлемо при наличии рестриктивного определения, ср. *та Москва очаровывала туристов* против *та старинная Москва очаровывала туристов*. Причем *тот* при таких употреблениях сохраняет свою дейктическую функцию, что вызывает малую приемлемость сочетания *та сегодняшняя Москва*. Однако при добавлении относительного предложения указан-

ный семантический конфликт нивелируется: *та сегодняшняя Москва, которую строит Лужков*. Это подтверждает идею Е. А. Лютиковой о том, что для проецирования относительной клаузы необходима проекция определителя, которую в данном случае заполняет указательное местоимение *тот*.

Для аппозитивных клауз предлагается анализ, согласно которому относительная клауза присоединяется строго выше уровня определителей и квантификаторов, вследствие чего не участвует в создании экстенционала определяемой именной группы. Получается, что эмпирически адекватный анализ относительных клауз возможен только при условии, что расширенная проекция именной группы содержит более одной максимальной проекции. Предлагаемое направление анализа в равной степени мотивировано как для артиклевых, так и для безартиклевых языков. Таким образом, материал относительных клауз становится существенным аргументом в пользу универсальности синтаксического устройства именных составляющих в разноструктурных языках.

Итак, монография Е. А. Лютиковой подтверждает, что устройство синтаксической структуры именных составляющих не предопределяется наличием или отсутствием артикля в языке. Привлекая аргументы, касающиеся разных аспектов именной проблематики, автор делает фундаментальный вывод о том, что безартиклевые языки демонстрируют такую же организацию семантико-синтаксического интерфейса, как и языки, имеющие артикль.

Отдельно хочется отметить композиционную стройность изложения. Каждый из приведенных аргументов представляет собой законченный теоретический сюжет, но при этом все описанные языковые явления складываются в целостную картину, дающую полное представление о проблематике

именной группы вообще и об устройстве именной группы в русском языке в частности. Книгу отличает точно выверенная логика, мотивирование тех или иных шагов анализа как с точки зрения эмпирических данных, так и в целях построения насколько возможно экономной и ёмкой теории.

Хотя работа проведена в рамках формального синтаксиса, монографию можно посоветовать и тем, кто не занимается формальным моделированием языковых явлений и больше привык к традиционным описаниям. Автор опирается на результаты традиционной русистики, ссылается как на отечественные, так и на зарубежные исследования. По каждой проблеме приводится история анализа, специальная терминология вводится отдельно, нередко устанавливаются аналогии с традиционными описаниями (ср., например, идею *актуализатора* в работах Е. В. Падучевой, который осуществляет ту же семантическую операцию, что и элементы категории D). При этом работу Е. А. Лютиковой характеризует внимательность к материалу и виртуозное владение эмпирическими данными.

В заключение хочется сказать, что монография Е. А. Лютиковой относится к тем работам, в которых читатель, увлеченный развитием научной мысли, поднимается до уровня исследователя и остается наедине с наукой. Хочу выразить надежду, что у читателя данного обзора будет возможность найти время внимательно и без суеты прочитать монографию и получить от чтения большое удовольствие.

Литература

Лютикова, Татевосов 2017 — Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов. Русский язык и формальная лингвистика // *Rhema. Рема*. 2017. № 4. С. 9–22.

Bošković 2008 — Ž. Bošković. What will you have, DP or NP? // *Proceedings of NELS*. Vol. 37. 2008. P. 101–114.

Kagan, Pereltsvaig 2011 — O. Kagan, A. Pereltsvaig. Bare NPs and semantic incorporation: objects of intensive reflexives at the syntax-semantics interface // *Formal approaches to Slavic linguistics 18: The Cornell meeting*. 2011. P. 226–240.

А. А. Герасимова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова / Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
anastasiagerasimova432@gmail.com

Получено 20.04.2019

[Review of:] E. A. Lyutikova.

Noun Phrase Structure

in an Articleless Language. — Moscow: LRC Publishing House, 2018. — 440 p.

References

Bošković, Ž. (2008). What will you have, DP or NP? *Proceedings of NELS*, 37, 101–114.

Kagan, O., & Pereltsvaig, A. (2011). Bare NPs and semantic incorporation: objects of intensive reflexives at the syntax—semantics interface. In W. Browne (Ed.), *Formal approaches to Slavic linguistics 18: The Cornell meeting* (pp. 226–240). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications.

Lyutikova, E. A., & Tatevosov, S. G. (2017). Russkiy yazyk i formal'naya lingvistika. *Rhema*, 4, 9–22.

Anastasia A. Gerasimova

Lomonosov Moscow State University/
Pushkin State Russian Language Institute
(Moscow, Russia)
anastasiagerasimova432@gmail.com

Received on April 20, 2019

**Толстая С. М. Мир человека в зеркале языка.
Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике. —
М.: Индрик, 2019. — 704 с.**

Книга включает 45 очерков, изданных большей частью с середины 1980-х по 2018 г. (две статьи относятся к публикациям более ранних времен и две — к работам, печати ещё не видевшим; многие статьи напечатаны в зарубежных изданиях, преимущественно в славянских странах, и сейчас стали более доступными отечественному читателю).

Написанные в разное время, эти очерки содержательно и в методологическом плане близки друг другу и, будучи собранными под одним переплётом, приобрели новую цельность, приближающую рекомендуемое издание к жанру монографии.

Книгу образуют пять крупных разделов: (I) «От слова к слову. Семантическая реконструкция», (II) «От смысла к слову. Лексическая типология», (III) «От формы к смыслу. Словообразование и морфонология», (IV) «Лексика в контексте культуры» и (V) «Varia». Деление представляется довольно условным: аспекты анализа не разграничиваются жёсткими теоретическими перегородками, но, ввиду сложности исследуемой материи, могут совмещаться и пересекаться, взаимно дополняя и разъясняя друг друга.

(I) В этот раздел помещены работы, в которых анализируются семантические спектры как отдельных слов праславянского возраста, так и этимологических гнёзд, — в их смысловых корреляциях со словами иных этимологических привязок; целью таких сближений и проти-

вопоставлений ставится реконструкция семантического развития лексики, дифференциации и специализации значений в разного рода словесных группировках. Отдельные очерки посвящены лексическим парам **mirъ* — **svrъtъ*, *vera* — *pravda* (рассматриваемой в контексте древнего славянского права), **xorniti* — **xovati*, *желать* — *жалеть*, *забыть* — *запомнить*, *весел(бе)* — *рад(ость)*, русск. *честь* — польск. *honor*; вскрываются сложные семантические структуры слов — серб. (диал.) *варовати* ‘блюсти, праздновать’ (в связи с выражением *варовни дани* ‘не являющиеся церковными праздниками дни, почитаемые из страха перед всякого рода бедствиями’), **čist-* (с объяснением множества устойчивых сочетаний вроде русск. *чистое поле*, *чистая правда*, *чистая работа*, *чистый доход...* и производных *чисто* ‘словно’, *подчистую*, *чистобай*, *чистоган...*), русск. *найти* (по разным линиям синонимизируемого с *встретить*; *обнаружить*; *счесть*; *получить*; *выбрать*), **svojъ* (с выделением сфер применимости на русском и польском лексическом и фразеологическом материале).

(II) Раздел открывается опирающимся на типологический метод Н. И. Толстого теоретическим очерком, в котором разграничиваются и уточняются понятия типологии лексической (ономасиологический подход с преобладающим вниманием к лексико-семантическим полям и тематическим группам слов), семан-

тической (семасиологический подход, ориентированный на выявление и исследование семантической структуры слова и особенно важный для этимологии) и, наконец, лексико-семантической (сочетающей оба названных аспекта и исходящей либо из денотативного поля, но при этом ограничивающей его лексически, либо из лексического поля — с выявлением набора и соотношения денотативных сфер, обозначаемых лексикой исследуемого гнезда); построения иллюстрируются анализом семантической сферы «искать» и её лексического оснащения в славянских языках (**jьskati*, **šukati*, **ględati*, **tražiti*, **barati*, **tręsti*, **dъrati*, **sokati*/**sočiti*...).

Далее подобному рассмотрению подвергаются именованья чувств и ощущений (с системным сводом славянских общих имён для «чувства, ощущения» и «органа чувства» и специальных названий «зрения», «слуха», «осязания», «обоняния», «вкуса»), *verba* и *nomina dicendi* (**govoriti*, *(*съ*)*kazati*, **rekti*, **mъlviti*, **povęd-ęti/-ati*, **praviti*, **golgolati*, **besęda*, **duma* и др. с их производными), концептуальные поля «любовь» (как широко представленные слова с корнями **l'ub-*, **mil-*, **lask-*, **kox-*, так и обозначения понятий любви с более узкой идиомной приуроченностью — **vol-*, **vyk-*, **sak-/sok-*, **bog-*, **dob-*, **dorg-*, **drug-*, **xot'*, **gal-*, **god-*, **norv-*, **prijat-*, **rad-*, **vlek-*, **žal-*), «пища и питание» (описание мотивационных моделей глаголов со значениями 'давать пищу', 'держатъ скот, птицу', 'делать сытым', 'каузировать жизнь', 'придавать силы, делать крепким'; многозначного глагола **traviti*, включающего, кроме прочего, как прямое значение 'есть', так и каузативное 'кормить'), «ошибка» (формулирование мотивационных моделей «потеря пути», «непопадание в цель», «кривизна», «неустойчивость, колебание, сомнение», «безумие», «обман, обольщение», «пус-

тословие, вздор», «недостаток, изъян»), фрагменты западнославянской терминологии брака и свадьбы (в связи с древнейшей лексикой традиционного права).

(III) Эту часть книги образуют очерки, обращённые к формальным аспектам и измерениям лексики — к словообразовательным типам, морфонологическим моделям и их функциям. Преобладающий интерес автора в данных случаях сосредоточивается на связи формальных моментов в лексике с содержательной стороной лексических единиц. Так, впервые предпринятый анализ вариантных рефлексаций праславянских глаголов с префиксом **ob-/o-*, опирающийся на их свод в «Этимологическом словаре славянских языков», обнаруживает тяготение рефлексов с **ob-* к совмещению перфективного значения с семантикой полного охвата действием объекта (*оббить*, *обчислить*...), к синонимизации с **ot-* (завершение действия: *обкоситься* 'окончить покос', к значению кругового движения — частному случаю полного охвата (*обступить*, *обтискать*...), к дистрибутивной семантике (*обиить*, *обстирать*...) и др. В разделе представлены описания типов глагольных основ и их лексического распределения, наблюдения над глагольной многозначностью в сопряжении с типами субъекта, над зависимостью семантики отглагольного имени от актантажной структуры глагола, широкий круг морфонологических проблем и иные дериватологические сюжеты.

(IV) Не обойдённые и в предыдущих разделах книги, связи лексики и традиционной культуры здесь получают развёрнутые описания и интерпретации, в которых язык (лексические коды), фольклор и ритуал служат равноценными источниками реконструкции (что

составляет, как известно, один из краеугольных постулатов московской этнолингвистической школы).

Отдельные фрагменты «разнославянских» картин мира показаны в очерках «Клятва и проклятие в языке и культуре», «„Глаголы судьбы“ и их корреляты в языке культуры», «Зоологический код в славянской народной медицине: волчьи болезни», «Чеш. *nádcha...* [‘катар’, ‘насморк’] и их инославянские параллели», «Н.-луж. *chódota* [‘колдунья’]: имя и персонаж», «Март великопостный: названия недель Великого поста в южнославянских языках», «Лексика традиционной духовной культуры Косова в южнославянской и общеславянской перспективе».

(V) Заключительный раздел составляют работы, отражающие интерес автора к другим областям славянского языкознания — диалектологии, лингвистической географии, истории литературных языков, поэтике: статьи, посвящённые ареалогическим наблюдениям над литературной лексикой в «Лексическом атласе белорусского языка»; союзу/частице *да* в полесских говорах; кашубско-восточнославянским лексико-семантическим параллелям, лек-

сическому своеобразие новгородских говоров, языковой ситуации в средневековой Польше, фонологии рифмы и др.

Издание сопровождается перечнем использованной литературы и библиографической справкой о первых публикациях.

А. Ф. Журавлёв

Институт славяноведения РАН /
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
afzhuravlev@yandex.ru

Получено 10.12.2019

[Review of:]

Svetlana M. Tolstaya.
The World of Man in the Mirror
of Language. Moscow: Indrik. 2019

Anatoly F. Zhuravlev

Institute for Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences /
Moscow State University
(Moscow, Russia)
afzhuravlev@yandex.ru

Received on December 10, 2019

Адреса университетов и институтов
Addresses of universities and institutes

- Государственный институт русского языка им. А. С.Пушкина*
117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6
Pushkin State Russian Language Institute
6 Academic Volgin str., Moscow 117485, Russia
- Институт востоковедения РАН*
107031, Москва, Рождественка 12
Institute of Oriental Studies, RAS
12 Rozhdestvenka, Moscow, 107031, Russia
- Институт лингвистических исследований РАН*
199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
Institute for Linguistic Studies, RAS
9 Tuchkov pereulok, St. Petersburg 199053, Russia
- Институт российской истории РАН*
117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19
Institute of Russian History, RAS
19 Dmitriya Ulyanova st., Moscow, 117292 Russia
- Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН*
119019, Москва, Волхонка 18/2
Vinogradov Institute of Russian Language, RAS
18/2 Volkhonka, Moscow 119019, Russia
- Институт славяноведения РАН*
Москва, 119991, Ленинский проспект 32-А
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
32-A Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia
- Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова*
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
Lomonosov Moscow State University
1/51 Leninskiye gory, Moscow 119991, Russia
- Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»*
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
National Research University Higher School of Economics
20 Myasnitskaya str., Moscow 101000, Russia
- Новосибирский государственный технический университет*
630073, Новосибирск, пр-т К. Маркса, 20
Novosibirsk State Technical University
20 K. Marx Prospekt, Novosibirsk 630073, Russia
- Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет*
115184, Москва, 1-й Новокузнецкий пер., д. 4, стр. 1
St. Tikhon Orthodox University for the Humanities
4-1, 1st Novokuznetskiy per., Moscow, 115184, Russia
- Российский государственный гуманитарный университет*
125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6
Russian State Humanitarian University
6 Miusskaya area, GSP-3, Moscow 125993, Russia

ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ

1. Для публикации в журнале принимаются статьи на русском, английском и немецком языках, соответствующие научному профилю журнала и не публиковавшиеся ранее в других изданиях.
2. Материалы для публикации отбираются на основе независимого рецензирования и решения редколлегии журнала. Рецензии направляются авторам для ознакомления и учета замечаний рецензентов.
3. Все публикации для авторов бесплатны.
4. Спустя год после выхода из печати каждого номера журнала он в полном объеме публикуется на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).
5. Рукопись предоставляется автором в электронном виде по адресу gusyaz@yandex.ru (и по запросу — в печатном виде). Если в статье используются нестандартные шрифты, их также следует прислать.
6. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, страна, город, телефон, электронный адрес. Редакция журнала рассылает авторские экземпляры оттисков в формате PDF только по электронной почте.
7. Непринятые рукописи не возвращаются.
8. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга ему возвращается).

Основные правила оформления текста статьи

1. Текст статьи должен быть предоставлен в формате Microsoft Word for Windows.
2. Заголовок статьи, инициалы и фамилия автора, место работы, резюме (до 10 строк) и ключевые слова в статьях, принятых к печати, приводятся на русском и английском языках.
3. Все лингвистические примеры внутри текста приводятся курсивом (слово *продажа*; суффикс *-ик* и т. п.). Примеры, выделенные в отдельный абзац, даются прямым шрифтом.
4. В хроникальных заметках о научных конференциях фамилии участников набираются полужирным шрифтом. После фамилий в круглых скобках указывается город для русских участников и город и страна для зарубежных участников конференции: **И. И. Иванов** (Москва), **Дж. Смит** (Лондон, Великобритания).
5. В тексте статьи ссылки на работы заключаются в квадратные скобки, после года выпуска ставится двоеточие и указываются страницы: [Иванов 2012: 45–58] или [Иванов 2012: 45–58; Новикова 1999: 354]. При перечислении нескольких работ одного автора его фамилия не повторяется, годы выпуска указываются через точку с запятой: [Иванов 2000: 34–38; 2012: 78–81]. Если даются ссылки на несколько работ одного автора за один и тот же год, нужно использовать буквенные сокращения: [Иванов 2012а: 45–58; 2012б: 12–15]. Если работа коллективная, указывается первое имя с добавлением «и др.», в иноязычных ссылках — «et al.»: [Иванов и др. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. Если имя автора является частью текста, используется следующая форма: «А. А. Иванов [2012: 45–58] утверждает, что...».

Основные правила оформления библиографии

1. Список цитируемой литературы и источников помещается в конце статьи и упорядочивается по алфавиту.
2. Источники, в частности словари, должны быть внесены в список литературы.
3. Список литературы оформляется по образцу вышедших номеров, доступных на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).

NOTES FOR CONTRIBUTORS

1. Manuscripts submitted to *Russian Language and linguistic theory* should be original contributions in Russian, English or German, relevant to the scope of the journal and should not have previously been published elsewhere.
2. Contributions for publication are screened in the process of peer review by independent referees and the final decision regarding publication lies with the Editorial Board. Referees' comments will be sent to authors, who will be expected to return corrections to the Editor by e-mail.
3. All publications are free of charge to authors.
4. The issues are published in full on the website www.ruslang.ru (see "Publications") one year after the publication.
5. Manuscripts should be submitted by email sent to rusyaz@yandex.ru (and also by post on request). All custom fonts used in the manuscripts should be sent by email.
6. The cover letter must include the following information about the author: full author's name, full postal mailing address, email address. All authors of full-length articles and reviews will receive the offprint in PDF format by email and one copy of the issue in which their contribution appears.
7. Rejected manuscripts will not be returned.
8. Book reviews should be sent to the Editorial Secretary together with the reviewed book (the book will be returned on author's request).

Main format rules for articles and reports

1. Contributions must be submitted in the format of Microsoft Word for Windows.
2. The first page should include the title, author's surname and initials, institutional affiliation, abstract of the article (up to 10 lines) and keywords in both Russian and English.
3. All phrases, words, affixes, letters etc. used as linguistic examples within the body of the text must be italicized (the word *prodazha*; the suffix *-ik* etc.) All examples presented in a separate paragraph must be in regular font.
4. In reports on academic conferences, names of the participants should be in bold, followed by city (for Russian participants), or city and country (for foreign participants), given in parentheses in regular font: **I. I. Ivanov** (Moscow), **J. Smith** (London, Great Britain).
5. References should be given in square brackets, designating the name of the author, year of publication, and, where relevant, after the colon, the page(s) referred to: [Ivanov 2012: 45–58], using semi-colons to separate different authors: [Ivanov 2012: 45–58; Novikova 1999: 354]. In the case of multiple references by the same author(s), the name(s) should not be repeated and the years should be listed, using semi-colons to separate different publications: [Ivanov 2000: 34–38; 2012: 78–81]. When several works by one author for the same year are referred to, lower-case letters ("a", "b", etc.) should be placed immediately after the year: [Ivanov 2012a: 45–58; 2012b: 12–15]. When a work written by two or more authors is referred to, first name should be given followed by «et al.»: [Ivanov et al. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. If the reference name naturally forms part of a sentence, use the form: "A. A. Ivanov [2012: 45–58] maintained that..."

Main format rules for references

1. All works referred to must be listed at the end of the article in alphabetical order.
2. All sources of citations including dictionaries and lexicons must be added to the reference list.
3. The list of referred works should be formatted according to the published issues of the journal available on the site www.ruslang.ru (see "Publications").

Научный журнал

Русский язык в научном освещении

№ 2. 2019

Основан в январе 2001 года

Выходит два раза в год

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Редакция журнала «Русский язык в научном освещении».
Тел.: (495) 637-79-92, факс: (495) 695-26-03, e-mail: rusyaz@yandex.ru

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*
Редактор номера *Е. И. Державина*
Корректор *М. Л. Максимова*
Оригинал-макет подготовлен *В. Ю. Гусевым*

Подписано в печать 15.01.2020. Формат 70 × 100 ¹/₁₆

Бумага офсетная № 1, печать офсетная

Усл. п. л. 18,2. Заказ № 1995

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 960 243 32 82